Р. Г. Скрынников

Сибирская экспедиция ЕРМАКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Р. Г. СКРЫННИКОВ

СИБИРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЕРМАКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1982

Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака.— Новосибирск: Наука, 1982.

В монографии показана историческая обусловленность присоединения Сибири к России в конце XVI в. Всесторонне рассмотрены взаимоотношения России и народов Сибири в период, предшествующий присоединению, освещена роль народной колонизации в освоении окраин. Заново исследована вся совокупность источников по ранней истории Сибири и выделен комплекс известий, непосредственно восходящих к «архиву» Ермака. Воссоздание «архива» и введение в научный оборот новых, не известных ранее данных позволили автору полностью пересмотреть хронологию похода и его основных этапов.

Книга рассчитана на специалистов в области русской истории и филологии, а также на широкую читательскую аудиторию.

Ответственный редактор
акад. А. П. Окладников

C $\frac{0505010000 — 815}{042(02)—82}$ 67 — 82, кн. 1.

ВВЕДЕНИЕ

Освоение Сибири сыграло исключительную роль в истории русского народа. Именно поэтому поход Ермака, положивший начало присоединению Сибири к России, является значительным историческим событием.

Проблемы, связанные с сибирской экспедицией Ермака, вызвали к жизни обширную литературу. Споры относительно времени, характера и основных этапов экспедиции продолжаются по сей день. Трудности в решении этих вопросов коренятся в состоянии источниковедческой базы: сведения о походе Ермака скудны, отрывочны и противоречивы.

Начало изучению истории Сибири положил в XVII в. замечательный сибирский историк, географ и картограф С. Ремезов. Свою «Историю Сибирскую» он всецело посвятил походу Ермака[1].

Автор первого научного труда по русской истории В. Н. Татищев приступил в XVIII в. к составлению «Общего географического описания всея Сибири» и сбору сибирских источников. Его начинания способствовали развитию сибирской историографии на научной основе[2].

Важный этап в изучении Сибири связан с деятельностью ряда крупных экспедиций XVIII в., снаряженных Российской Академией наук. Одним из участников этих экспедиций был Г. Ф. Миллер — член Петербургской Ака-

демии наук, историк и археограф. За время пребывания в Сибири (1733—1743 гг.) он собрал богатейший исторический, а также археологический, этнографический и географический материал. В 1750 г. Российская Академия наук опубликовала первую часть его труда под заглавием «Описание Сибирского царства и всех произшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе»[3]. Г. Ф. Миллер ввел в научный оборот множество сибирских летописей, грамот, актов. Используя приемы исторической критики, он старался выяснить достоверность фактов, но при этом следовал правилу знакомить читателя со всеми источниками, не исключая «баснословных», что вызвало резкие упреки со стороны В. Н. Татищева[4].

Ученый выразил в значительной мере официозный взгляд на проблему присоединения Сибири. Правительственная колонизация в его глазах целиком заслонила народную. Следуя мифу о «воровстве» Ермака, Г. Ф. Миллер называл казацкого вождя и его сподвижников за их прошлое «разбойниками с большой дороги». Г. Ф. Миллеру было чуждо представление о народных массах как главной силе в освоении Сибири. В то же время он обратил особое внимание на такой момент, как установление мирных взаимоотношений между казаками Ермака и местными племенами. После взятия Сибири, писал он, Ермак «начал себя оказывать как милостивый государь, который тем доволен, что подданные безобидно принести могут»[5].

Г. Ф. Миллер заметил хронологические несообразности в описаниях экспедиции, но не взялся за их объяснение, ограничившись следующими словами: «Не намерен я пространно объяснять о находящейся здесь неисправности в счислении времени и ниже изъяснять сомнение»[6].

Насыщенный ценнейшим фактическим материалом труд Г. Ф. Миллера не утратил значения до настоящего времени.

Развитие демократической традиции в историографии XVIII в. связано с именами М. В. Ломоносова и А. Н. Ра-

дищева. М. В. Ломоносов видел в освоении Сибири результат «неутомимых трудов нашего народа»[7]. Присоединение нового края, утверждал он, было во многом осуществлено «больше приватными поисками, нежели государственными силами», причем главная заслуга, по его убеждению, принадлежала казакам и русским поморам. М. В. Ломоносов склонен был защитить Ермака от наветов в разбое: «...О сем деле должно писать осторожно и помянутому Ермаку в рассуждении завоевания Сибири разбойничества не приписывать». Значение первой сибирской экспедиции М. В. Ломоносов оценивал с позиции укрепления России[8].

А. Н. Радищев считал, что в присоединении Сибири сказались «великий дух свободы» русского народа и такие качества народного характера, как «твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении». В его глазах почин принадлежал новгородцам, и даже Строгановы выступали представителями той новгородской вольницы, которая приблизила к Сибири русские поселения. Экспедицию в Сибирь осуществил Ермак и «непорабощенные воины» — вольные казаки с Дона. А. Н. Радищев увидел величие Ермака как народного вождя и героя. Самодержавие, всегда угнетавшее носителей воли, обратилось к сибирским делам, когда народ сделал свое дело. Непрочность власти Кучума, «пришельца и завоевателя» по отношению к местным сибирским народам, облегчила Ермаку и его казакам разрешение задачи[9].

Концепция А. Н. Радищева, мыслителя-революционера, была связана с его общим взглядом на роль народа в истории, на борьбу «вольности» и «самовластия» как стержень общественного развития.

С противоположных позиций подходил к ранней сибирской истории крупнейший дворянский историк XIX в. Н. М. Карамзин. Считая летопись, составленную при дворе купцов Строгановых в XVII в., достовернейшим из всех сочинений о походе Ермака, он воспроизвел схему этой ле-

тописи с небольшими изменениями: «Три купца и беглый атаман волжских разбойников дерзнули без царского повеления, именем Иоанна завоевать Сибирь»[10]. Купцы Строгановы действовали в Пермском крае именем царя, а потому нанятая ими дружина казаков неизбежно превратилась в царское воинство. Присоединение Сибири, по мнению Н. М. Карамзина, ничем не отличалось от завоевания Мексики и Перу испанскими конкистадорами. Ермак охарактеризован им как «российский Пизарро».

Изучение сибирской экспедиции продолжали авторы как исторических обзоров, так и общих трудов по русской истории[11].

Крупнейший буржуазный историк С. М. Соловьев считал колонизацию окраин важным фактором развития России. В рамках его общей концепции присоединение Сибири могло быть результатом только «известного движения русского народонаселения на северо-восток». Признавая значение вольной колонизации Сибири, С. М. Соловьев в то же время видел в казаках и прочих людях, составлявших передовые дружины колонизации, носителей анархических начал, противостоящих обществу и государству[12]. Совсем иная роль в схеме С. М. Соловьева отводится мирным колонизаторам и промышленникам Строгановым. Экспедиция Ермака была осуществлена потому, что Строгановы «нуждались в передовых людях колонизации, которые вовсе не имеют мирного промышленного характера, нуждались в отыскивателях путей, новых землиц, нуждались в казаках». С. М. Соловьев уделял большое внимание «подвигу Строгановых на пользу России и гражданственности». Строгановы, утверждал он, обладали не только материальными средствами, но и необыкновенной смелостью и энергией. «Прикамская сторона была украйна, на которую нападали дикие зауральские и приуральские народцы; правительство не могло защищать от них насельника, он должен был защищаться сам, своими средствами... отсюда уясняется важное значение Строгановых,

которые одни, по своим средствам, могли заселить Прикамскую страну, приблизить русские селища к Уралу и чрез это дать возможность распространить их и за Урал»[13].

Продолжая традицию А. Н. Радищева, А. И. Герцен считал русское движение в Азии важнейшим мировым событием, а присоединение Сибири — бескровным завоеванием, итогом «подвигов колонизации». Сибирь, считал А. И. Герцен, стала не колонией России, а ее обширной частью, что явилось следствием вольнонародной колонизации. «...Везде, где оседали усталые кучки (переселенцев.— *Р. С.*) в мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами...»[14] В исторических песнях А. И. Герцен искал и находил народную оценку деяний Ермака.

В. О. Ключевский лишь мимоходом затронул проблему присоединения Сибири. Излагая начальный момент освоения сибирских просторов, он указывал в первую очередь на необходимость «обезопасить восточные пределы государства от нападения зауральских инородцев» и овладеть «пушными богатствами Сибири»[15]. Вслед за С. М. Соловьевым В. О. Ключевский подчеркивал значение колонизации окраин в русской истории.

В советской историографии тема присоединения Сибири получила новое освещение. Большой вклад в развитие науки о Сибири внесли С. В. Бахрушин, А. П. Окладников, В. И. Шунков, А. И. Андреев.

С. В. Бахрушин заново исследовал комплекс сибирских летописей и сделал ряд важных общих выводов, показавших несостоятельность старых теорий «военно-правительственного присоединения Сибири»[16]. Русские промысловики и купцы, по его мнению, явились тем элементом, который проторил пути за Урал и подготовил почву для «сибирского взятия». Однако С. В. Бахрушин считал, что первая сибирская экспедиция, осуществленная «наемными казаками» Строгановых, сама по себе не привела к прочным результатам[17].

А. П. Окладников изучил процесс присоединения к России различных областей Сибири во всей его сложности и многообразии. Особенно важным в его анализе представляется выделение объективных предпосылок присоединения Сибири и влияния этого фактора на развитие местных племен и народностей [18].

В исследованиях В. И. Шункова показано, что процесс присоединения Сибири к России «включал явления различного порядка — от прямого завоевания до добровольного вхождения»[19]. Особое внимание В. И. Шунков уделил проблемам развития земледелия в Сибири. В связи с изучением аграрной истории он сделал вывод, что процесс присоединения Сибири следует рассматривать «в единстве с освоением сибирских земель трудовым русским населением». Некоторые районы Сибири, отметил В. И. Шунков, были освоены русскими людьми в итоге мирного продвижения без всякого вмешательства государственной власти [20].

А. А. Введенский, специально исследовавший историю торгово-промышленного дома Строгановых и его роли в «сибирском взятии»[21], видел в Строгановых «рыцарей так называемого первоначального накопления капитала в России». Будучи агентами правительства по управлению Пермским краем, Строгановы при Грозном послали своего «строгановского полководца на завоевание царства Кучума, следствием чего было присоединение Западной Сибири к Русскому государству»[22]. Взгляды А. А. Введенского подверглись критике со стороны ряда исследователей [23].

А. А. Преображенский расширил поле наблюдения, подвергнув анализу комплекс дипломатических материалов о «сибирском взятии» конца XVI в. Посольские документы позволили ему «признать значительную долю участия центральной власти в осуществлении похода Ермака»[24]. В то же время исследователь сделал важный вывод о том, что в преддверии Крестьянской войны начала XVII в. поход казачьей дружины Ермака имел особый

характер. Поясняя свою мысль, он писал: «Уход на территории, недосягаемые для царских властей, осуществленный отрядом поставленных вне закона казаков, был одной из вспышек острых социальных конфликтов эпохи. Правительству, однако, удалось в конечном счете воспользоваться результатами похода Ермака, на какой-то стадии подчинив его общегосударственным целям»[25].

З. Я. Бояршинова изучила историю населения Западной Сибири до начала русской колонизации[26]. Проанализировав материал о взаимоотношениях Сибири и Руси в ранний период, она пришла к заключению, что начало процесса присоединения Западной Сибири к России следует связывать не с экспедицией Ермака конца XVI в., а с успешными походами русских войск за Урал в конце XV в.[27] Подобная точка зрения не встретила, однако, поддержки в литературе[28]. Более убедительным, писал В. И. Шунков, является мнение, приурочивающее начало присоединения Сибири к России ко времени, «когда после знаменитого похода дружины Ермака за Урал возникли первые русские поселения первоначально в виде острогов, а затем и в виде деревень»[29].

Проанализировав историческую литературу о Сибири XVII в., В. Г. Мирзоев так оценил значение экспедиции Ермака: «Движение отряда Ермака следует представлять как первую волну мощного потока вольнонародного освоения, влившегося в Сибирь после падения царства Кучума»[30].

Оценивая политику царизма с классовых позиций, советские историки резко разграничивают колонизаторскую политику самодержавия и народную колонизацию, которая приводила к сближению местного населения с трудовыми массами России, благоприятствовала развитию производительных сил и культуры Сибири[31]. Преобладание крестьянской колонизации имело благотворное влияние на исторические судьбы Сибири. Включение сибирских народностей в состав Русского государства, отметил

А. П. Окладников, отвечало жизненным потребностям не только русского народа, но и народов Сибири, имело прогрессивное историческое значение [32].

В последние десятилетия наибольшие споры развернулись вокруг вопроса о времени похода и роли правительства в его организации.

Со времен Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева утвердилась точка зрения, согласно которой казаки выступили в поход 1 сентября 1581 г. [33] Мнение Н. В. Шлякова, относившего начало экспедиции к 1 сентября 1582 г., было основано на частном наблюдении и не получило поддержки в научной литературе [34]. Лишь Г. Красинский в 1947 г. повторил дату, предложенную Н. В. Шляковым, но при этом попытался примирить ее с традиционной. По его утверждению, ермаковы казаки прибыли с Волги на Урал в сентябре — октябре 1581 г., а в Сибирь отправились ранним летом 1582 г. [35]

Н. В. Шляков полагал, что завоевание Сибири было осуществлено отрядом казаков, переброшенных правительством с ливонского театра военных действий на Урал. Г. Красинский и здесь повторил вывод Н. В. Шлякова, утверждая, будто «сибирский поход Ермака явился прямым следствием решений и действий Московского правительства — Ивана Грозного» [36].

Новую попытку пересмотреть хронологию сибирской экспедиции предпринял В. И. Сергеев. В своих работах он более полно использовал так называемые «ногайские дела», в которых упоминались имена Ивана Кольца и других сподвижников Ермака [37]. В хронологических выкладках В. И. Сергеев следовал, однако, не ранним источникам XVI в., а поздним и менее достоверным — XVII — XVIII вв. Опираясь на данные С. Ремезова и Строгановской летописи, В. И. Сергеев составил следующую схему экспедиции: Ермак прибыл в вотчины Строгановых еще в 1577 г., зазимовал на уральских перевалах в 1579 г. и лишь через три года занял столицу Кучума Кашлык

(Искер). В течение этих трех лет будто бы произошло много кровопролитных битв между казаками и татарами[38].

В. И. Сергеев попытался пересмотреть вопрос об участии центральной власти в «сибирском взятии». По его мнению, «до 1592 г. включительно московское правительство не преследовало цели завоевания Сибирского ханства и его присоединения к России подобно Казанскому ханству»[39]. Даже первые военные экспедиции, посланные в Сибирь по следам Ермака, ставили ограниченную задачу — восстановление вассальных отношений сибирских правителей. Поход же ермаковцев не имел и такого значения: «Ни деятельность Строгановых, ни организованный ими поход Ермака не являлись началом официального завоевания и присоединения Сибирского ханства»[40]. Выводы В. И. Сергеева вызвали возражения[41].

*

* *

Советская историография достигла крупных успехов в изучении истории Сибири. Основное внимание историки уделяют выяснению объективной обусловленности присоединения Сибири к России, роли народных масс в этом процессе, земледельческого характера колонизации. Однако не все вопросы, связанные с указанной проблематикой, изучены в достаточной мере. Наименее разработанной остается конкретная история первого сибирского похода, включая участие в его организации Строгановых и московского правительства, хронологию и характеристику основных этапов. Потребность в монографическом исследовании сибирской экспедиции Ермака давно назрела. Настоящая книга и является попыткой такого исследования.

Глава I

ИСТОЧНИКИ

Документальные материалы о первой сибирской экспедиции не сохранились. Исключение составляет несколько царских грамот начала 80-х гг. XVI в. из фамильного архива Строгановых в Соли Вычегодской [1]. Определенный интерес с точки зрения исследования предыстории сибирского похода имеют подлинные документы Посольского приказа, упоминающие имена главных сподвижников Ермака [2].

Среди источников по ранней истории Сибири особую ценность представляют сибирские летописи. Они были впервые систематически исследованы в трудах С. В. Бахрушина, Д. С. Лихачёва и А. И. Андреева [3]. В последние годы летописание стало объектом анализа в специальных работах Н. А. Дворецкой, Е. И. Дергачевой-Скоп, В. И. Сергеева, Е. К. Ромодановской и др.[4]

Начало сибирского летописания исследователи единодушно относят к 20—30-м гг. XVII в. Летописные известия о походе Ермака возникли сразу после Смуты, что непосредственно сказалось на их содержании. Наметилось два направления в оценке Ермака, резко различавшиеся по своему характеру. Одно, представленное «Кратким описанием о земле Сибирской» и московским Новым летописцем, осуждало казачье «воровство», послужившее прелюдией к сибирской экспедиции. Второе направление,

представленное ранними тобольскими летописями и синодиками, не упоминало о «воровском» прошлом ермаковцев, изображая их защитниками православной веры.

К числу ранних сибирских летописей относится «Краткое описание о земле Сибирской»[5]. Один из списков его сохранился в составе рукописного сборника, скопированного для А. Л. Шлецера в XVIII в.[6] В издании сибирских летописей этот памятник опубликован по Головинскому списку[7]. В начале 30-х гг. XVII в. текст, лежавший в основе «Краткого описания...», был отредактирован и сокращен, после чего его включили в виде отдельной статьи в московский Новый летописец.

«Краткое описание...» и Новый летописец отразили официозную оценку действий вольных казаков на рубеже XVI—XVII вв. Казаки «своровали», сначала поддержав Расстригу, а затем вместе с Болотниковым осадив Москву. Из-за них произошла Смута в России.

В рамках подобной концепции не оставалось места для положительной оценки мотивов, побудивших Ермака двинуться в Сибирь. Автор «Краткого описания...» изображал начало сибирской экспедиции следующим образом: вольные казаки «воровaху много по Волги и по иным рекам»; царь, «видя их воровство и злое непокорство», велел их ловить и вешать; многие были казнены, а «иные аки волки разбегошася по Волге вверх»; с ними был их «старейшина атаман Ермак Тимофеев сын»[8]. Новый летописец дословно повторил приведенные фразы относительно «воровства» ермаковцев на Волге[9].

Описывая конец сибирского похода, автор «Краткого описания...» проводил мысль, что казаки погибли из-за собственной беспечности. Ермаковцы заснули на острове, «и никого от них стражи не бысть». Кучум прислал на остров татарина, который неслышно «украде у козаков пищаль и лядунку». После этого Кучум истребил отряд Ермака, «точию еден казак от них утече»[10].

Составители Нового летописца переделали текст, с тем

чтобы оттенить беспечность казаков. По их утверждению, Кучум будто бы дважды посылал татарина на остров и тот вытащил у спящих казаков «три пищали да три вязни»[11] («вязнями» называли ремни, на которых держалось оружие). Основательно сократив текст «Краткого описания...», автор Нового летописца внес в него и ряд других изменений:

Краткое описание...	**Новый летописец**
Ермак же сяде в царстве Сибирском и посла к великому государю к Москве с сеунчем 50 человек... Царь Иоанн Васильевич тех сеунчей пожаловал, а с ними послал воевод своих... к Ермаку и к атаманом его и к казаком посла свое государское жалованье, а Ермака повелел государь написати в грамотах сибирским князем[12].	Си же Ермак сяде в царстве Сибирском, ко царю же к Москве посла с сеунчем казаков пятдесят человек, а царь Иван Васильевич уже преставись... Государь же царь Федор тех сеунчюков пожалова, а с ним послал воевод своих... и к тому Ермаку и к отаманом и казаком посла с своим государевым с великим жалованьем, а к Ермаку повеле государь написати не отаманом, по князем сибирским[13].

Согласно начальной версии, гонцы Ермака прибыли в Москву к Ивану IV и были им награждены. Автор Нового летописца заменил имя Ивана IV именем Федора. Именно Федор будто бы получил весть о взятии Сибири и послал своих воевод на помощь Ермаку. Как объяснить столь грубое искажение фактов? Новый летописец был составлен в окружении Филарета и Михаила Романовых, связывавших свои права на трон всецело с именем царя Федора Ивановича. Автор московской летописи начинал свое повествование с известия о воцарении Федора и завершал сведениями о коронации Михаила и поставлении на патриаршество Филарета. Упоминание об Иване IV в самой первой статье летописи грозило нарушить композицию произведения, и летописец предпочел пожертвовать истиной.

Вторая группа памятников — ранние тобольские летописи и синодики — по своей идейной направленности значительно отличалась от памятников, выразивших официозный московский взгляд. В них отсутствовали сведения о казачьем «воровстве» и на первый план выдвигались заслуги ермаковцев в деле присоединения Сибири. Новая тенденция в освещении сибирской экспедиции возникла в провинции в связи с учреждением архиепископской кафедры в Тобольске и назначением на эту кафедру в 1621 г. известного церковного деятеля Киприана[14]. Человек деятельный и энергичный, Киприан завоевал доверие московских властей еще в то время, когда, будучи архимандритом Хутынского монастыря в оккупированном шведами Новгороде, добивался возвращения Новгородской земли в состав России. В Тобольске благодаря его энергии были выстроены архиепископский двор с соборной церковью, а тобольский Софийский дом добился больших земельных пожалований[15].

Чтобы укрепить авторитет вновь основанного архиепископства, Киприан искал случай канонизировать местных подвижников и святых. Решение этой задачи должно было облегчить ему выполнение основной миссии — христианизации присоединенного языческого края[16]. Киприан явился в Сибирь, имея смутные представления о местном населении и его традициях, но пробыв в Тобольске некоторое время, должен был оценить факт исключительной популярности Ермака в народе. Покоритель Сибири стал подлинным героем песен и сказаний русских переселенцев. Не меньшее внимание уделено ему и в фольклоре нерусских народностей. Предания связывали с его именем всевозможные чудеса. Киприан решил использовать этот своеобразный культ в интересах церкви и в 1622 г. приказал «кликати» Ермаку и его погибшим товарищам «вечную память» наряду с прочими пострадавшими за православие. Для составления синодика «убиенным» архиепископ обратился к ермаковцам, жившим в Тобольске.

Некоторые из ветеранов сибирского похода продолжали служить в пеших казаках под начальством своих атаманов и входили в состав «старой сотни». В начале XVII в. местный воевода отставил атамана «старой сотни» Гаврилу Ильина и назначил на его место литвина Б. Аршинского, сосланного в Тобольск за разбой. Сподвижники Ермака были возмущены тем, что их подчинили «голове» из служилых дворян, а не атаману. «Старые казаки» атаман Гаврила Ильин, пятидесятники Осташка Антонов и Ивашка Лукьянов, десятники Ларка Сысоев, Дружина Васильев, Фомка Бородин и Пашка Ерофеев немедленно подали царю челобитную о том, что служат они государю «в Сибири в Тобольске от Ермакова взятия лет по сороку и по пятидесяти с атаманами, а не з головами...»[17] Власти рассмотрели ходатайство ветеранов и вернули должность атамана «старой сотни» ермаковцу Гавриле Ильину.

Можно полагать, что Киприан обратился в первую очередь к Гавриле Ильину и его помощникам, когда ему потребовались сведения о погибших ермаковцах.

Среди уцелевших соратников Ермака многие дожили до глубокой старости: сибирская экспедиция была по плечу молодым и физически очень крепким людям. В 20-х гг. XVII в. архимандрит тобольского монастыря писал, что в его обители «стригутца все служивые люди: увечные, раненые и которые очьми обнищали, за убожество, иные и без вкладу стриглись, еще (из.— *Р. С.*) ермаковых казаков постриженники лет во сто и больши...»[18] Примерно в то же время тобольский воевода испросил в Москве разрешение на учреждение богадельни в Тобольске для престарелых служилых людей, которые служили «в Сибири лет по сороку и больше с сибирского взятия, и на боех ранены и за старость и за увечье от... службы отставлены и волочатца меж двор, помирают голодною смертью»[19]. (Ходатайство воеводы было удовлетворено).

Тобольский монастырь и богадельня находились в ведении архиепископского дома. Поэтому вполне возможно,

что Киприан распорядился привлечь для составления Синодика не только служилых казаков, но и ветеранов, находившихся на покое.

Некоторое время спустя ермаковцы явились на подворье к архиепископу и «принесоша к нему списки, како они приидоша в Сибирь и где у них с погаными агаряны были бои и кои из них именем атаманов и казаков побиша»[20]. Так появились в Тобольске первые «списки», или «написание», с записью «речей» оставшихся в живых участников сибирской экспедиции.

К тому времени прошло 40 лет после похода Ермака, и нет ничего удивительного в том, что казачьи «сказы» приобрели черты фольклора. Например, они имели зачин, весьма характерный для былин и исторических песен. «Не от славных муж, не от царского повеления воевод,— читаем в Синодике ермаковым казакам, отразившем эти «сказы»,— ...но от простых людей избра и вооружи... славою и ратоборьством и вольностию атамана Ермака Тимофеева сына... со единомысленою и с предоблею дружиною храбрствовавшею»[21].

Соратники Ермака, хорошо знавшие его, были весьма далеки от того, чтобы представлять его христианским подвижником. Поэтому духовенству пришлось подвергнуть «списки» их речей основательной переработке, прежде чем включить в Синодик. В результате приведенный выше текст «сказов» был искажен вставками церковно-житийного содержания. Между двумя частями фразы («не от славных муж... но от простых людей») появилось пространное рассуждение о том, что бог избрал Ермака «очистити место святыни и победити бесерменскаго царя Кучюма и разорити их богомерзкие капища», и т. п.

Длительное время Синодик был известен лишь в той редакции, которую сохранила летопись С. Есипова. Е. Н. Ромодановской удалось разыскать более ранний список этого памятника[22]. Он находится в сборнике поминаний, заведенном в начале XVII в. и пополнявшемся в те-

чение всего столетия. Синодик ермаковым казакам писан, по наблюдению Е. Н. Ромодановской, полууставом второй четверти XVII в. и помещен в конце основного текста Синодика [23].

Ранняя редакция Синодика, всего точнее передававшая «сказы» тобольских казаков, содержала указание на две решающие битвы, сокрушившие Кучумово «царьство»: «И бысть с ними (татарами.— *Р. С.*) первой бой ... и на том деле убиенным Околу, Ивану, Карчиге, Богдану Брязге...»; «бысть бой с нечестивыми под Обалаком декабря в 5 день... убиенным Сергею, Ивану, Андрею, Тимофею...» [24]

Рядом с записью о битве на Абалаке в Синодике есть другая запись: «Ермакове и дружине, безо опасения им идущим к рыбной ловле под Обалак декабря в 5 день... побиша на том деле Окула, Ивана, Карчигу, Богдана Брязгу и с их дружиною». Можно заметить, что в этой записи названы были те же самые имена, что и в записи о первом сражении. Обе записи не могли возникнуть одновременно, ибо создавалась абсурдная ситуация: есаула Богдана Брязгу и его товарищей поминали как умерших дважды, за смерть в бою им пели «вечную память большую», за погибель на рыбалке — «память малую». По-видимому, составители Синодика неоднократно обращались к тобольским ветеранам, и им не удалось примирить противоречия в показаниях последних.

Наличие двух версий о гибели Брязги вызвало сомнения у переписчиков Синодика, и они весьма своеобразно разрешили их. Уже в копии тобольского архиепископского дьяка С. Есипова 1636 г. запись о битве под Абалаком оказалась опущенной и оставлена одна запись о рыболовах. Копия 1636 г., включенная в состав летописи, имела чисто литературное значение, поскольку все имена убитых были в ней опущены.

Синодик, сохранившийся в составе летописи С. Есипова, нельзя рассматривать как испорченную копию раннего

текста Синодика ермаковым казакам. Внесенные изменения имели важное смысловое значение. Наибольшей переработке подверглись две записи — о сражении под Кашлыком и о последнем бое на Вагае:

Синодик ермаковым казакам	Есиповская летопись
...и противни собрашася... татареве во уреченном месте, у реки Иртыша, на берегу под Чювашею ...и бысть с ними первой бой охтебря в 26 день[25].	...и противнии собрашася во уреченном месте у реки Иртыша на берегу под Чювашевым ...И бысть с ними бой велик октября в 23 день[23].

Из раннего Синодика, непосредственно отразившего воспоминания тобольских ветеранов, следует, что Ермак разгромил татар в первом сражении 26 октября и в тот же день занял их столицу. Неизвестный редактор вычеркнул из текста слова «первой бой» и заменил их привычным летописным штампом — «бой велик», а также исправил дату с 26 на 23 октября. По сравнению с ранним Синодиком поздний лучше согласовывался с данными «Краткого описания о земле Сибирской». Автор «Краткого описания...» не считал, что под Чувашевым произошло первое сражение между казаками и татарами. Прежде чем казаки вступили в Кашлык, утверждал он, им пришлось вести бои с татарами «по многи дни»[27].

Редактор подверг правке также и запись о смерти Ермака. По словам очевидцев, дружина Ермака спаслась бегством и лишь «иные» погибли вместе с предводителем. Редактор исключил из текста Синодика сведения о бегстве дружины и вставил фразу о поголовной гибели казаков: «... посланием божиим уготовися час и прииде на воинов смерть и тамо вси избиени быша...»[28] Летописцы дополнили этот текст словами: «токмо един казак утече», «един токмо утече»[29]. Новая версия находила полную аналогию в «Кратком описании...»: татары казаков «спящих без страси поби, точию еден казак от них утече...»[30]

Тобольский архиепископский Синодик не является

единственным памятником, содержащим перечни имен погибших казаков. Известна краткая помянальная запись ермаковцев, скопированная тобольским любителем истории И. Черепановым в XVIII в.[31]

Синодик	Список И. Черепанова
И бысть с ними первой бой ...и на том деле убиенным Околу, Ивану, Карчиге, Богдану Брязге...	—
...бысть бой с нечестивыми под Обалаком декабря в 5 день... убиенным Сергею, Ивану, Андрею, Тимофею...	Сергея, Иоанна 3, Андрея 3, Тимофея 2.
...Ермакове и дружине, безо опасения им идущим к рыбной ловле под Обалак декабря в 5 день... побиша на том деле Окула, Ивана, Карчигу, Богдана Брязгу и с их дружиною...	—
...в хождении (к Назиму.— *Р. С.*) Ермаковым товарищем отоману Никите, Тимофею, Ивану, Анане, Анцыфору, Ивану, Григорию, Андрею, Алексею, Никону, Михаилу, Титу ин, Федору, Ивану, Артемия, Логину.	Иоакима, Иоакима, Григория, Алексея, Никона, Михаилу, Тита, Федора 2, Иоанны 2, Артемия, Логина.
...отомана Ивана Кольца, а с ним 40 человек товарства... Отоману Ивану Колцу, Владимиру, Василию 2, Лукияну.	Иоанна, Владимира, Василия 2, Лукиана.
Августа в 6 день Якову, Роману, Петру 2, Михаилу, Ивану, Ивану и Ермаку[32].	Иакова, Саввы, Петра 2[33].

Поминальный список И. Черепанова воспроизводил в основном те же имена, что и архиепископский Синодик. Но налицо также и некоторые расхождения. Составители черепановского списка соединили ряд имен (Тимофея 2, Ивана 3 и др.), поменяв местами некоторые из них. Кроме того, они вынесли имена атаманов в особый список, в котором упомянуты были, помимо Ермака, Ивана Кольца и Никиты Пана, также Яков Михайлов и Матвей Меще-

ряк. В черепановском списке названы рядовые казаки Иоаким и Савва, имена которых в архиепископском Синодике отсутствуют[34]. В копии И. Черепанова нет имен Богдана Брязги и его сотоварищей — Окула, Ивана и Карчиги.

Возникновение второй редакции тобольского Синодика было тесно связано с летописными работами, которые проводились при архиепископском доме в Тобольске в 20—30-х гг. XVII в.

При патриархе Филарете официальная летопись называла Ермака и его казаков ворами и разбойниками. За разбой этих «волков» следовало повесить, и только бегство с Волги в Приуралье спасло их от виселицы. Такой была официальная точка зрения столицы, расходившаяся с мнением местных церковных властей в Сибири. Провинциальная точка зрения получила признание в Москве лишь через два года после смерти Филарета. В начале 1636 г. священный собор назначил архиепископом Сибири Нектария. Новый пастырь пользовался большим влиянием при дворе, и ему удалось добиться изменения официального взгляда на Ермака[35]. 16 февраля священный собор «правильно по грамоте первому Нектарию» установил «вселенские» поминания Ермака и его казаков. «И оттоле,— сообщают тобольские источники,— уставися и до нынешнего лета помяновение вселенское на Москве и зде в Тобольску»[36]. В период между 1 апреля (время прибытия Нектария в Сибирь) и 1 сентября 1636 г. С. Есипов завершил работу над летописью, которая должна была закрепить новый взгляд на миссию ермаковых казаков в Сибири. За несколько месяцев он не мог начать и закончить обширное сочинение, на котором стоит его имя. Сам автор признался читателям, что он лишь «распространил» имевшуюся у него в руках более раннюю летопись, или «писание»[37].

Использованная С. Есиповым ранняя летопись не сохранилась, но ее текст поддается реконструкции. Дело

в том, что наряду с есиповским сочинением имеется еще одна редакция того же памятника — Строгановская летопись. В итоге тщательного текстологического исследования С. В. Бахрушин показал, что обе летописные редакции — Есиповская и Строгановская — восходят к общему протографу [38]. Наглядное представление об этом протографе дают приведенные ниже тексты с описанием генерального сражения под Кашлыком:

Строгановская летопись

И изыдоша из городка на бой месяца октября в 23 день на память святого апостола Иякова... И вси вкупе яко единема усты глаголаху: «С нами бог!» и паки: «Господи, помози нам, рабом своим!» И начаша приступати к засеке...

...и бысть с погаными брань велия; поганий же пустиша стрелы тмочисленные... крепко бьющеся, доидеже друг друга за руки емлюще сечахуся [39].

Есиповская летопись

Месяца же октября в 23 день вси рустии воины из городка на бой, вси глаголюще: «С нами бог». И паки приложиши: «Боже, помози ми, рабом своим!» Начаша приступать к засске...

...и бысть брань велия... погании же пустиша тмочисленныя стрелы... и бысть сеча зла, за руки емлюще сечахуся [40].

Найденное в протографе краткое описание батальной сцены не удовлетворило ни С. Есипова, ни составителя Строгановской летописи. В результате каждый из них дополнил текст подробностями, заимствованными из разных литературных источников. С. Есипов целиком взял это описание из рассказа о битве между болгарами и византийцами, изложенного в Хронографе редакции 1512 г.:

Есиповская летопись

И начаша приступати к засеке и бысть брань велия. Сии же злоратные мужие убиенпе и дерзость свирепоушную показоваху и яко копейные сулицы имеющие во утробах, ибо вооружишася собою

Хронограф 1512 г.

Паки полкы брани злоратныя, паки мужа убиенна... и дерзость свирепоушьную варвары показаху и якоже (козли), копейныя сулица имеюще во утробе, убо вооружишася вои со обою страну, греческии

крепце и вси дыхающе гневом и яростию, одеини же железом и медиощитиицы и копиеносцы и железострельцы. Составн же си брань от обою страну: поганни же пустиша тмочисленныя стрелы... и бысть сеча злая; за руки емлюще сечахуся...

Очерствлшася тогда кровми поля сущая ту, и послашася трупищи мертвец и блата собрашася от истекших кровей тогда...[41]

и болгарскии, и вси убо дыхающе гневом ярости и браии и вси железом одеиии, медиощитиицы и копиеносцы и железострельиицы и брань, губящиа мужа, составися отовсюду и падение велие со обою страну воем...

Очерствишася кровми поля Болгарьскиа и постлашася труппем мертвец и блата собрашася всюду ото истекших кровей..[42]

В результате редактирования текст ранней летописи оказался дополнен неуместными подробностями насчет полков с медными щитами и копьеносцев, заимствованными из истории древних византийцев.

Строгановский летописец использовал для пополнения протографа иные источники. Он ввел описание ночи перед битвой 23 октября и дополнил картину боя деталями из так называемой Повести 1626 г.:

Строгановская летопись

И уже нощи прошедши, свитающу дневи и солнцу просиявшу, просветися облак светлым блистанием. Ермак же о деле своем зело печашеся... И изыдоша из городка на бой месяца октября в 23 день.

По малу же времени поганни начаша оскудевати в силе своей; бог же казацем на поганых победу дая, казацы же поля приобретают и одолевают их и безчисленно поганых побивают и от засеки отбиша[43].

Повесть

Уже бо нощи прошедши, просиявшу солнцу, свитающи дневи, просветися облак светлым блистанием, воевода же московского воинства князь Михайло Васильевич Шуйской повеле глас трубной дати.

Ростригино же воинство помалу оскудеваше и вдашася бегству; московстии же народи поля обретают и усты меча гонят...

...поляце же поле обретают и усты меча гонят и безчисленно людей царевых побивают[44].

Текстологический анализ позволяет обнаружить, что и автор Строгановской летописи, и С. Есипов механически переписывали большие отрывки из имевшегося под руками общего источника, дополняя его вставками из различных сказаний, летописей и хронографов.

Текстуальные совпадения двух летописных редакций дают возможность довольно точно реконструировать их протограф — ту более раннюю Тобольскую летопись, которую использовали и С. Есипов и строгановский придворный летописец. Ранняя летопись содержала тексты о царях Сибирской земли от Чингисхана до Кучума (Сибирские летописи, с. 17—19; 113—114), о прибытии Ермака на Туру и пленении Таузака (с. 16, 126), строительстве татарами засеки под Кашлыком, взятии казаками меда в улусе Карачи, вступлении в городок Атик-Мурзы (с. 19, 20, 126—128); о битве 23 октября, бегстве Кучума и вступлении Ермака в Кашлык 26 октября; о помощи от Бояра (с. 20—26, 127—134), взятии в плен Маметкула, появлении Сейдяка и занятии казаками городов (с. 27—29, 138—142); о прибытии воеводы Семена Болховского (с. 31, 142), гибели Ивана Кольца (с. 33, 144), осаде Кашлыка Карачей и гибели Ермака 5 августа (с. 35—38, 147—149); о походе Ивана Мансурова, постройке им Обского городка и осаде острога остяками (с. 40, 151), об излиянии божьей благодати на Сибирскую землю (с. 44, 162).

В описании главных событий сибирской экспедиции автор ранней Тобольской летописи следовал второй редакции Синодика ермаковым казакам, совпадавшей в некоторых пунктах с «Кратким описанием о земле Сибирской». Он нарисовал красочную картину четырех крупных сражений, будто бы предшествовавших падению Кашлыка.

Автор летописи, послужившей общим источником для Есиповской и Строгановской летописей, пересмотрел показания очевидцев в пользу поздней версии также и в другом решающем пункте — в рассказе о гибели Ермака.

Синодик

И доидоша до Вагайского устья и обночевашес на перекопи...

...ужаснушася нечестивых и в бегство приложишас, а инем на стенах побитым...[45]

Краткое описание

Ста почевати в пролев и утрудишася велми стали спати и никоего от них стражи не бысть.

...и Ермака и казаков спящих без страси поби, точию еден казак от них утече[46].

Протограф

Строгановская летопись

...зело утрудишася от многаго пути и дошедше до перекопа и обночевашеся ту

...и тако ту вси избиени быша, едни токмо утече[47].

Есиповская летопись

...утрудившеся от многаго пути, доидоша же до перекопи, ту обночевашася... стража же крепце не утвердиша.

...казаком же спящим... и побиша, токмо едни казак утече[48].

Синодик, основанный на показаниях очевидцев, засвидетельствовал, что казаки, подвергшись нападению, бежали с поля боя. Автор ранней Тобольской летописи стал утверждать, вопреки показанию очевидцев, будто в последней стычке отряд Ермака был поголовно истреблен.

Ранняя Тобольская летопись подверглась литературной обработке, попав в руки С. Есипова и неизвестного автора Строгановской летописи.

Последний дополнил ее текст, сделав заимствования из упомянутой выше Повести 1626 г., посвященной событиям Смутного времени[49]. Текстовые сопоставления показывают, что почти все развернутые описания боев ермаковой дружины, которыми строгановский летописец дополнил раннюю Тобольскую летопись, близки, часто дословно следуют описаниям этой знаменитой повести:

Строгановская летопись

Погании же противу нашедших крепце и немилостивно наступаху на конех, копей-

Повесть 1626 г.

Поляцы же противу нашедших жестоко и тяжко защищение предлагают, копейным

ным поражением и острыми стрелами казаков уязвляют велми...	поражением и вострыми саблями смертие москвич и немец уязвляют...
...Ермак же о сем оскорбися много зело и на гнев подвижася, возъярися сердцем велми и повеле дружине своей препоясатися оружием..,	...Шуйской инако о сей бывшей победе ужасеся и много подвижеся на гнев и разъярився зело о убийстве своих вои, отомщение уповая наследити, и повеле войску препоясатися бранным своим оружием...
...и брань опускают и ото обою страну друг на друга... наскачивают... и от смертных поражений падают трупия мертвых ото обою страи. Уже бо нощией тме нашедши и брань преста...	...и тако брань смертную спускают... Со обою страну ополчение жестокое бысть: друг на друга направляюще копия своя и поражением смертоносным уязвляются... падают трупия мортвых семо и овамо... ...нашедши нощи, преста брань... ...падают трупие мертвых ото обою страну...
...Время же бе наста яко в полунощи... погании ж яко неистово дышуще, готовлящеся на пролитие крови...[50]	Поляцы же в нощи той нападоша на полки царевы яко неистовственно дыхая пролития крови...[51]

Можно заметить совершенно различную манеру переработки текста у С. Есипова и автора Строгановской летописи. Если первый механически переписывает большие отрывки текста, то второй в аналогичной ситуации непременно видоизменяет текст. Замечательно, что автор Строгановской летописи дополнил раннюю Тобольскую летопись картинами природы, набросанными яркими штрихами и весьма сходными с аналогичными картинами Повести:

Строгановская летопись	Повесть 1626 г.
И по сем убо зимная година проиде, мразу и студени облегчевашу от солнечные теп-	И зимная година проиде, уже время бысть весны, студень уже совлечеся своих

лоты... И егда весне приспевши и от теплости воздуха снегу раствившу... тогда убо всяко животно веселящеся и птицам прелетающим в та места плодов своих ради...[52]

ипьев, и мразу от своей жестости ослабевши и растаявшу снегу...

...Уже зиме прошедши... и весна празнуется, время начинается веселити смертных, на воздусе светлостию блистаяся, растаявшу снегу... и отовсюду украшаются плоды земля, поют птицы сладким воспеванием[53].

Отметив факт «поразительного сходства в обоих произведениях картин природы, столь редких вообще в московской письменности», С. Ф. Платонов указал на невозможность в этом случае установить простое заимствование. «Напротив,— писал он,— неизбежно следует признать однородность творчества»[54].

Отметим еще один факт, который может иметь значение существенного аргумента. Последние строки летописи и заключительные вирши Повести совпадают:[55]

Строгановская летопись

Сия словеса о сем преходят в конец сей повести, всяк бо чтый да разумеет и дело толикие вещи не забывает[56].

Повесть 1626 г.

Первые вирши

Сему писанию конец предлагаем, а дела толикия вещи во веки не забываем... словеса писанию преходят в конец.

Вторые вирши

Всяк бо чтый да разумеет, а дела толикии вещи не забывает[57].

Приведенные отрывки подтверждают предположение о том, что в составлении Строгановской летописи и Повести 1626 г., возможно, участвовало одно и то же лицо. В числе наиболее вероятных авторов Повести в разное время называли московских писателей Ивана Катырева-Ростовского, Семена Шаховского и Ивана Хворостинина, а также тобольского сына боярского Сергея Кубасова[58].

В своих ранних работах С. Ф. Платонов обстоятельно доказывал, что автором Повести 1626 г. был князь И. Катырев-Ростовский[59]. Открытие текстуальных совпадений в Повести и Строгановской летописи заставило его отказаться от такой атрибуции. С. Ф. Платонов оставил открытым вопрос о возможном авторе двух сходных сочинений[60].

Еще А. Н. Попов считал автором Повести 1626 г. Сергея Кубасова[51]. Ученица С. Ф. Платонова — А. М. Ставрович приняла эту точку зрения и попыталась доказать, что тобольский сын боярский С. Кубасов был автором как Повести, так и Строгановской летописи[52]. Однако С. Ф. Платонов не согласился с нею, высказав веские сомнения. В доводах А. М. Ставрович имеется очевидная хронологическая несообразность. Автор Повести 1626 г. описал события Смутного времени как очевидец. Следовательно, его сознательная жизнь протекала в первой половине XVII в. А между тем все известные факты биографии С. Кубасова относятся к 60—90-м гг. XVII в., иначе говоря он жил во второй половине.

Недавно М. В. Кукушкиной удалось разыскать новый список Повести 1626 г., заканчивающийся указанием на то, что «изложена бысть сия книжица летописная многогрешным в человецех Семеном Шаховским»[53]. По мнению М. В. Кукушкиной, найденная запись окончательно разрешает вопросы, связанные с атрибуцией произведения. Тем не менее представляется, что находка нового списка не устраняет всех сомнений. Творчество С. Шаховского ждет своего исследователя[54]. Известны две повести С. Шаховского (о царевиче Дмитрии и о Григории Отрепьеве), которые имеют много текстовых аналогий и совпадений с Повестью 1626 г., но отличаются от последней богословской риторикой и стилем. Нетрудно заметить, что описания природы, общие для Повести 1626 г. и Строгановской летописи, мало напоминают стиль сочинений, бесспорно принадлежащих перу С. Шаховского.

Что касается биографических данных о С. Шаховском, они допускают возможность его участия в работе над сибирскими летописями. В первый раз князь С. Шаховской попал в ссылку в Тобольск в 7130 (1621—1622) г. Как раз в то время в Тобольске по распоряжению Киприана велись работы по составлению Синодика ермаковым казакам и, может быть, ранней Тобольской летописи. То, что между Киприаном и князем С. Шаховским сразу возникли определенные отношения, можно считать доказанным фактом. В соответствии с литературными нравами времени князь обратился к архиепископу с обширным посланием, называя Киприана «великий господине мой и учитель»[65].

В своих записках С. Шаховской утверждал, что, попав в Тобольск в 7130 г. он был «того же году пожалован, взят к Москве»[66]. Второй раз С. Шаховской оказался в Сибири между 1628 и 1632 гг.: в автобиографии он упомянул о службе в Енисейске в 1628 г. и возвращении в Москву в 1632 г. При этом писатель ни словом не обмолвился о своей новой опале. Сибирская Книга записная позволяет восполнить этот пробел. В ней зафиксировано, что «в тех же годах был в Тобольску с Москвы в ссылке... князь Семен Харя (прозвище писателя.— *Р. С.*) да князь Иван Шаховские»[67].

Население Сибири было немногочисленным, и собственная летописная традиция только начинала складываться. С. Шаховской был заметной фигурой, и тобольские церковники могли обратиться к нему за помощью в своих литературных начинаниях. Такое предположение вполне правдоподобно. Однако пока нет никаких строгих доказательств причастности писателя к составлению и редактированию киприановского Синодика либо к работе над ранней Тобольской летописью.

На склоне лет, в 1647—1648 гг., С. Шаховскому довелось провести около двух лет в Соли Вычегодской — резиденции семьи Строгановых[68]. Можно отметить одно многозначительное совпадение. Как раз в 30—40-х гг. XVII в.

Строгановы проявляли исключительный интерес к своим фамильным архивам. Они свезли в Соль Вычегодскую все документы, хранившиеся в их пермских, московских, калужских и прочих вотчинных архивах, и провели большую работу по упорядочению собранных фондов. Каждый документ был снабжен ярлыком, в котором указывались дата его составления, наличие печати и подписей. «Позже, во второй половине XVII в.,— пишет А. А. Введенский,— мы уже не замечаем такой тщательности в работе строгановских архивистов»[69]. Конечно, отмеченное совпадение могло иметь и случайный характер[70].

Существенное значение для атрибуции Строгановской летописи имеют палеографические данные. В свое время А. И. Андреев отнес строгановскую рукопись (ГПБ, поступления 1939 г., № 13, скоропись XVII в.) ко второй половине XVII в. на том основании, что ее филиграни можно примерно датировать 30—50-ми гг. XVII в. и даже 1660 г.[71] А. А. Введенский оспорил его наблюдения и сделал вывод, что водяной знак Строгановской летописи — кувшинчик с двумя ручками и литеры *RC* — тождествен филиграням деловых грамот из Строгановского архива за 1610—1621 гг.[72] «Если от выхода бумаги с фабрики до написания на ней текста в среднем проходит 25 лет,— писал А. А. Введенский,— то Строгановская летопись по филиграням может быть датирована 30—40-ми годами XVII в.»[73] В. И. Сергеев установил полную тождественность водяного знака Строгановской летописи и филиграни печатной Трефологии 1636—1637 гг.[74]

Итак, палеографические данные свидетельствуют в пользу предположения о сравнительно раннем происхождении Строгановской летописи. Они ведут к 30-м гг. XVII в., а не к 1647—1648 гг. (времени предполагаемой работы С. Шаховского над Строгановской летописью).

Подтверждение или опровержение гипотезы об участии С. Шаховского в составлении Строгановской летописи зависит от правильной атрибуции Повести 1626 г., что

может быть решено лишь при рассмотрении всего комплекса источников по истории Смуты. Подобная задача, однако, выходит далеко за рамки настоящего исследования.

Весьма интересным представляется вопрос о соотношении Строгановской летописи с другими сибирскими памятниками. Схема сибирского летописания, разработанная С. В. Бахрушиным, сохраняет свое значение до сих пор, хотя некоторые ее пункты и нуждаются в уточнении. С. В. Бахрушин считал, что «в основе трех известных нам древнейших памятников Сибирской истории — „Синодика", „Строгановской" и „Есиповской" летописей — лежит один и тот же первоисточник», то «Написание», которое принесли казаки Киприану, когда он пожелал узнать от них, «како приидоша в Сибирь»[75]. С. В. Бахрушин высказал предположение, что Казачье написание возникло не позднее конца XVI в. Однако это предположение не подтверждается фактами.

Казачье написание, или «списки», были записью воспоминаний тобольских ветеранов. Они, по точному указанию источника, содержали прежде всего имена ермаковцев, погибших во время сибирского похода. Отсюда следует, что казаки составили Написание по заказу Киприана, распорядившегося составить поминальный список ермаковцев. Иначе говоря, запись «речей» ветеранов была осуществлена не в конце XVI в., а в начале 20-х гг. XVII в.[76] С. В. Бахрушин отверг мнение, согласно которому составители Есиповской и Строгановской летописей воспользовались Синодиком, расширив и пополнив его текст. Один из главных аргументов исследователя сводился к тому, что «в синодике есть неудачные сокращения общего текста (Синодика и летописей.— *Р. С.*) и неувязки, которых нет в летописях», в частности, в рассказе о послах Карачи к Ермаку фраза: «Ермак, по совету своего товарства, повериша их нечестивому и безверному шерстованью и... опустиша» — грамматически неправиль-

на, и в ней к подлежащему в единственном числе очень нескладно присоединены два сказуемых во множественном [77]. В своих текстологических построениях С. В. Бахрушин использовал лишь тот список Синодика, который сохранился в составе Есиповской летописи 1636 г. и представлял, как установлено выше, вторую редакцию. Введение в научный оборот Синодика ранней редакции существенно меняет картину [78].

Согласно этой редакции, текст, указанный С. В. Бахрушиным, не содержал ссылки на имя Ермака («И по приговору всего товарства, а повериша их нечестивому безверному шерствованию»). Обращение к раннему тексту полностью устраняет несогласование, отмеченное С. В. Бахрушиным.

Итак, «списки» (или Казачье написание) легли в основу Синодика, составленного в стенах Тобольского архиепископского дома. Там же возникла и ранняя Тобольская летопись. Авторы ее, по-видимому, не ограничились тем, что расширили текст Синодика. Они имели возможность обратиться за новыми сведениями к тем же самым ветеранам похода.

Произведя параллельное сличение списка Синодика 1636 г. и летописей, С. В. Бахрушин доказал, что из двух редакций летописей — Есиповской и Строгановской — последняя ближе к тексту Синодика [79].

В ряде случаев Строгановский летописец более точно воспроизвел также и текст ранней Тобольской летописи. Например, придворный летописец Строгановых, работавший в Соли Вычегодской, по-видимому, сохранил заголовок ранней летописи, имевший явно тобольское происхождение: «О взятии Сибирския земли како благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии подарова бог Сибирское государство обладати... и како просвети бог Сибирскую землю святым крещением и утверди в ней святительский престол архиепископию» [80]. Заголовок ранней летописи возник, как видно,

еще до того, как Москва санкционировала поминание Ермака в 1636 г.[61] По этой причине одна из первых исторических повестей, посвященных прославленному покорителю Сибири, не называла его имени в заглавии. Не упоминала она также и имени Строгановых — по той причине, что концепция тобольского летописца попросту не оставляла места для этого. Сам бог призвал Ермака для очищения Сибирской земли от язычества, основание архиепископства увенчало дело, начатое казаками[62].

Строгановский летописец в угоду своим покровителям заменил концепцию «призвания богом» прагматической концепцией призвания Ермака Строгановыми. Именно Строгановы послали «писания и дары» к волжским казакам, вызвали их на Урал, снабдили оружием и припасами и послали па Кучума. Именно их «промыслом» совершилось «очищение» всей Сибирской земли. Трудившийся в Соли Вычегодской летописец, однако, не привел заголовок в соответствие с выдвинутой им новой концепцией. По иронии судьбы имена Ермака и Строгановых так и не попали в заголовок Строгановской летописи.

Историки различным образом оценивали характер и степень достоверности летописи, составленной при дворе Строгановых. Так, С. В. Бахрушин, дав уничтожающую оценку сочинению С. Есипова, находил в приемах изложения строгановского летописца некую научность[63]. Совсем иначе оценивал Строгановскую летопись А. И. Андреев, рассматривая ее как ранний образец того сочинительства по истории Сибири, которое стало процветать в конце XVII в.[64]

Значение Строгановской летописи определялось в первую очередь тем, что ее автор широко использовал раннюю Тобольскую летопись, а также подлинные документы архива Строгановых в Соли Вычегодской. Можно установить, однако, что придворный летописец во многих случаях подверг имевшийся у него материал тенденциозной обработке.

Стремясь возвеличить Строгановых и проводя мысль о службе Ермака пермским вотчинникам, летописец сочинил версию о том, что казаки сообщили о победе над Кучумом прежде всего своим «хозяевам», а те возвестили «вся по ряду царю». Царь Иван IV, утверждал придворный историограф Строгановых, на радостях будто бы осыпал их своими милостями «за их службу и раденье». Старшему Строганову — Семену — будто бы «пожаловал городы Солью Большею, еже есть на Волге, и Солью Малою и грамоту свою царскую на те места Семену Строганову пожаловал»[85]. Сведения о донесениях Ермака Строгановым и царской жалованной грамоте носят недостоверный характер[86].

В Есиповской летописи события описаны в их естественной последовательности: взяв Кашлык, казаки тотчас послали гонцов в Москву, позже пленили Маметкула и совершили поход за ясаком. Составитель же Строгановской летописи сознательно перепутал последовательность событий и стал доказывать, будто казаки пленили Маметкула и лишь затем послали донесение Строгановым и царю о взятии Сибири.

В Строгановской летописи сведения об отписках Ермака Строгановым и царской жалованной грамоте на Соль Большую и Соль Малую носят характер неуместной вставки. Они помещены в главу с заголовком: «О буйстве и храбрости Ермакове и о взятии Назыма града и о убиении Никиты Пана, волскаго атамана с его дружиною». В Есиповской летописи рассказ о гонцах на Русь изложен под соответствующим заголовком: «О послании ко царю к Москве с сеунчем»[87].

По сравнению со Строгановской летописью сочинение С. Есипова имело свои отличительные черты. В конце своего труда тобольский архиепископский дьяк сообщал, что он не только списал краткую летопись, составленную до него, но и дополнил ее на основании рассказов очевидцев: «Ино ж от достоверных муж испытах, иже очима

своими видеша и быша (в Сибири.— *Р. С.*) в те лета»[88]. Дополнения С. Есипова (а их можно выделить, поскольку они отсутствуют как в протографе, так и в Строгановской летописи) проливают некоторый свет на вопрос, чьими показаниями пользовался летописец. Он подробно описал посылку Ермаком «сеунчем атамана и казаков» с отпиской в Москву, царское жалованье посланцам «деньгами и сукнами», торжественную встречу, которой царь Федор удостоил в Москве пленного Маметкула, жалованье «деньгами и кормом и выходными сукнами» тем, кто привез Маметкула[89]. Ермак послал в Москву Черкаса Александрова и 25 казаков. Они вернулись в Сибирь уже после гибели Ермака. Вероятно, от этих участников первого посольства Ермака к Ивану IV С. Есипов и узнал подробности, приведенные выше. Тобольские документы упоминают о службе атамана Ивана Александрова в Тобольске еще в 1638 г.[90] Сомнительно, чтобы в небольшом сибирском городе служили разом два казачьих атамана по имени Иван Александров. Если же верно то, что знаменитый сподвижник Ермака был жив в момент работы С. Есипова над летописью, тогда допустимо предположение, что именно он служил источником информации для местного летописца. Черкас Александров и его товарищи вернулись в Сибирь с воеводой В. Сукиным. Соответственно в летописи С. Есипова находим данные о походе в Сибирь В. Сукина и основании им Тюмени[91].

В Строгановской летописи подобные данные отсутствуют. Эта летопись повествует, будто Данила Чулков, явившийся на Иртыш, нашел Кашлык пустым и построил на его месте Тобольск[92]. С. Есипов более точен. По его словам, Д. Чулков основал городок «в 15 поприщах» от Кашлыка, где находился сибирский «царь» Сеид-хан со своим двором[93]. Тобольский летописец приводит далее сведения о захвате Сеид-Хана на пиру в избе тобольского воеводы и о разгроме его свиты в 600 чел.[94] Скорее всего и эти подробности С. Есипов узнал от Ч. Александрова и тоболь-

ских ветеранов, служивших в Тобольске с Д. Чулковым.

Начиная с лета 1583 г. по весну 1586 г. Ч. Александров и 25 других ермаковцев находились в Москве. В изложении сибирских событий этого периода С. Есипов следовал протографу и не внес никаких уточнений в краткие известия о походе казаков к Назыму на Обь, об избиении всех казаков на Вагае и пр.

В литературе давно поставлен вопрос об «архиве» Ермака. В. И. Сергеев принял на веру сообщение «кунгурских» статей из «Истории» С. Ремезова о наличии в войске Ермака «полковых писарей»: «Видимо,— пишет В. И. Сергеев,— можно говорить о какой-то „канцелярии" в дружине Ермака»[05]. В полном соответствии с канцелярской практикой, казаки, по мнению В. И. Сергеева, все свои грамоты составляли непременно в двух экземплярах. Беловики были отосланы адресатам, а черновые «отпуски» «оставались в казачьей среде и в какой-то части были, видимо, принесены в 1622 г. Киприану. Это-то „Написание", очевидно, и явилось для него основанием к составлению синодика...»[06] Отписки Ермака к Строгановым, по утверждению В. И. Сергеева, хранились в вотчинном архиве Строгановых, откуда были извлечены и использованы летописцем. Поскольку архив сохранился и в нем невозможно отыскать никаких следов «отписок Ермака», В. И. Сергеев выдвинул еще одну гипотезу: «Документы о походе Ермака в середине XVIII в. собирал управляющий имением Строгановых П. С. Икосов... Не потому ли в архиве Строгановых и нет этих материалов?»[07].

Предположение о существовании казачьей «канцелярии», о составлении документов в двух экземплярах и как следствие — о сохранности двух параллельных архивов Ермака в XVII в.— полностью противоречит всему, что мы знаем о вольных казаках, об их образе жизни и трудной борьбе в Сибири. Казачьи отписки не могли сохраниться в Тобольске, основанном через два года после бегства казаков из Сибири.

В связи с поисками «архива» Ермака особого внимания заслуживает Погодинская летопись (ГПБ, ОР, Погод. собр., № 1604). Археографическая комиссия издала ее в качестве вторичной редакции Есиповской летописи. Подобная классификация не подвергалась сомнению в трудах С. В. Бахрушина и А. И. Андреева. В археографическом обзоре списков сибирских летописей Н. А. Дворецкая отметила, что эта летопись представляет собой «сокращенное изложение основной редакции Повести С. Есипова, с присоединением сведений из других, не дошедших до нас источников»[98]. Е. И. Дергачева-Скоп назвала Погодинскую летопись одним из примеров «сокращения Есиповской летописи и переработки ее в 50—70-е годы XVII века»[99]. Е. К. Ромодановская в специальном исследовании о раннем сибирском летописании рассматривала Погодинскую летопись как одну из редакций Есиповской.[100] В дальнейшем она изменила взгляд на соотношение названных летописей и сделала вывод о первичности Погодинской летописи. Окончательное мнение Е. К. Ромодановской сводится к тому, что «казак Черкас Александров мог быть официальным историографом дружины Ермака, а Погодинскому летописцу... стоило бы называться „Летописью Черкаса Александрова“»[101].

Погодинская летопись занимает строго определенное место в той стемме сибирского летописания, которая была выработана в итоге многолетних исследований дореволюционных и советских историков. Признание первичности Погодинской летописи начисто разрушает эту стемму. Упустив из виду этот момент, Е. К. Ромодановская ограничилась частными текстологическими наблюдениями. С. Есипов положил в основу своего сочинения раннюю Тобольскую летопись, дополнив ее вставками из Хронографа 1512 г. Погодинская летопись воспроизвела текст Есиповской летописи вместе с указанными вставками, причем, и текст и вставки в ряде случаев даны с некото-

рыми сокращениями. Иначе говоря, Погодинская летопись никак не могла появиться раньше Есиповской.

Палеографические наблюдения над рукописью Погодинской летописи подтверждают предположение о ее позднем происхождении. Водяной знак рукописи (двуглавый орел с коронами) имеет черты сходства с филигранью (двуглавый орел без короны) киевского издания 1692 г. (ГИМ, ОПИ, Собр. Щапова, № 293).

Погодинская летопись давно обратила на себя внимание уникальными сведениями, отсутствующими как в Есиповской летописи, так и в любой другой сибирской летописи [102]. Для атрибуции памятника эти сведения имеют первостепенное значение. Прямые ссылки погодинского летописца на использованные или знакомые ему источники выдают в нем не казака, а, скорее, образованного книжника. Говоря о том, что Чингисхан происходил из простых людей и именовался Темир-Аксаком, летописец отметил: «Пишет про то иде в московских летописцех» [103]. Высказывание подобного рода невозможно приписать Черкасу Александрову или любому другому участнику похода Ермака [104].

Весьма примечателен самый характер дополнительных сведений, приведенных в Погодинской летописи. Они ничем не напоминают запись личных наблюдений очевидцев. Но им чужды также и летописные штампы. По своему стилю погодинские дополнения как две капли воды походят на выдержки из деловых документов. Примером может служить воспроизведенная летописцем роспись отряда, посланного из Москвы в помощь Ермаку: «Государь послал воевод своих князя Семена Волконского да голов Ивана Киреева да Ивана Васильева Глухова, а с ними казанских и свияжских стрельцов сто человек, да пермич и вятчан сто человек и иных ратных людей 100 человек» [105]. Приведенная запись очень напоминает

выдержку из разрядных книг. Сибирские летописцы сообщали, что у С. Болховского в походе был только один помощник — голова И. Глухов, а С. Ремезов утверждал, будто его отряд насчитывал 500 чел.[106] Подлинные царские грамоты, однако, подтверждают достоверность погодинского Разряда. В 1584 г. царь Иван IV велел Строгановым готовить «под рать» Семена Болховского, Ивана Киреева и Ивана Глухова 15 стругов, каждый из которых должен был поднять по 20 чел. с запасом [107]. Итак, С. Болховский в самом деле имел отряд в 300 чел., а его главным помощником в походе был голова И. Киреев, в полном соответствии с погодинскими данными.

В Погодинской летописи имеется прямое указание на использование автором приказных документов. «Три сына у Кучума,— записал летописец,— ... а как оне взяты, тому письмо есть в Посольском приказе...»[108] Как известно, именно Посольский приказ ведал Сибирью после присоединения ее к России. Неудивительно, что там автор Погодинской летописи и нашел столбцы, составленные по случаю «сибирского взятия». Если летописец имел доступ к подобного рода архивным делам, то отсюда следует, что он либо служил в Посольском приказе, либо по крайней мере принадлежал к московскому приказному миру.

Знакомство с приказными документами определило как редкую осведомленность автора Погодинской летописи, так и его специфические ошибки, имеющие весьма существенное значение для атрибуции памятника. По-видимому, в приказных документах летописец нашел указания на то, что Ермак послал к царю с «сеунчем» — вестью о победе казака Ч. Александрова. Далее он сделал выписку с обозначением пути из Зауралья и тут же сослался на то, что этим путем пришел из Сибири Ч. Александров. Документы не оставляли сомнений в том, что посланец Ермака не имел атаманского чина. Трижды

упомянул автор о нем и каждый раз называл не иначе, как «казак Черкас Александров». По Есиповской летописи, Ермак прислал в Москву некоего атамана. Составитель Погодинской летописи не сумел оценить противоречивые показания своих источников и механически соединил их. Списав текст Есиповской летописи, он осложнил его неловкой вставкой (вставка выделена квадратными скобками): «Ермак с товарыщи послаша к государю... к Москве с сеуньчем атамана и казаков [тут же послан был казак Черкас Александров]»[109]. Так, под пером летописца главным «сеунщиком» Ермака стал не Ч. Александров, а некий не названный по имени атаман. Ошибка повлекла за собой дальнейшие недоразумения.

Доверяя Есиповской летописи, автор переписал из нее рассказ о том, что царь Иван без задержки отпустил атамана и других «сеунщиков», из чего следовало, что они вернулись в Сибирь вместе с воеводой С. Болховским[110]. Летописец не заметил того, что это известие решительно расходилось с документальными данными. Составитель Погодинской летописи сделал следующую выписку из приказных дел: «В лето 7094 по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всея Русии указу приидоша с Руси воеводы Василей Борисов сын Сукин да Иван Мясной, с ними же многие русские люди и ермаковы казаки Черкас Александров с товарыщи...»[111] Из документа следовало, что «сеунщики» были задержаны в Москве и смогли вернуться за Урал лишь после смерти Ермака. Осознав этот факт, летописец сделал в тексте многозначительную помету: «...и Ермак в тое пору убит, покамест сеунщики ездили к Москве»[112].

Твердо усвоив последовательность событий и исходя из ошибочного представления о том, что главным «сеунщиком» Ермака был некий безвестный атаман, а не Ч. Александров, автор сделал ложное заключение. Ермак, по его словам, погиб будто бы до прибытия в Сибирь «сеунщика»-атамана и первых подкреплений во главе

с воеводой С. Болховским. «Князь Семен Волконской пришел в Старую Сибирь,— записал он,—... а Ермак уже убит до князь Семенова приходу»[113]. Подобное утверждение решительно расходилось с показаниями всех прочих сибирских летописей, основанных непосредственно на показаниях очевидцев. Например, ранняя Тобольская летопись сообщала, что С. Болховский умер в Кашлыке при жизни Ермака, затем произошло много других событий, прежде чем предводитель казаков погиб на Вагае. Здесь факты связаны между собой, как звенья одной цепи. В Погодинской летописи логическая концепция повествования разрушена ошибкой в определении времени смерти Ермака. Чтобы выправить положение, летописец трижды упомянул о гибели казачьего предводителя, но эти упоминания выглядят как затемняющие ход события и неуместные вставки[114].

Привлечение новых документальных материалов позволяет объяснить противоречия в тексте Погодинской летописи. Подлинные приходо-расходные книги кремлевского Чудова монастыря сохранили запись от 12 февраля 1586 г. о крупном пожертвовании, которое сделал «сибирский отоман Иван Александров сын, а прозвище Черкас»[115]. Приведенная запись, во-первых, подтверждает достоверность уникальных сведений Погодинской летописи об участии Ч. Александрова в посольстве, присланном в Москву Ермаком и, во-вторых, дает возможность исправить ошибку погодинского летописца. Чудовские монахи назвали имена целого ряда «сибирских казаков», но лишь двух из них (Черкаса и Болдырю) они именовали атаманами. Вопреки утверждению Есиповской летописи все эти «сеунщики» Ермака не были отпущены Иваном IV в Сибирь. Власти держали их в Москве в течение трех лет. В феврале 1586 г. воевода В. Сукин готовился к трудному и опасному походу за Урал, и именно в это время посланцы Ермака сделали пожертвования в монастырь. Итак, «сеунщики» вернулись

в Сибирь не с С. Болховским в 1584 г., а с В. Сукиным в 1586 г. К тому времени Ермака в самом деле уже не было в живых.

Такова история ошибки погодинского летописца, которая никогда не была бы сделана, если бы автором летописи был Черкас Александров или любой другой очевидец событий. Грубый промах, допущенный летописцем, подтверждает предположение, что автором летописи был московский книжник, не всегда умевший осмыслить попавшие в его руки архивные документы. Пока книжник цитировал найденные в архиве дорожные росписи (роспись пути Ермака в Сибирь, расчет пути из Москвы в Сибирь в верстах и др.), его сведения были надежны[116]. Но когда он делал самостоятельные ремарки к тексту Есиповской летописи, то нередко допускал просчеты. Так, он следующим образом прокомментировал архивное известие о походе сибирского царевича Алея на пермские места: «Алей пришел войной на Чюсовую, и в тое же поры прибежал с Волги атаман Ермак Тимофеев с товарыщи [пограбили на Волге государеву казну и погромили ногайских татар] и Чюсовой Сибирским повоевать не дали»[117]. Фраза о грабеже государевой казны разрывает первоначальный связный текст. Она неуместна по смыслу и, по-видимому, отсутствовала в тексте документа. Участник похода никогда бы не упомянул о грабеже казны Ермаком, поскольку сведения такого рода носили легендарный характер.

В эпизоде гибели Ермака погодинский летописец упомянул о том, что атаман был «в пансыре тягче» и потому «утопе». О панцире как причине гибели Ермака писали такие поздние писатели, как Н. Венюков и С. Ремезов. В ранней тобольской летописной традиции сведений подобного рода нет[118].

Е. К. Ромодановская высказала предположение, что протографом Погодинского летописца было Казачье написание, созданное около 1600—1601 гг.[119] Однако строго ус-

тановленные факты противоречат такому предположению. Казаки не имели обыкновения писать летописи. Начало сибирского летописания связано с местным архиепископским домом. Киприан велел разыскать и расспросить тобольских ветеранов о казаках, погибших в боях с «агарянами». Серьезные расхождения в воспоминаниях казаков (например, об обстоятельствах гибели Брязги) показывали, что под руками у них не было письменного источника и что этим старым по возрасту людям приходилось целиком полагаться на свою память. Написание никак не могло лечь в основу Погодинской летописи, поскольку уникальные известия этой летописи как раз отсутствуют и в Синодике ермаковым казакам и в ранней Тобольской летописи — двух памятниках, составленных непосредственно на основе «списков речей» тобольских ветеранов.

В. И. Сергеев обратил внимание на то, что текст царского послания Ермаку по Погодинской летописи почти дословно передает официальную Шертную грамоту[120]. На основе этого Е. И. Ромодановская сделала вывод, что автор Погодинского летописца не только включил Шертную грамоту в состав своего сочинения, но и расширил ее текст перечнем всех кучумлян, побежденных Ермаком («и с его детми с Алеем да са Алтынаем да с Ышимом», «и брата царя Кучюмова Маметкула розбиша ж»)[121]. Обращение к подлинным документам Посольского приказа XVI в. позволяет прийти к заключению, что текст царской грамоты по Погодинскому летописцу носил первичный характер по отношению к тексту Шертной грамоты, сохранившейся в поздней копии. В 1585 г. дьяки Посольского приказа, в архиве которого хранилась царская грамота Ермаку и другие сибирские документы, составили следующую официальную справку о «сибирском взятии»: «И казаки государевы... Сибирское царство взяли, а сибирской царь Кучюм убежал в поле, ...и племянник Кучюмов Маметкул-царевич.. приходил в Сибирь на государевы люди, и государевы люди тех всех людей... побили...»[122] Таким обра-

зом, сведения о разгроме Маметкула отдельно от Кучума носили первичный характер, а не были сочинены и вставлены в текст царской грамоты погодинским летописцем.

Приведенные факты дают возможность заключить, что под руками у автора Погодинской летописи имелся наиболее полный текст царского послания Ермаку, содержавший ряд важных подробностей фактического порядка и отличавшийся как от копии Шертной грамоты, так и от летописных пересказов.

Текст царского послания был составлен в стенах Посольского приказа как ответ на письмо Ермака. В соответствии с твердо установленной традицией царская грамота начиналась с подробного пересказа обращения Ермака к царю: «...Писали Ермак с товарыщи... (что.— *Р. С.*) ... его государевы люди атаман Ермак Тимофоев с товарыщи... царьство Сибирское взяша и многих иноязычных людей под его государеву царскую высокую руку подвели...». Ниже составители цитировали реляцию Ермака и казаков об их победах над сибирскими татарами. Разные списки передавали реляцию с неодинаковой полнотой:

Погодинская летопись	Шертная грамота	Есиповская летопись
Сибирского царя Кучюма и с его детми с Алеем да с Алтынаем да с Ышимом и с его вои победиша и брата царя Кучюмова царевича Маметкула разбиша ж, а иноязычных людей татар и остяков и вогулич привели к шерти по их верам [123].	Хана Кучума победили и в бегство обратили, многих татар, остяков и вогуличей покорили его царского величества державе и к шерти их привели [124].	Царя Кучюма и с вои его победиша, под его царскую высокую руку привели многих живущих тамо иноземцев татар и остяков и вогулич и прочия языцы, и к шерти их по их вере привели многих...[125]

В письме царю Ермак описал две свои победы: одну — над Кучумом и вторую — над Маметкулом. О дальнейшей судьбе Маметкула Ермак не упомянул но

той причине, что казаки пленили Кучумова племянника уже после отъезда гонца с письмом в Москву[120]. Этот момент имеет чрезвычайно важное значение с точки зрения оценки так называемых отписок Ермака к Строгановым, приведенных в Строгановской летописи. Строгановский летописец изложил ранние отписки Ермака Строгановым следующим образом: «...бог изволи убо одолети им Кучюма салтана и град его столной взяти в Сибирской земле и сына его царевича Маметкула жива взяша». Затем казаки «писаше к Москве государю... о взятии града столного Сибири и отогнании царя Кучюма и о ятии царевича Маметкула»[127]. Автор Строгановской летописи, не зная того, что Ермак послал гонцов в Москву еще до пленения Маметкула, допустил грубую ошибку. А это значит, что в распоряжении летописца не было подлинных ермаковых отписок и что их текст он сочинил сам.

Итак, в составе Погодинского списка сохранились выписки из подлинных документов Посольского приказа, непосредственно относящихся к сибирской экспедиции. Реконструкция «архива» Ермака имеет исключительное значение для установления достоверных фактов и исследования истории экспедиции в целом.

Среди источников по ранней истории Сибири особое место занимает сочинение известного русского картографа и географа С. У. Ремезова «История Сибирская». Это произведение содержит поистине уникальные сведения о походе Ермака и обстоятельствах «сибирского взятия». Работы С. В. Бахрушина, А. И. Андреева, Е. И. Дергачевой-Скоп, Л. А. Гольденберга положили начало изучению «Истории Сибирской» в источниковедческом плане[128], однако исследование ее еще далеко от завершения. Чтобы выяснить степень достоверности этого памятника, надо заново исследовать вопрос об источниках и времени его составления.

Как показали А. И. Андреев и С. В. Бахрушин, при составлении «Истории Сибирской» С. Ремезов широко

использовал Есиповскую летопись. С. В. Бахрушин сделал важное открытие, указав на сложный состав произведения: в текст «Истории» (после завершения авторской работы над ним) были вклеены отдельные листы другой самостоятельной летописи, озаглавленной «Летопись Сибирская краткая Кунгурская». Кунгурская летопись, по мнению С. В. Бахрушина, была вставлена в текст «совершенно механически и легко может быть выделена из первоначального текста (ст. 5—8, 49—52, 73—80, 99—102)»[129].

Анализируя вопрос об источниках «Истории Сибирской», С. В. Бахрушин высказал предположение, что С. Ремезов дополнил использованную им Есиповскую летопись выписками из неизвестного нам литературного источника, отличавшегося богатством фактов. Из этого источника, согласно предположению С. В. Бахрушина, С. Ремезов почерпнул подробные сведения о сражении казаков с князьком Лабутой, о бое на Поганом озере и пр.[130] С. В. Бахрушин не заметил, что эти дополнения (о сражении с Лабутой и др.) С. Ремезов почерпнул не из неизвестного литературного источника, а как раз из Кунгурской летописи:

Кунгурская летопись	История Сибирская
(70) 87 году... погребоша вверх по Тавде реке, воюя... Лабутана со княжцы... бишася и безвозвратно до Пачепки, и ту велпкий бой бысть... наполниша трупом озеро, и то словет и доныне... Поганое[131].	Июли в 1 день того же году (7091) ездили воевать по Тавде: взял Лабутанский городок, князка Лабуту с богатством и Паченку и на Паченке бой велий бе, яко Поганое озеро наполнил трупами[132].

Аналогии можно обнаружить и в рассказе о начале похода Ермака:

Кунгурская летопись	История Сибирская
Начало заворуя Ермака... в 7085-м и 6-м годех воевал и разбивал на Оке и Волге и на море суды и катар-	Собрании вои в лето 7086 и 7 с Ермаком с Дону, с Волги и с Енку,

ги, торговых караваны... хотя итти в Кызылбашп для своей власти з Донскими и Енцкимп. И преже, и в те лета промчеся воровской слух его в Русии, в Казане и в Астрахапе, и что кызылбашских послов пограбили... послан указ от великого государя со столником Иваном Мурашкивым... в Астрахань: где тех воров ни застанет, тут пытать казнить п вешать [133].

пз Астрахани, ис Казапп ворующе, разбпше государевы казенные суды, послов и бухарцев на усть Волги реки п сълыша посланных от царя с казнью...[134]

В основном тексте «Истории Сибирской» отразились и другие сведения Кунгурской летописи, изложенные на вклеенных листах, например, подробности о переходе отрядом Ермака Уральских гор:

Кунгурская летопись	История Сибирская
Ст. 5: ...обратя струги по Волге и по Каме вверх... Ст. 6: ...взявши у Максима запас... и ружье... пондоша по Чюсовой вверх до Тагильского волока... тяжелые суда покинуша на Серебрипке и легкие струги таскали через волок на Тагил реку [135].	Ст. 11: Ермак побеже вверх по Волге и по Каме и... многие запасы у Строгановых, ружье и вожей взял и бежа по Чюсовой... до волоку и переволокли суды на Тагил... иные же суды на волоку покинуша [136].

С точки зрения текстологии «Истории Сибирской» вопрос о так называемой Кунгурской летописи имеет первостепенное значение. Почему С. Ремезов назвал дополнительные листы «Истории» Кунгурским летописцем? Очевидно, в их основу были положены какие-то материалы, обнаруженные в Кунгуре. В этой связи в литературе было высказано предположение, что С. Ремезов сделал находки скорее всего во время работ, которые он проводил вместе с сыном в Кунгуре и в округе в 1703 г.

Сопоставление текстов. показывает, что поначалу С. Ремезов ограничился попытками вставить в свой текст отдельные фрагменты из найденных им новых материалов. Фрагменты тщательно подгонялись к старому тексту, основанному на Есиповской летописи. Вот характерный

пример. Кунгурские листы подробно описывали поход есаула Брязги на Обь, во время которого казаки взяли город Самар, убили его князька, а правителем всей округи назначили своего союзника князя Алачея, которого отпустили из своего лагеря «честью». В Есиповской летописи С. Ремезов нашел лишь краткие сведения о том, что казаки «повоевали» многие городки по Иртышу и Оби и взяли городок Назим. В конце концов С. Ремезов отдал предпочтение этому «привычному» тексту Есиповской летописи, но дополнил его некоторыми деталями из Кунгурского летописца. Так на страницах «Истории» возник рассказ о том, как Ермак «воевал кодские городки, князей Алазевых с богатством взял и все городки Кодские и Назымский городок»[137]. Известие Кунгурской летописи оказалось полностью искажено. Из союзника и вассала казаков (а таким он и был на самом деле: вассальное княжество, образованное казаками, существовало до середины XVII в.) Алачей превратился в их пленника.

Со временем С. Ремезов, по-видимому, изменил отношение к найденным или собранным новым материалам. И тогда он подробно изложил их на отдельных листах, снабдив заголовком «Летопись Сибирская краткая Кунгурская». Избранный заголовок мог создать впечатление, что историк лишь скопировал найденный им Летописец. Но факты разрушают подобное предположение. Прежде всего кунгурские листы были подготовлены для непосредственного включения в оригинальное сочинение. В соответствии с этим материал листов разбит на статьи с номерами, включенными в сплошную нумерацию статей «Истории». Вклеенные кунгурские листы оформлены совершенно так же, как и листы из основного текста. Каждая страничка разделена на две части и снабжена двумя рисунками. Оформление указывает на то, что С. Ремезов, по-видимому, склонен был рассматривать написанную его рукой «краткую летопись» наравне с прочим оригинальным текстом «Истории».

На вставных листах получили отражение сведения различного происхождения. Последние статьи (140—147), которые Е. К. Ромодановская без всяких оговорок приписывает автору Кунгурского летописца, носят чисто книжный характер[138]. Они сообщают о победах Андрея Боголюбского над погаными силою святой иконы, о вмешательстве святых в Мамаево побоище, о святом Якове и Савории Персидском и т. д.[139]

Совсем иной характер носят первые статьи Кунгурского летописца. В этих статьях приведены сведения насчет «начала заворуя Ермака», когда атаман «разбивал» на Волге, пограбил персидских послов, из-за чего царь повелел его схватить. Тогда Ермак, «услышав грозное слово и дело», побежал «разбивать» в Сибирь[140]. В приведенном рассказе очевидным образом отразились поздние фольклорные мотивы послеразинского периода. К концу XVII в. С. Разин приобрел огромную популярность, и сказители стали приписывать Ермаку подвиги разинцев (нападения на царские и купеческие суда, подготовка к персидскому походу и пр.).

Кунгурская летопись сохранила известие о том, что ермаковы казаки на пути к Уральским горам по ошибке свернули с Чусовой на Сылву и зазимовали там в районе будущего Кунгура[141]. На Сылве располагались «ермаково городище» и старинная часовня, основание которой местные жители связывали с походом Ермака[142]. Предание насчет зимовки Ермака как раз и должно было объяснить, каким образом казаки «по ошибке» попали на Сылву.

В Приуралье сохранились предания о том, что царь Иван IV сделал Строгановым резкий выговор за посылку казаков в Сибирь. Предание следующим образом передавало содержание опальной грамоты Ивана IV к Максиму Строганову: «Мужик, помни, да как ты с таким великим и полномочным соседом ссоришь и какая несостоятельная спона меж нами учинится...»[143]

Фольклорными мотивами проникнуты записи о враж-

дебном столкновении ермаковых казаков со Строгановыми. Замечательно, что казаки бранят жадных купцов, используя почти те же выражения, что и царь. Согласно кунгурским листам, Иван Кольцо кричал Максиму Строганову: «О мужик, не знаешь ли ты и теперь мертв, возмем тя и ростреляем по клоку, дай нам па расписку по имяном на струги поартельно 5000, по именом на всякого человека по 3 фунта пороху» и пр.[144] Приведенные выше тексты, судя по их стилистическим особенностям (ссылка на «слово и дело», канцеляризмы типа «полномочный сосед» и т. д.), несут на себе печать фольклора, записаного в петровское время [145].

Первые четыре статьи Кунгурской летописи тесно связаны с местными преданиями. Однако последующие статьи вставных листов содержали не приуральские, а исключительно сибирские известия, которые резко отличны от кунгурских. В основе их, по мнению ряда исследователей, возможно, лежали «сказы» ермаковых казаков. С. В. Бахрушин обратил внимание на фразу, оброненную летописцем при описании боя Брязги под Демаяном: «Егда же начахом приступати на косогор...»[146] Повествование ведется от первого лица, а это, заключил С. В. Бахрушин, дает повод думать, что рассказ написан участником боя, если только это не описка или не сказочный оборот [147]. Наблюдение С. В. Бахрушина легло в основу исследования Е. И. Дергачевой-Скоп о так называемых «устных летописях», запечатлевших в себе рассказы участников «сибирского взятия» и сохранившихся в устном народном творчестве. Е. И. Дергачева-Скоп определяет Кунгурскую летопись как «казацкую летопись», возникшую в среде, окружавшей Ермака. «Подробности в изложении событий настолько реальны,— пишет исследовательница,— что не остается сомнений — рассказ ведут участники похода или очевидцы»[148].

Предположение о том, что вольные казаки из окружения Ермака вели свою, «казацкую летопись», не подтвер-

ждено фактами. Какой же характер носили материалы, положенные С. Ремезовым в основу так называемых кунгурских листов? Ответить на этот вопрос достаточно трудно. Вероятно, кунгурские листы отразили устную традицию, сохранявшуюся в среде сибирских казаков. Время записи этих преданий пока не поддается точному определению.

По-видимому, С. Ремезов не только переписал попавшие к нему в руки материалы, но и пополнил их собранными известиями.

Ремезовы обосновались в Сибири в 20-х гг. XVII в., когда живы были еще некоторые ветераны похода Ермака. Сначала дед Моисей и отец Ульян, а потом и сам Семен собирали ясак в тобольской округе, строили острожки, выполняли дипломатические поручения[149]. Когда Семену минуло 18 лет, отец доставил в степь к Аблаю Тайше панцырь Ермака, а обратно привез запись «сказов» о Ермаке[150]. Семен продолжал дело, начатое отцом.

Первый историограф Сибири проявлял устойчивый интерес к самым разнообразным источникам по истории, этнографии и географии своего края. В собственных сочинениях он неоднократно ссылался на архивные разыскания («в Приказной палате из книг выписано», «в Сибирском приказе выписано» и пр.), на записи «сказов» местных жителей («допрашивал... сторожилов, бывальцов и ведомцов про всякие урочища, остроги и волости»)[151]. Составляя чертежи земель по рекам Тоболу, Иртышу и Оби, С. Ремезов многократно помечал на своих картах места, связанные с походом Ермака («суда Ермаковы», «кладбище Ермаково», «Дуванной луг — Ермак с казаки дуванили на нем» и пр.), а в некоторых случаях кратко записывал на карты сведения, почерпнутые из бесед со сторожильцами. Так, возле урочища Кулары на ремезовской карте помечено: «Куларской Иртышака царя береговой воинской город». Помета на карте находит полную аналогию в кунгурских «сказах», где о Кударах сказано:

«той опасной крайной кучюмовской (городок) от калмык и во всем верху Иртыша крепче его нет»[152].

В 80—90-х гг. XVII в. С. Ремезов объездил многие сибирские уезды в качестве ясашного сборщика. В тексте кунгурских листов можно обнаружить данные, связанные с этой стороной его биографии. Так, описав поход Ермака на Тавду, автор отметил, что казаки впервые собрали там «хлеб в ясак», «и тот збор первое ясачной хлеб в Тоболску, и допыне хлеб и деньги и куны — то вместе Ермакова прибору»[153]. В этом замечании сказался опыт С. Ремезова, служившего много лет ясашным сборщиком в тобольской округе.

В городище Тебенди татары пели песнь о побиении там пяти ермаковых казаков. В тексте кунгурских листов можно найти запись этой песни: «И о тех пяти человеках,— значилось там,— татары поют с плачем при беседах в песнях, припеваючи: япым, япым, бишь казак, бишь казак, сиречь: воины, воины пять, пять человек победиша и разориша. А сия песнь их словет Царицын плач»[154]. Сама форма записи песни-плача, указание на «беседу» позволяет высказать предположение, не сам ли С. Ремезов записал татарское предание при посещении Тебенди?

С. Ремезов имел возможность познакомиться с богатейшей устной традицией, сохранявшейся как татарским населением Сибири, так и, в особенности, тобольскими казаками. Ветераны «сибирского взятия» сошли со сцены, но живы были их сыновья и внуки, пользовавшиеся в Тобольске известностью и уважением.

В 1668 г. тобольский служилый человек Степан Карпов подал воеводам челобитную грамоту, в которой писал, что дед его Сергей Зиновьев прибыл в Сибирь сразу после того, как «Ермак Сибирь взял». Добиваясь зачисления на казачью службу, С. Карпов не называл деда ни вольным казаком, ни ермаковцем. Он утверждал, будто Зиновьев явился в Сибирь с «первым воеводой Дмитрием

Чулковым», что он и дальше нес «государеву службу». Но описанные им дальше службы не оставляют сомнения в том, что казак Сергей Зиновьев участвовал именно в экспедиции Ермака. «И был послан дед мой,— писал С. Карпов,— на Вашу государеву службу под Белогоре с служилыми людьми и Белогоре взяли и остяков под вашу великих государей высокую руку привели и ваш великих государей первый ясак взяли и после того дед мой Сергей на вашей государевой службе под Сырьянском Маметкула царевича взяли и на той вашей службе дед мой Сергей убит»[155]. Указание на то, что в первом ясашном походе казаки достигли Белогорья на Оби, находит полную аналогию в одном из кунгурских «сказов», а в Синодике ермаковым казакам можно прочесть имя казака Сергея, погибшего в сражении с Маметкулом[156].

В то время, как С. Карпов подал свою челобитную в приказную избу, С. Ремезову было 26 лет и он служил в Тобольске.

Собирая исторические сказы и предания, С. Ремезов имел возможность сопоставить их с фактами, накопленными при поездках по Сибири и картографировании мест, связанных с экспедицией Ермака. Это обстоятельство значительно повышало ценность собранного им фольклорного материала.

В кунгурских «сказах» поименованы названия десятков городищ, урочищ, речек и озер. Замечательно, что эти наименования находят полную аналогию в «Хорографической чертежной книге», составленной С. Ремезовым в 1697 г. В Кунгурском летописце можно прочесть, что в дни похода на Пелым казаки прошли Калымскую волость (на карте — волость Калымска), Лабутану (волость Лабутинска), Паченку (р. Паченка), озеро Банное Поганое (Поганое), Кошуни (городок Кошунский), в Кошуне «поймали первого есаула» (на карте — деревня Есаулов), вышли через Чандырь (волость Чандырская) к городку Табаринца Бия (Табаре) и добрались до «пелымского княжца» (Пелым).

Во время последнего похода Ермака, завершившегося его гибелью, казаки, согласно кунгурским «сказам», проследовали через городок Бегиша (на карте — Бегишевы), Крянчики (Рянчиковы), Салах (Старый городок Саланский), Каурдак (Каурдыков острог), Тебендинский острог (Тебенди), устье Ишима, Кулнары (Куллар), Ташатканский городок (Ташаткан), Шиш-Таман (Шиштамацкая), волость Туралипцы (Туралинцы), Агитский городок на Вагае (р. Агитка — приток Вагая) и пр. То же совпадение названий можно обнаружить при сопоставлении с картой «сказа» о походе Брязги на Обь [157].

Можно ли предположить, что С. Ремезов нашел в Кунгурской летописи наименования десятков географических пунктов — мелких деревень и городищ, речек, озер, которые сам он нанес на карту несколькими годами ранее? Такое предположение кажется невероятным. Возможность случайного совпадения следует исключить. Столь же невероятно, чтобы С. Ремезов составлял свои карты на основе Летописца, поскольку Летописец был найден после составления «Хорографической чертежной книги». Остается предположить, что знаменитый сибирский картограф сам включил хорошо известные ему названия разных пунктов и мест в найденную им краткую летопись.

Кунгурские «сказы» содержат множество ярких и правдоподобных подробностей насчет походов казаков в пределах Сибирского «царства». Некоторые из этих подробностей поддаются проверке. Отписка Ермака в Москву подтверждает, что казаки сразу после первого зимовья в итоге ясашных походов привели к присяге и обложили ясаком многих татар и хантов [158]. Автор «сказа» о походе на Обь не только в мельчайших подробностях обозначил маршрут следования казаков, но и называет имена князьков — владетелей различных городков. Проверка имен по ясашным книгам начала XVII в. подтверждает их подлинность. Так, «князцом» в Белогорье «сказ» называет Самара [159]. В 1609 г. в русских источниках фигурирует

его сын Таир Самаров в качестве князя Белогорья. По «сказу», казаки объявили «большим князем» на Оби Алачея. И действительно — до середины XVII в. на Оби княжили Игичей Алачеев и его дети. В рассказах С. Ремезова о походе на Пелым упоминалось, что казаки заняли волость «Лабутана со княжцы» и захватили там князька Лабуту «с богатством»[160]. Семья «князя» Лабутана продолжала жить в волости в XVII в. Правда, вся эта «волость» тогда состояла всего из одной семьи Васьки Лабутанова[161]. В дни похода на Кулары Ермак выдержал бой с воинами князя Бегиша. Реальность этого персонажа Кунгурской летописи подтверждается тобольскими документами начала XVII в., упоминающими о Келмамете — князе Бегишеве сыне[162].

В кунгурских листах подробно описан обряд шертования хантских племен, камлание шаманов и пр. Все эти описания также находят точную аналогию в самых ранних русских документах о Сибири и в этнографических описаниях Сибири XVIII в.

Однако не все подробности «сказов» выдерживают критическую проверку. В частности, многие подробности «сказа» о ясашном походе Богдана Брязги очевидным образом расходятся с показаниями тобольских ветеранов, получившими отражение в Синодике ермаковым казакам. Тобольские казаки утверждали, что их поход на Обь к Назыму был кровопролитным. Согласно кунгурскому «сказу», за время похода Брязги па Обь в «Назымские городки» казаки не потеряли ни одного человека убитыми. По «сказам», руководителем ясашного похода был Брязга. Однако, по Синодику, Брязга погиб за несколько месяцев до названного похода. Показание тобольских ветеранов в этом случае подтверждается данными из «архива» Ермака.

Наибольшим правдоподобием отличались, как уже отмечалось, географические и этнографические подробности «сказов», которые С. Ремезов мог проверить или почерп-

нуть из личного опыта, накопленного во время сбора ясака и картографирования сибирских мест. То, что находилось вне сферы его практического опыта и наблюдений, отличается, как правило, меньшей достоверностью. С. Ремезов не знал в точности, когда произошли два похода казаков (на Обь и на Пелым), подробнее всего описанные во вставных (кунгурских) листах, и датировал эти походы дважды по-разному.

Первоначально С. Ремезов включил фрагмент кунгурских «сказов» в текст «Истории». При этом он отнес два похода к одному и тому же 1583 (7091) г. Весной казаки вышли в поход на Обь, 20 июня вернулись из похода, а 1 июля Ермак выступил на Тавду и Пелым[163]. На последних страницах «Истории» С. Ремезов вновь вернулся к этому сюжету, подвергнув переработке текст Синодика: «...в лето 89, июля и июня месяцех, воюющим вниз Иртыша по Оби, по Тавде, взяша Назымские и Кодские и Лабутинские городки, вечная память средняя»[164]. Итак, ко времени окончания «Истории» С. Ремезов по-прежнему считал, что походы на Обь и Тавду продолжали друг друга по времени. Но теперь он произвольно изменил дату походов с 7091 на 7089 г.

На самой последней стадии работы при составлении кунгурских листов С. Ремезов снова пересмотрел свои хронологические выкладки и вновь изменил даты. В «сказе» о Брязге он пометил, что казаки ходили на Обь с 5 марта до 29 мая 7090 г., когда тот и вернулся в «Сибирь град»[165]. Поход же Ермака на Тавду и к Пелыму С. Ремезов отнес теперь ко времени с 1 августа по 8 ноября 7087 г.[166]

В описании ясашного похода на Обь (из кунгурских листов) сказано, что казаки прибыли во владения князька Самара и «в день недельный приплыша протокою под самый Самар»[167]. Ниже в тексте обозначена дата появления казаков под Самаром — 20 мая. Эта дата не выдерживает критики. В 1583—1585 гг. 20 мая приходилось

соответственно на понедельник, среду и четверг, а не на воскресенье («день недельный», как обозначено в Кунгурской летописи).

«Точные» даты, которыми С. Ремезов снабдил текст «Истории» и кунгурские листы, носят явно недостоверный характер.

Проведенное выше исследование текста «Истории» и его соотношения с текстом так называемого Кунгурского летописца позволяет перейти к рассмотрению вопроса о датировке и атрибуции памятника в целом.

Е. И. Дергачева-Скоп датировала «Историю», исходя из предположения о том, что в работе над этим сочинением участвовало сразу три поколения семьи Ремезовых — Ульян, его сын Семен и внук Леонтий. По ее мнению, «История» была написана до времени смерти Ульяна (1689—1690 гг.), когда внук Леонтий достиг пятнадцатилетнего возраста [168].

Автор специальной монографии о С. Ремезове Л. А. Гольденберг отверг предположение об участии в работе над «Историей» Ульяна Ремезова и отнес труд Семена Ремезова к 90-м гг. XVII в.[169] По мнению Л. А. Гольденберга, «История» возникла до времени поездки С. Ремезова в Кунгур в 1703 г., когда он разыскал Кунгурскую летопись [170].

Приведенные выше данные об использовании Кунгурской летописи при работе над текстом «Истории» обнаруживают ошибочность предложенных датировок. С. Ремезов приступил к работе над своим основным сочинением в конце XVII в., но завершил его, без всякого сомнения, после 1703 г. Некоторые статьи «Истории» были написаны на той же бумаге, на которой печаталась книга «Артиллерия» в 1709 г. [171]

В заключительной статье «Истории» С. Ремезов обозначил имена авторов «литореей» из четырех букв — «ЛСУР». Е. И. Дергачева-Скоп расшифровала «литорею» как указание на имена Ульяна Ремезова, его сына Семе-

на и внука Леонтия. Однако эта «литорея» допускает различные толкования. Некоторые историки полагают, что на последней странице зашифрованы были имена Семена Ремезова, его родственников («природных»), т. е. сыновей Леонтия, Семена, Ивана, Петра и, возможно, племянника Афанасия[172]. Такая интерпретация «литореи» кажется более простой и удачной. Прочтение «литореи» имеет немаловажное значение для уточнения датировки сочинения. Монограмма с инициалами младших сыновей С. Ремезова (как авторов или владельцев «Истории») попала на страницы памятника, очевидно, после того, как они достигли совершеннолетия, а произошло это никак не ранее 1708—1711 г. «Литорея», таким образом, наводит на мысль, что работа над текстом «Истории» была завершена в сравнительно позднее время.

Процесс творчества С. Ремезова носил более сложный характер, нежели принято думать. Когда историк приступал к написанию произведения, он находился под сильным влиянием официальной традиции, прославлявшей подвиг Ермака во имя христианизации языческого сибирского края, и не только воспринял эту традицию, но и довел ее до крайних пределов. Один из читателей «Истории» очень точно уловил основную тенденцию и сочинил новый заголовок: «Житие Ермака как Сибирь взял с дружиною своею»[173]. Ту же мысль выразил в XVIII в. тобольский любитель истории И. Л. Черепанов, заметивший, что С. Ремезов «имел немалое желание, чтоб Ермак когда-нибудь святым причтен был»[174]. С. Ремезов старательно собрал и поместил на страницы «Истории» многочисленные церковные притчи о подвижниках-казаках, сочиненные после смерти Ермака. Одна из них гласила, что на Тоболе казаки приняли решение идти вперед «по явлению святителя Николы чудотворца». Согласно другому апокрифу, в трудный момент казачье знамя с ликом спасителя поднялось из струга и само собой пошло впереди по левому берегу Тобола, увлекая за собой отряд. Потом

явился в облаках бог с небесным воинством и не дал бусурманам стрелять в ермаковцев и т. д.[175] Житийными мотивами проникнут самый ранний слой в тексте «Истории». Однако обнаруживаются и более поздние слои, имевшие иную идейную направленность.

В «Истории» можно найти два «зачина». На самом первом листе своего сочинения С. Ремезов повествует о начале сибирского похода в церковном духе: «Велий господь бог... Ермаку Тимофееау сыну Поволскому даде силу, спех и храбрость... И в таковой храбрости Герман в дружине своей Ермаком прослы, ... воюя бусы по Хвалынскому морю, ... яко и царскую казну шарпал»[176]. На втором листе автор вновь описал предысторию сибирского похода, на этот раз в чисто прозаическом стиле. Тут не было больше ссылок на бога, Ермак не именовался Германом Поволским, а дела его назывались воровскими: «Собрании вои ...с Ермаком с Дону, с Волги и с Енку, из Астрахи, ис Казани, ворующе, разбиша государевы казенные суды, послов и бухарцев на усть Волги реки...»[177].

Второй зачин «Истории» был составлен С. Ремезовым под влиянием обнаруженных им кунгурских источников [178]. Тобольский историк ознакомился с ними в то время, когда первоначальный «житийный» текст «Истории» в основных чертах уже сложился. Новые источники очень мало подходили к избранному им жанру. Поэтому С. Ремезов, поначалу пытавшийся сохранить старый текст и приспособить к нему извлечения из вновь найденного источника, затем отказался от этих попыток. Так возник третий редакционный слой в тексте «Истории» — дополнительные (кунгурские) листы, в которых нет и намека на христианские чудеса. Факты излагаются здесь в духе светской литературы. Изменение манеры прослеживается даже во внешнем оформлении. Если иллюстрации к основному тексту напоминают тщательно отработанные миниатюры в традиционном условно-иконописном духе, то рисунки кунгурских листов — это беглые наброски, кото-

рые, однако, отличаются поразительной живостью и реализмом [179].

Л. А. Гольденберг обратил внимание на необычайное сходство почерка С. Ремезова в его «Служебной книге 1709—1710 гг.» и почерка вставленных листов (Кунгурской летописи). С. Ремезову было к тому времени почти 70 лет, и в его почерке прослеживались четко выраженные возрастные изменения [180].

Следует заметить, что кунгурские листы отразили не только возрастные изменения, но, что значительно более важно, перемены в идейных установках Ремезова.

Подведем краткие итоги. С. Ремезов приступил к составлению «Истории Сибирской» в конце XVII в. В то время он еще находился целиком под влиянием старой традиции в освещении похода Ермака, тщательно собирал и записывал притчи о «подвигах» казаков, их молитвах и постах, помощи со стороны святых и пр. Ознакомление с краткой Кунгурской летописью в 1703 г. побудило вернуться к работе над «Историей». Поначалу историк пытался сохранить старый текст и лишь приспособить к нему вновь найденный материал. Но после 1709—1710 гг. он отказался от подобных попыток и собственноручно заполнил вставные листы к «Истории», дав им заголовок «Летопись сибирская краткая Кунгурская». Новые веяния, связанные с петровскими преобразованиями, появление новых исторических сочинений, распространение рационалистических воззрений оказали решающее влияние на идейную эволюцию первого сибирского историографа. В конце жизни С. Ремезов отдавал решительное предпочтение чисто светским по своему содержанию «сказам» о походе Ермака, широко использовал свои записи фольклора, географические и этнографические наблюдения, сделанные во время картографирования сибирских мест, в которых действовал отряд Ермака. Преодоление церковно-книжной традиции, бесспорно, повысило степень достоверности последнего редакционного слоя «Истории Сибирской».

Глава II

ПОДГОТОВКА ЭКСПЕДИЦИИ

Как совершилось «сибирское взятие»? На этот вопрос в разное время отвечали по-разному. Сравнительно рано возникла официальная концепция присоединения Сибири к России, которая фигурирует уже в посольских документах конца XVI—XVII в. Согласно заявлениям царских дипломатов, первую экспедицию организовала верховная власть, пославшая в Сибирь служилых казаков. Эта версия умалчивала о Ермаке и Строгановых. Другая концепция, появившаяся в конце XVII в. и вскоре получившая также официозный оттенок, напротив, подчеркивала ведущую роль Строгановых. Существовала еще одна точка зрения, которая брала начало в народных сказаниях. В глазах народа главным и единственным героем «сибирского взятия» был вольный казак [1].

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО И ОСВОЕНИЕ ОКРАИН РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

История вольного казачества давно привлекала внимание исследователей. Дворянские историки рассматривали роль казачества в XVI в. главным образом сквозь призму событий Смутного времени, подчеркивая «мятежность» и «буйство» вольного казака [2]. Представи-

тели буржуазной историографии видели в казаках носителей анархического начала, противостоявшего государственному. «Беглец из общества потому ли, что общественные условия ему не нравились, или потому, что общество преследовало его за нарушение наряда, казак,— утверждал С. М. Соловьев,— разумеется, не мог согласить своих интересов с интересами государства и беспрестанно действовал вопреки последним»[3]. По мнению С. М. Соловьева, казаки были людьми безземельными, бродячими, желавшими жить за счет общества, чужим трудом[4].

Изучение фактов позволило В. О. Ключевскому уточнить представления о занятиях «бродячего и бездомного класса» — казачьей вольницы. То была беднота, писал В. О. Ключевский, люди отважные, с оружием в руках ходившие в степь «для рыбного и звериного промысла» и ввязывавшиеся в «хроническую мелкую борьбу» с татарами. Со временем казаки оторвались от пограничных русских укреплений и стали оседать военно-промысловыми артелями в открытой степи. Не имея возможности прокормиться промыслами, они стали гоняться «за походным заработком», проще — за грабежом и добычей[5].

Вслед за С. М. Соловьевым В. О. Ключевский подчеркивал значение колонизации окраин для России. Тема колонизации получила дальнейшее освещение в работах Д. И. Багалея, Г. И. Перетяткевича, М. К. Любавского и других историков[6]. По мнению М. К. Любавского, «расселение по обширным диким странам надолго обрекло русский народ на примитивное промысловое земледельческое хозяйство... надолго парализовало развитие русской общественности»[7].

С. Ф. Платонов трактовал историю заселения вольным казачеством южных окраин в рамках концепции С. М. Соловьева и В. О. Ключевского. Он подчеркивал, что масса гулящего люда, постоянно просачивавшегося через линию пограничных укреплений на окраины, пребывала до середины XVI в. в состоянии полного брожения. Казаки

искали себе пропитание охотою, рыболовством и бортничеством, но при этом держались на речных путях и шляхах с целью разбоя. В хаотическом брожении масса казацкая легко переходила от разбоя к службе государству, от борьбы с «бусурманами» к насилию над своим же братом. Одно сознание свободы от тягла и принудительной службы, одна вражда к привилегированным высшим классам — «лихим боярам» объединяли толпы бродивших в степях казаков [8].

В трудах советских исследователей история казачества получила новую трактовку. Подчеркивая роль народных масс в освоении окраин, они впервые связали колонизационные процессы с внутренним развитием феодального общества и классовой борьбой, показав, что казаки вовсе не были антиобщественными или анархическими элементами. Феодально зависимое население России стало покидать центральные уезды и массами стекаться на южные окраины по мере того, как в Центре усиливался податный гнет и крепостничество. В глубинах «дикого поля» беглое население оказывалось вне досягаемости крепостнического государства. Казаки не противостояли всем прочим сословиям России, а оставались частью тех самых низших слоев населения, выходцами из которых они и были.

Для реконструкции ранней истории казачества в XVI в. большое значение имеют труды Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, В. И. Шункова, А. А. Преображенского, В. А. Голобуцкого, А. П. Пронштейна, А. А. Новосельского и др. [9]

Татарское нашествие смело с лица земли славянские поселения в степной полосе между Днепром и Волгой, в Тмутаракани и других пунктах Приазовья. Но пути в глубь степей не были забыты на Руси. Едва Золотая Орда утратила былое могущество и стала распадаться, русское население начало возвращаться в донские, приазовские и волжские степи. Медленное, но ощутимое движе-

яние происходило на всем пространстве от Киева до Нижнего Новгорода.

Бескрайние степи были заняты редкими кочевьями ордынцев. Плодородные земли и обильные угодья манили русский люд в глубь «дикого поля». Выходцы из Руси небольшими ватажками отправлялись вниз по течению рек на промыслы, с наступлением холодов возвращались домой либо «полевали» в степях. На окраинах находили прибежище прежде всего те, кто искал спасения от тягла, даней и оброков. Они основывали свои зимовья все дальше к югу от пограничных крепостей и засек. Немногочисленные русские переселенцы очень часто присоединялись к татарским станицам, население которых по социальному облику мало чем отличалось от них самих: то были выходцы из татарских кочевий, беглые «черные» люди, рабы и прочие. Сами наименования, усвоенные вольным населением степей,— «казак», «есаул», «атаман» — были, бесспорно, татарского происхождения.

Этнический состав казачества был весьма пестрым. На первых порах преобладали татары из разных орд. В 1538 г. московские власти во время переговоров с Ногайской Ордой отметили, что «на поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят»[10].

Вольные станицы пополнялись «изгоями» из самых разных мест. Но приток населения из славянских поселений очень скоро стал преобладающим: земледельческое население Руси было куда более многочисленным, нежели кочевое население степей. Дало себя знать также и быстрое развитие феодальных отношений и самодержавных форм власти в России, сопровождавшееся усилением гнета и насилия в отношении низов общества.

Число выходцев с русских «украин» умножалось из года в год. В 1546 г. путивльский воевода писал Ивану IV: «Ныне, государь, казаков на Поле много: и чер-

касцев, и кыян, и твоих государевых, вышли, государь на Поле изо всех украин»[11].

Многие казаки уходили в степи, оставив дома семьи. Переждав в поле лихую годину, они возвращались к родным. Но с годами все больше беглых навсегда оставалось в станицах.

Поначалу станичники жались к «государевым украинам», но с годами уходили все дальше и дальше в «дикое поле».

В начале XVI в. турецкие послы возвращались из Москвы на родину через Старую Рязань. Московские власти строжайшим образом запретили местному населению — боярам, детям боярским, «лучшим» и средним и «черным» торговым людям и «сельским служилым людям» — провожать турок в поле на Дону. Рязанцы получили предписание нанять для проводов «казаков рязанских десять человек, которые бы на Дону знали»[12].

В 1521 г. московские власти решили установить постоянные дипломатические отношения с Турцией и с этой целью обратились к казакам с вопросом о том, какие из степных путей могут быть использованы послами и где лучше всего устроить станы для их встречи и провожанья. В ходе переговоров с турками русские дипломаты ссылались на следующие показания казаков: «А здесь казаки великого князя сказывали, что Доном половина от Азова до украины великого князя — Переволока». Из-за опасности нападения со стороны «больших людей» астраханцев, продолжали они, «тут сходится людем нельзе, ино бы быти съезду (встрече турецких, либо отпуску русских послов.— *Р. С.*) на Медведице, а на Медведице ближе к великого князя украине, а крепко место добре Хопер, а ближе Медведицы к великого князя украины»[13].

Более полувека Казанское ханство находилось в вассальной зависимости от России. Мир на казанских границах облегчал русским продвижение из пределов Рязанщины на северные притоки Дона — Хопер и Медведицу. Хо-

пер далеко отстоял от порубежных русских крепостей, но казаки до того освоили эту реку, что называли ее вполне безопасным («крепким») для встречи послов местом. Нападения же «немирной» Астраханской Орды делали недоступной для казаков Переволоку между Волгой и Доном.

Положение решительно переменилось после падения Казанского и Астраханского ханств. Вольные казаки не только освоили волжские земли на Переволоке, но и проникли по Дону почти вплоть до турецкой крепости Азов. Русские послы доносили из Азова в 80-х гг. XVI в., что «на Дону и близко Азова живут казаки, все беглые люди: иные казаки тут и постарились живучи»[14]. Иначе говоря, к тому времени в казачьих станицах Нижнего Дона уже прожило жизнь поколение вольных русских людей. Примечательно, что тогда же, в 1584 г., московские власти проводили различие между «старыми» и «новыми» казаками и адресовали свои грамоты «донским атаманам и казакам старым и новым, которые ныне на Дону и которые зимуют близко Азова»[15].

Объединение пришлых славянских и местных неславянских элементов в казачьих станицах облегчило вольным казакам установление мирных взаимоотношений с окружающим степным миром. Вольные татарские станичники издавна поддерживали связи с ближайшими городами и торговыми центрами Орды. Русское население станиц имело возможность более или менее регулярно подвозить хлеб и другие продукты из русских земель. Взамен казаки везли в ближайшие пограничные русские города рыбу и прочие продукты своих промыслов.

Жившие под Азовом донские казаки постоянно посещали пригородные базары. Характеризуя мирные отношения с казаками, турецкий султан писал в 1575 г.: «...а ведь деи Азов казаки и жил, а казаки деи Азовом жили, о чем деи у них по ся место все было смирно»[16].

Азовские власти и ордынская знать не прочь были

превратить казаков в своих подданных, но те оказывали вооруженное противодействие любым поползновениям такого рода. Постоянные столкновения между различными ордами, обстановка феодальной анархии, царившая на бывшей территории Золотой Орды, благоприятствовали их усилиям в отстаивании независимости.

Азов был крупнейшим невольничьим рынком в Восточном Причерноморье. Отсюда с давних пор русских полоняников продавали по всему Востоку. Торговля русскими невольниками явилась одной из причин вражды казаков с азовцами. Царские дипломаты заявляли турецким властям в Константинополе, что «азовские люди и Казыева улуса и Дивеевых детей с крымскими и нагайскими людьми ходят на государевы окраины войною и многих русских людей емлют в полон и возят в Азов, и казаки, того не мога терпети, на них приходят»[17].

Военные успехи казачества нанесли сильный удар азовской работорговле. Отныне русский «полон», отбитый казаками, стал постоянным источником пополнения степных станиц.

Москва исподволь поддерживала «малую» войну вольных казаков против татар. Но как только их действия приводили к дипломатическим осложнениям или наносили ущерб царской казне либо интересам союзников, власти отказывались нести за них какую бы то ни было ответственность и призывали ордынцев к истреблению «воровских» людей. Царские дипломаты спешили разъяснить, что «воровские» казаки не являются подданными царя и тот сам рад их казнить при первом удобном случае. Подобные официальные заявления нельзя принимать за чистую монету. Правдой в них было лишь то, что московские власти никогда не могли полностью подчинить себе вольные казачьи окраины.

В «диком поле» вольные казацкие общины основывали свои станицы либо на больших речных островках, либо на гористых берегах наподобие волжских Жигулей.

Колонисты промышляли дичь, ловили рыбу. Реки давали им не только пропитание, но и служили надежным укрытием. Легкие речные суда — струги — заменяли лошадей. Верхом на коне казаку трудно было ускользнуть от подвижных татарских отрядов, на струге же он был неуловим [16].

Русское население имело давнюю земледельческую культуру. Покидая пески и суглинки, оно находило в степях чернозем. Тем не менее русские переселенцы никогда не заводили пашню в своих станицах. Они знали: там, где будут возделанные поля, немедленно появятся феодальные данщики. На русских «украинах» даже государевы крепости не могли спасти крестьянские поля от набегов кочевников. Среди же ордынских кочевий казак вообще не имел шансов вырастить и сохранить урожай. Речные промыслы и охота не могли дать переселенцам устойчивых средств к существованию. Нападения ордынцев приучили казаков к войне. Беглый люд был недостаточно вооружен. Но со временем война дала им необходимое оружие, а вместе с тем и дополнительный источник дохода.

В поисках добычи казаки предпринимали походы по морю к крымским и турецким берегам, собирались в ватаги и грабили проезжих купцов — ногайских, крымских, реже русских и английских.

Разбойные нападения казаков становились обычно предметом обсуждений для дипломатов и приобретали громкую известность. Но в жизни казачьих станиц они не играли первостепенной роли. Гораздо большие возможности открывала перед казаками военная служба в России. Там они получали хлебное жалованье, свинец и порох, без чего никогда бы не выстояли в борьбе с ордынцами. Отправляясь на Русь, казаки получали возможность видеться с родными. Из государевых походов они привозили львиную долю добычи, когда-нибудь попадавшей в их руки.

Московские власти употребляли всевозможные средства для того, чтобы привлечь казаков на постоянную военную службу. Их усилия давали определенные результаты. Гарнизоны пограничных крепостей непрерывно пополнялись за счет вольных казаков и лиц, поступивших на службу с посадов и из деревень. Чтобы удержать казаков на гарнизонной службе и одновременно избежать лишних расходов, власти нередко наделяли их пашенными наделами. Со временем служилым казакам из пограничных южных крепостей вменили в обязанность пахать государеву десятинную пашню.

Вольные атаманы при переходе на царскую службу имели возможность получить поместье и более крупный денежный оклад [19]. Сословные перегородки еще не были жесткими и удачная служба позволяла атаманам перейти в разряд помещиков. Отныне путь к возвращению в старые зимовья был для них закрыт: «товарищество» относилось к ним как к отступникам.

Казаки выбирали атаманов из своей среды, собравшись на «круг». Правительство принуждено было считаться с их порядками и молчаливо признавало такое самоуправление.

Станичное население, обитавшее в «диком поле», в основном цепко держалось за вольную жизнь. Всякого рода беглые люди, пополнявшие станицы, не помышляли о возвращении к старым господам [20]. По временам казаки со своими атаманами поступали «в найм» — отправлялись в походы с царскими воеводами. Казна платила им деньги, пока они непосредственно участвовали в военных действиях. Едва поход заканчивался, казаки возвращались в свои зимовья.

В конце 40-х гг. XVI в. началась война Русского государства с Казанским ханством, сыгравшая особую роль в истории казачества. С первых лет этой войны оно выступило в качестве естественного союзника России.

Первые сведения о нападениях донских казаков на

крымские улусы относятся к началу 1549 г. Московские дипломаты сообщили ногайцам, что царь поднял донских и путивльских казаков «недружбу царю (Крымскому хану. — *Р. С.*) делати»[21].

Казачьи станицы, окрепшие к тому времени, приняли участие в войне с татарами на широком пространстве от Крыма до Астрахани. Царский посланник в Ногайской Орде доносил в Москву, будто выступление казаков произвело сильное впечатление на властителей Оттоманской империи. Султан будто бы жаловался ногайцам на то, что принужден терпеть от царя Ивана великую обиду: царь «поле де все, да и реки у меня поотымал, да и Дон от меня отнял... поотымал всю волю в Озове: казаки его с Озова оброк емлют, и воды из Дона пить не дадут; а крымскому де царю потому ж обиды чинят великие, какую де соромоту казаки крымскому царю учинили — пришед, Перекоп воевали; да казаки Астрахань взяли..»[22].

Информация русского посла относительно «речей» султана не отличалась большой достоверностью. Сведения об успехах казаков под Перекопом, Астраханью, на Дону были явно преувеличены. Вовсе неправдоподобным кажется обещание султана учинить ногайского князя Измаила «царем» на Азове в случае, если тот «пособит» городу оборониться от «царя Ивана казаков». Как бы то ни было, турки и татары имели некоторые основания для беспокойства.

Вольные и служилые казаки сыграли немалую роль в последующих военных действиях против Крыма, Казани, Астрахани, а также против турецких крепостей в Причерноморье.

По крайней мере 2500 пеших казаков штурмовали Казань в 1552 г.[23] Во время похода на Астрахань атаман Федор Павлов, присоединившись к отряду стрельцов, оборонял «перевозы» на Волге от ногайцев, чтобы помешать им прийти на помощь астраханцам[24]. Одновременно волжские казаки, знатоки всех речных и сухопутных до-

рог в Поволжье, вели русские полки к Астрахани в качестве «вожей».

Астраханский хан Дервиш-Али, признавший себя вассалом царя, в начале 1556 г. порвал с Москвой и изгнал воеводу Л. Мансурова с Переволоки. Воевода отступил и укрылся у вольных казаков в их городке Зимьево. Царь немедленно выслал полем на Астрахань атамана Ляпуна Филимонова с 500 казаками, а затем Ивана Черемисинова со стрельцами и Михаила Колупаева с казаками[25]. Крымский хан поспешил прислать в Астрахань 300 янычар, артиллерию и конницу. Но даже с помощью крымцев Дервиш-Али не смог одолеть казаков. Летом атаман Филимонов напал на его улусы и разгромил их. Захваченных в бою крымских мурз казаки прислали в Москву[26]. Дервиш-Али бежал из Астрахани, куда вскоре вступили государевы ратные люди и атаман казачий Архипко[27].

Чтобы успокоить своих союзников в Ногайской Орде, царские дипломаты сообщили им, что царь поставил на Волгу «казаков добрых вам на береженье, в которых воровства нет»[28]. Весной 1557 г. Посольский приказ обратился к ногайцам с новым разъяснением. Московские гонцы заявили, что государь решил поставить на Волге отряды Степана Кобелева и Ляпуна Филимонова, «а велел с Волги казаков всех сослать»[29]. Воеводы расставили караулы на главнейших волжских перевозах. Атаман Филимонов расположился на Переволоке, перекрыв пути с Волги на Дон. Сотня стрельцов водворилась на Иргизе.

Царские дипломаты считали Ляпуна Филимонова служилым человеком. Вольным казакам это было не по нраву. Они не привыкли быть под командой атаманов, присягнувших на верность государю. И позже, при царе Михаиле в XVII в., донские казаки отказывались присягнуть царскому правительству, ссылаясь на времена Грозного. «В которыя время царь Иван стоял под Казанью,— говорили они,— и по его государеву указу отоманы козаки выходили з Дону и с Волги и с Янка и с Терека:

отоман Сусар Федоров и многие отоманы козаки яму государю под Казанью служили не за крестным целованьем»[30].

Намерение царского правительства использовать услуги Ляпуна Филимонова и других «добрых» казаков, чтобы сослать с Волги вольницу, имело трагический исход. Станичные казаки призвали Л. Филимонова в свой лагерь, уверив его, что «служат государю же». Когда атаман явился, казаки собрали «круг» и по приговору всего товарищества казнили его. Одновременно они напали на государевы суда под Астраханью[31]. Попытка царских властей подчинить своему контролю казачьи земли не удалась.

Война между Россией и Крымом тем временем приобретала все больший размах, и в этой войне царские воеводы часто использовали помощь вольных казаков. Воевода Данила Чулков в 1556 г. отправился в поле на Дон и разгромил близ Азова отряд в 200 крымцев. Тогда же отряд дьяка Ржевского предпринял поход против татар в Поднепровье. Едва русские ратные люди показались на Днепре, к ним тотчас присоединился черкасский атаман из Канева Михайл Еськович с отрядом в 300 казаков. Ржевский сжег предместья турецкой крепости Очаков и нанес поражение крымцам. Его наступление поддержал атаман Михаил Черкашенин с донскими казаками. Черкашенин спустился по р. Кальмиус в Азовское море и напал на крымские улусы в окрестностях Керчи[32].

Победа над крымцами воодушевила украинских казаков. Вслед за каневскими атаманами на сторону русских перешел православный магнат князь Дмитрий Вишневецкий, бывший в Каневе старостой. Несколько месяцев спустя после похода Ржевского атаман Михайла Еськович привез в Москву весть о том, что Вишневецкий выстроил укрепления на Хортицком острове у Конских вод и объявил о переходе на царскую службу[33]. Принужденный покинуть Хортицу под натиском турок и татар, Вишне-

вецкий «засел» в Черкасах и Каневе и предложил Ивану IV принять эти города под свое покровительство. Грозный не желал нарушать перемирие с Польско-Литовским государством и пригласил Вишневецкого в Москву на государеву службу [34].

В 1558—1559 гг. отряды московских ратных людей и казаков совершили новые походы на Дон и Днепр, с тем чтобы предупредить крымское вторжение в пределы России. В 1559 г. воевода Данила Адашев с речной флотилией вышел из устья Днепра и направился к Кинбурнской косе, а оттуда на Перекоп. Несколько недель флотилия ходила у берегов Крыма, наводя страх на татар и совершая нападения на прибрежные улусы. Адашев освободил из плена много русских невольников и с большой добычей благополучно вернулся в казачью «засеку» на Монастырский остров [35]. Одновременно Вишневецкий с казаками рассеял небольшой отряд крымцев на р. Айдар близ Азова [36].

В 1561 г. Вишневецкий громил крымские кочевья в Поднепровье [37]. Год спустя он отправился в новый поход на Днепр. На этот раз с ним были 300 его ратных людей, «московский» казацкий атаман Водопьян с его «прибором» — 150 донскими и волжскими казаками с «дикого поля», а также 400 каневских казаков с атаманами. В этом походе Вишневецкий изменил царю и вернулся на королевскую службу. Но украинские казаки не последовали его примеру. Атаманы Сава Балыкчей Черников, Михаил Алексеев, Федька Ялец, Ивашка Пирог Подолянин, Ивашка Бровка, Федяй Яковлев со всеми черкасами ушли в Москву [38].

В годы Казанской войны вольные казаки, нанимаясь на государеву службу, сражались неподалеку от своих зимовий. В период Ливонской войны волжские и донские атаманы несли службу в самых различных местах обширного государства — в Подмосковье, на литовских рубежах и прибалтийских землях.

В штурме Полоцка в 1563 г. участвовало до 6 тыс. служилых и вольных казаков[39]. В дни нападения Крымской Орды на Москву в 1572 г. царь смог собрать 20-тысячную армию. Значительную часть ее составляли казаки служилые (1300 пеших и 500 конных с пищалями) и вольные (Миша Черкашенин с отрядом; тысяча казаков, нанятых казной, и тысяча казаков, нанятых Строгановыми)[40].

В годы Ливонской войны донские, волжские и запорожские казаки выдвинули из своей среды ряд видных атаманов, получивших известность благодаря службе в русской армии. Одним из них был М. Черкашенин. Его имя упоминалось в русских летописях и записях Разрядного приказа довольно часто. В 1559 г. М. Черкашенин со своей станицей разгромил крымцев в верховьях Северного Донца и прислал четырех пленных в Москву[41]. В 1570 г. он с атаманами и казаками охранял царского посла И. Новосильцева во время следования его в «дикое поле» от Рыльска до Азова. За службу казаки получили «государево жалованье: деньги, и сукна, и селитру, и свинец»[42]. В 1572 г. Черкашенин со своим отрядом, численность которого не была точно известна московскому Разрядному приказу, принял участие в грандиозном сражении с Крымской Ордой под Москвой. Когда крымские татары захватили в плен сына Михаила Черкашенина Данилу, атаман предпринял отчаянный шаг для его спасения. Собрав донских казаков, он разгромил посад Тапракалов в Азове и взял в плен 20 «лучших людей», в их числе шурина турецкого султана Сеина, и много других воинов. Вслед за тем атаман дал знать турецкому паше, что отдаст всех пленных в обмен на своего сына. Крымский хан велел казнить Данилу. Султан, узнав об этом, сделал выговор своему вассалу: «Нынече ден ты меж казаков и Азова великую кровь учинил»[43]. Нападения донцов на турецкую крепость в самом деле участились[44].

Одновременно усилился натиск запорожских казаков

на турецкую крепость Ислам-Кирмень, заграждавшую выход по Днепру в Черное море. В 1575 г. в Крыму стало известно о том, что запорожцы готовятся напасть на Ислам-Кирмень и что с ними придут на Днепр 4 тыс. «московских казаков». Готовясь к совместным действиям против Крыма, Иван IV в 1576 г. приказал послать в Запорожье денежную казну («казакам всем по три рубли денег на человека, а иным по четыре рубли добрым казакам да по зипуну»), хлебное жалованье («по три четверти запасу на человека»), порох и другие припасы. Царский посланник заверял гетмана запорожцев, что на помощь к нему прибудут «государевых казаков шесть тысяч». И в самом деле, весною 1576 г. на Днепре появились большие отряды вольных донских и московских служилых казаков. Совместные действия запорожцев и прибывших к ним на помощь отрядов завершились внушительной победой: крепость Ислам-Кирмень была взята и разрушена [45].

Сокрушение Казанского и Астраханского ханств в Поволжье и появление русских отрядов в Приазовье и на подступах к Крыму создали благоприятную ситуацию для вольного русского населения в глубинах «дикого поля». Успехи русского оружия ускорили формирование вольных казачьих общин в бассейне Дона, Волги и Яика. Совместные боевые действия упрочили братство русских казаков с запорожцами и «черкасами» — украинскими казаками.

Важным рубежом в истории вольного казачества стало «великое разорение» 70—80-х гг. XVI в. Стихийные бедствия, чума, податной гнет, тяготы военного времени привели к тому, что города и деревни обезлюдели. Спасая жизнь, многие крестьяне, посадские люди, холопы бежали на южные окраины государства и в «дикое поле» [46]. Множившиеся на почве разорения социальные конфликты и появление на окраинах массы беглых людей привели к тому, что «воровские» и разбойные выступления казаков участились.

В мае 1572 г. отряд в 150 казаков напал на английский корабль, который возвращался из путешествия в Персию и стоял на якоре близ устья Волги. Англичане, по их словам, убили и ранили почти треть напавших на них людей, но отбить их яростный натиск так и не смогли. Капитан и команда сдали корабль с грузом и были отпущены в Астрахань. Царские воеводы догнали и разгромили отряд «воровских» казаков. Многие из тех, кто участвовал в нападении на англичан, поплатились жизнью [47].

В 1579 г. русские дипломаты заявили крымскому хану, что по царскому указу «не велено никого на Дон пропущать, и с Дону казака никакова пущать не велено. А кого изымут на украйне и тех казнят смертью» [48]. Это заявление было полуправдой. На самом деле царское правительство проводило в отношении казаков двойственную политику. Остро нуждаясь в воинских контингентах, оно по-прежнему привлекало их на государеву службу, снабжало порохом и свинцом. В обстановке военных поражений крепостническое государство волей-неволей делало существенные уступки казачьим окраинам, разрешая, например, «новым» казакам — вчерашним беглым людям — служить в полках наравне со «старыми» казаками. За два десятилетия до Крестьянской войны правительство еще могло рассчитывать на лояльность казаков. Известно, например, что в 1589 г. на Волге действовало два «воровских» отряда. В одном было 100 «черкас», в другом — 150 «черкас» и казаков. В то же самое время царские воеводы наняли для участия в походе до 1000 волжских и до 500 яицких казаков [49].

Жалуя казаков за службу, власти одновременно жестоко подавляли любые проявления недовольства, отправляя на виселицу и в тюрьму «воровских» казаков. Царские войска появились во многих пунктах Нижнего Поволжья. Как писал в 1579 г. англичанин Х. Барро, «на острове, называемом Царицыным, русский царь держит

в летнее время отряд из 50 стрельцов для охраны дороги, называемый татарским словом «караул». Между этим местом и Астраханью есть еще 5 караулов, или сторожевых отрядов»[50].

С тех пор, как Ливонская война стала приобретать неблагоприятный для России оборот, правительство отказалось от активной восточной политики. Отряды русских ратных людей перестали появляться под Азовом и у Перекопа. На судьбы вольного казачества это оказало двоякое влияние. Власти не пытались более подчинить себе дальние казачьи окраины. На Дону, на Яике и в прочих отдаленных местах беглый люд пользовался полной безопасностью, находясь вне досягаемости царской администрации. Но одновременно казаки оказались лицом к лицу с усилившимся натиском со стороны ногайцев, крымцев и азовцев. Татары громили казачьи станицы, пленных продавали в рабство. Однако русское население уже пустило в «диком поле» глубокие корни, ему удалось выстоять и на этот раз.

Казачье население стало более многочисленным, и на вольных окраинах возникли первые небольшие городки[51]. В конце 60-х гг. XVI в. московский дворянин Семен Мальцев видел на Нижней Волге два казачьих городка[52]. В документах середины 80-х гг. появились первые точные упоминания о казачьих городках на Дону[53]. Сразу же вслед за тем казаки основали свой первый укрепленный городок на Яике. Ногайский князь Урус пожаловался тогда царю, что «в ту пору, пришед на Яик, казаков с 6 сот и с 7 сот, поставили город большой и с того города нам много лиха починили»[54]. В начале 90-х гг. в русских дипломатических документах упоминались уже четыре казачьих городка в Донской земле: близ Азова, «на Маныче, да в Черкаской и в Раздорех»[55].

Вольные казаки ранее всего освоили земли в Нижнем Поволжье. Но с тех пор, как здесь появились в большом числе царские караулы, многим пришлось перебираться

на новые зимовья. Одни искали прибежища на Дону, другие — на Яике и Тереке. Не Волге, а Дону суждено было стать главным центром кристаллизации вольного казачества.

В конце 70-х гг. в ходе Ливонской войны наступил перелом. Польский король Стефан Баторий собрал для наступления на Полоцк более чем 40-тысячную армию. Одновременно 10-тысячный шведский корпус напал на Нарву. Находившаяся в Пскове армия (до 30—40 тыс. чел.) оказалась между двух огней. В псковской армии числилось до 3 тыс. стрельцов и казаков. Большой отряд донских казаков находился непосредственно в районе Полоцка. Ввиду того, что главные силы русской армии не смогли оказать осажденной крепости эффективной помощи, донцы, перед лицом многочисленной рати Батория, «без отпуска» (без разрешения) воевод снялись с позиций и ушли на Дон. Полоцк вскоре же был взят поляками [56].

Летом 1581 г. Россия оказалась на пороге военной катастрофы. Ее армии с трудом отражали наседавших со всех сторон врагов. Командование вновь призвало казаков с Дона и Поволжья, 500 донских казаков обороняли Псков [57]. Еще до начала псковского «сидения» русские полки предприняли вторжение в Литву, стремясь задержать движение главных сил Батория к Пскову. В походе приняли участие вольные волжские казаки во главе с Ермаком.

Атаман Ермак подвизался на западном театре военных действий. Иван Кольцо и другие будущие его сподвижники в то же самое время сражались с ногайцами на южных границах государства.

ЕРМАК И ЕГО СОРАТНИКИ

Большая Ногайская Орда давно находилась в вассальной зависимости от Русского государства. Но как только в ходе Ливонской войны обозначился перелом и

Россия стала терпеть поражение за поражением, властитель Орды князь Урус начал проявлять открытую вражду к русским. Он велел ограбить находившегося в Орде царского посла, а затем объявил о сборе сил для похода на Русь.

20 февраля 1581 г. Иван IV направил в Орду нового посланника В. Пелепелицына с дарами. Посольский приказ надеялся удержать ногайцев от набега и в случае успеха миссии В. Пелепелицына привлечь на царскую службу собранные отряды ногайцев, с тем чтобы использовать их на западных границах. Расчеты московских дипломатов не оправдались. В начале мая 1581 г. в столице стало известно о вторжении 15 тыс. ногайцев из «Урусова улуса»[58].

Ногайские вести встревожили Грозного. 5 мая 1581 г. Боярская дума вынесла решение послать нарочных «наскоро на Волгу и до Астрахани, чтоб волжские казаки над теми людьми (ногайцами. — *Р. С.*), которые пойдут с полоном с Руси, приходили и над ними промышляли». 28 мая Посольский приказ обратился к Урусу с посланием. Князю напомнили о разгроме его столицы казаками в 1571 г. в отместку за сожжение Москвы и дали понять, что теперь все может повториться. Стоит только царю приказать «вас самих воевать и ваши улусы казаком астраханским и волским... и над вами над самими досаду и не таковую учинят. И нам уже нынеча,— многозначительно писал Посольский приказ,— казаков своих унять не мочно»[60].

Ввиду враждебных действий Орды Москва фактически предоставила казакам свободу действий в отношении ногайцев. Результаты не заставили себя ждать. В начале июля князь Урус вызвал В. Пелепелицына и заявил ему протест по поводу нападения казаков: «Приходили деи государевы казаки сего лета и Сарайчик воевали и сожгли... И нам то стало за великую досаду»[60]. Московские власти предписали казакам «промышлять» лишь над те-

ми ногайцами, которые возвращались из набега на Русь «а на улусы не приходить», т. е. не переносить военные действия на территорию Ногайской Орды. Но атаманы знали о вторжении ногайцев в русские пределы и обращались с ними по законам войны. Они нанесли удар по столице Орды, а затем дважды разгромили ногайцев на волжских переправах.

В августе 1581 г. 300 ногайских всадников показались на переправе в районе р. Самары. Они сопровождали В. Пелепелицына и ногайского посла, направлявшегося в Москву. Волжские атаманы Иван Кольцо, Савва Болдыря, Никита Пан и другие, не обратив ни малейшего внимания на протесты царского гонца, разгромили татарский отряд. Бегством спаслись всего 25 чел. [61]

Мирные заверения властителей Орды не мешали ногайцам продолжать пограничную войну. В те самые дни, когда послы Уруса ехали в Москву, «ногайские люди Урусова улуса и иных мирз человек с шестьсот» перешли русскую границу у Темникова и разорили несколько сел. Когда отряд, обремененный добычей, возвращался от Темникова и Алатыря за Волгу, казаки подстерегли его на переправе и разгромили. Захватив в этом бою «языка», атаманы немедленно отправили его в Москву. Московские власти обычно щедро жаловали казаков за доставку пленных, но тут они поступили иначе. Пленный ногаец, назвавшийся «улусным человеком князя Уруса», был освобожден, а доставивший его казак объявлен «вором» и обезглавлен в присутствии татарина [62].

После сожжения Сарайчика — ханской столицы — правители Ногайской Орды стали выказывать больше миролюбия [63]. Москва попыталась использовать наметившийся перелом. Новый царский посланник повез в Орду богатые подарки. Вслед за тем пленник должен был сообщить Урусу о казни казака в Москве. Царь потребовал от Уруса, чтобы он также казнил «своих воров», грабивших Русь, дабы такие воры — «как наши казаки, так и

ваши казаки — «меж нами ссоры не чинили»[64]. Посол получил наказ «промышлять» над атаманом Иваном Кольцом и его сотоварищами, если удастся, поймать их и повесить. Дело в том, что наступил критический момент в Ливонской войне. Шведы сломали русскую оборону на северо-западе, захватив Нарву, Ям и Копорье. Поляки штурмовали Псков. В такой обстановке Москва была готова любой ценой предотвратить вторжение ногайцев с юга и не допустить расширения военного конфликта на южных границах. В дипломатической игре казаки оказались разменной монетой. Волжские атаманы громили ногайцев не только с ведома, но и по приказу московских властей. Теперь в Москве постарались забыть о недавней посылке нарочных к волжским казакам. Действовавших в Нижнем Поволжье атаманов объявили «ворами», поставленными вне закона несмотря на то, что именно их смелая акция — разгром Сарайчика — отрезвила властителей Ногайской Орды и удержала их от дальнейших авантюр.

Сведения об участии ермаковцев в военных действиях на южных и западных границах имеют исключительное значение для верной датировки сибирской экспедиции.

По вопросу о хронологии сибирского похода Ермака были высказаны различные точки зрения. Еще Н. М. Карамзин утверждал, будто Ермак выступил в поход 1 сентября 1581 г.[65] Вслед за Н. М. Карамзиным ту же дату принял С. М. Соловьев[66]. Со временем она стала своего рода аксиомой и прочно утвердилась на страницах монографий и учебников. Ее приняли известнейшие исследователи Сибири С. В. Бахрушин, А. И. Андреев, А. А. Введенский, А. А. Преображенский и др.[67]

Общепринятая хронология опирается на авторитетные источники — Синодик ермаковым казакам, Тобольскую и Строгановскую летописи. Тем не менее и эти источники требуют критической проверки.

Синодик, как уже говорилось, был составлен по приказу Киприана, приехавшего в Тобольск 30 мая 7129 (1621) г.[68] Казаки из «старой сотни» — ветераны сибирского похода — подали архиепископу «написание», из которого следовало, что Ермак отправился за Урал в 7089 г., иначе говоря, ровно за 40 лет до прибытия Киприана в Тобольск. Указанная ветеранами дата отразилась как в Синодике, так и в Тобольской летописи С. Есипова[69]. Эта дата была подтверждена также подлинными челобитными грамотами сибирских казаков 20-х гг. XVII в. Так, один из сподвижников Ермака тюменский атаман Гаврила Иванов в своей челобитной грамоте, составленной ранее февраля 7131 (1623) г., упомянул, что он служил царю Ивану Васильевичу и другим государям «в Сибири 42 года»[70]. Следовательно, Иванов относил начало сибирского похода к 7089 (1581) г. Однако надо иметь в виду, что тюменский атаман подал челобитную уже после составления Синодика ермаковым казакам.

Исключительный интерес представляет челобитная грамота, составленная казаками «старой сотни» в Тобольске после 1633 (7141) г. Атаман сотни Гаврила Ильин и его помощники утверждали в ней, что служат царю «в Сибири в Тобольске от Ермакова взятия лет по сороку и по пятидесяти...»[71]. Приведенные строки показывают, что у старых ермаковцев в Тобольске не было под руками письменных документов о сибирском походе и что их хронологические выкладки носили самый приблизительный характер.

Челобитные сибирских ветеранов при всей их ценности относятся к разряду сравнительно поздних документов о походе Ермака. Несомненно большей достоверностью обладают источники, составленные в начале 80-х гг. XVI в. и непосредственно отразившие события тех лет. Одним из них является подлинное донесение коменданта Могилева Стравинского Стефану Баторию.

В конце июня 1581 г. Стравинский сообщил королю

о нападении на вверенную ему крепость царских воевод и поименно перечислил участников нападения [72]. Последними в его списке значились «Василий Янов — воевода казаков донских и Ермак Тимофеевич — атаман казацкий»[73]. Указанные сведения были получены литовцами от пленных и отличались надежностью. Янов служил головой «з донскими и волскими казаками» до начала 90-х XVI гг. в.[74] В могилевском походе атаман Ермак был его помощником.

Почти 80 лет назад историк Н. В. Шляков обратил внимание на то, что Ермак, будучи под Могилевом в июне—июле 1581 г., не мог добраться до Урала и начать поход с 1 сентября того же года [75]. Н. В. Шляков ограничился этим замечанием, не проанализировав все источники об экспедиции в комплексе. Поэтому предложенная им дата похода (1582 г.) не получила признания [76]. Чтобы снять отмеченное Н. В. Шляковым противоречие, историки выдвинули остроумную гипотезу об одновременном существовании нескольких атаманов, носивших одно и то же имя. «Очевидно,— писал Введенский А. А.,— что было два атамана, называвшихся одинаково: один Ермак Тимофеевич был атаманом донских казаков на правительственной службе, другой Ермак Тимофеевич — атаман волжских казаков, которые на положении вольных и охочих людей попали в пермские вотчины Строгановых. Ошибочность отождествления Ермака, „воеводы" под Могилевым, с Ермаком, атаманом волжских казаков, становится очевидной...»[77]

Гипотезу А. А. Введенского следует признать неудачной, поскольку она полностью противоречит фактам, которые содержатся в самых ранних и достоверных документах XVI в.

Летом 1581 г. Ермак воевал под стенами Могилева. Иван Кольцо летом и осенью того же года громил ногайцев в Поволжье. Посольский приказ зафиксировал этот факт с протокольной точностью. 28 августа 1581 г. в Мо-

скву «прибежали» татары из свиты ногайских послов, ехавших к царю, и сообщили, что «на Волге казаки Иван Кольцов, да Богдан Борбоша, да Микита Пан, да Сава Болдыря с товарищи» погромили ногайское посольство на перевозах под Сосновым островом. Государев гонец В. Пелепелицын, сопровождавший ногайское посольство, прибыл в Москву 1 сентября и подтвердил эти сведения [78]. Остается добавить, что Иван Кольцо, Никита Пан и Савва Болдыря стали главными сподвижниками Ермака в сибирском походе.

Приведенные факты начисто разрушают гипотезу об атаманах-двойниках. Если двойник был у главного из атаманов — Ермака Тимофеевича, то тогда придется признать, что свои двойники были также и у трех помощников. Иван Кольцо с товарищами воевал с ногайцами в Нижнем Поволжье, а их двойники в те же самые дни будто бы приближались к уральским перевалам [79].

Предположения об атаманах-двойниках отпадут сами по себе, коль скоро мы откажемся от даты начала экспедиции — 1 сентября 1581 г. Приведенные выше материалы с полной очевидностью доказывают, что Ермак, Иван Кольцо и их сотоварищи не могли выступить в поход в это время [80].

Выявление комплекса ранних и наиболее достоверных документов позволяет отбросить неверные даты и вместе с тем выяснить подлинные обстоятельства, сопутствовавшие организации похода.

Вплоть до конца 1581 г. на западных, северных и восточных границах России не смолкали выстрелы. В то время Ермак сражался в царских полках, Иван Кольцо — в Поволжье. Ситуация претерпела разительные перемены после заключения перемирия с Речью Посполитой в начале 1582 г. Впервые за много лет на западных рубежах воцарился мир. Ермак со своими станицами вернулись с театра военных действий в Поволжье. С окончанием похода казна перестала выплачивать им жалованье. «Заслу-

женные» деньги были израсходованы достаточно быстро, и боевым казакам пришлось подумать об организации самостоятельной экспедиции. Такой способ получения средств к существованию был вполне традиционным.

Поздние летописцы утверждали, будто Ермак и его соратники были выпуждены покинуть Поволжье после того, как их стали теснить царские воеводы, получившие приказ покончить с «воровством» казаков на Волге[61]. Подобное утверждение, без всякого сомнения, ошибочно. Подлинные записи Разрядного приказа показывают, что едва началась зима 1582 г., как в Поволжье в самом деле двинулись конные и пешие отряды. В апреле «судовая рать» бросила якорь у Козина острова на Волге[62]. Однако передвижение царских воевод было вызвано не «воровством» казаков, а совсем другой причиной — восстанием Луговой, а затем и Горной черемисы. Волнения охватили все Поволжье и отчасти Прикамье. Царское правительство вынуждено было направить против восставших лучших воевод с крупными военными силами. Им удалось подавить движение лишь после упорной трехлетней войны. Начавшееся восстание нерусских народов и прибытие царских воевод создало положение, при котором казаки могли в любой момент оказаться между молотом и наковальней. В такой ситуации они собрали круг и вынесли решение отправиться за Урал, в пределы неведомого Сибирского «царства».

* * *

В конце Ливонской войны царские дипломаты проявляли удивительную покладистость в сношениях с ногайцами. Зато претензии ордынской знати росли изо дня в день. Ногайские феодалы постоянно грабили пограничные русские уезды, захватывали в плен и продавали в рабство русских людей. Теперь они вздумали жаловаться на ка-

зачьи набеги. В июле 1581 г. Урмагмет-мурза направил в Москву письмо, в котором утверждал, что «наперед сего Ермак отогнал с Волги шестьдесят лошадей моих, а летось отогнали с Волги тысячу лошадей». Доказательная сила обвинений, предъявленных ногайским мурзой Ермаку, была, по-видимому, недостаточной. Мурза не назвал точного времени нападения Ермака на его стада в Поволжье. Он ограничился неопределенным указанием на то, что грабеж имел место «наперед сего». Иначе говоря, набег Ермака мог иметь место за месяц, за год или даже за несколько лет до подачи жалобы. Свои претензии по поводу некогда случившегося казачьего набега мурза подкрепил требованием выдать ему «Ярмака»[83]. Заметим, что в письме Урмагмет-мурзы фигурирует Ермак, но не Ермак Тимофеевич. Иначе говоря, в этом случае не удается идентифицировать личность казачьего атамана с такой же точностью, как и в случае с отпиской Стравинского из Могилева. С некоторой долей вероятности все же можно предположить, что и тут речь шла о знаменитом волжском атамане. Запоздалая жалоба мурзы не была отвергнута. Напротив, Посольский приказ обещал учинить сыск насчет Ермака. Посольские документы помогают обнаружить источник слухов о его мнимых грабежах на Волге.

Массовые выступления казаков против феодального гнета в годы Смуты упрочили официозный взгляд на вольное казачество как на антиобщественную силу, повинную в грабежах и разбое. Этот взгляд оказал самое непосредственное влияние на развитие легенды о Ермаке.

Ранняя летопись — «Краткое описание о земле Сибирской», возникшая вскоре после Смуты в 20-х гг. XVII в., сообщала следующие сведения о начале ермаковской экспедиции. Волжские казаки будто бы разгромили на Волге царские суда и ограбили послов кизилбашских (персидских), после чего царь послал против них воевод. Многие казаки были повешены, а другие «аки волки разбегошася по Волге», 500 из них «побегоша» вверх по Волге, «в них

же старейшина атаман Ермак Тимофеев сын»[64]. Благодаря сохранности персидских посольских дел представляется возможным установить полную недостоверность приведенных летописных данных о нападении казаков Ермака на кизилбашских послов.

Когда «воровские» казаки напали на их караван, царь велел посадить на кол казачьего предводителя. Чтобы успокоить шаха, русские дипломаты заявили, будто царь казнил 400 «воров-казаков»[65]. Эта цифра была невероятно завышена: в разбойных нападениях участвовали, как правило, небольшие силы. А главное — описанное нападение произошло через три года после гибели Ермака. Таким образом, прославленный атаман попросту не мог участвовать в разгроме персидского каравана.

Предания о «грабежах» Ермака отразились в фольклоре. Но тут они приобрели совсем иной смысл, нежели в официозных источниках. В XVII в. Ермак был излюбленным героем народных песен и сказов. Его имя стало на редкость популярным. Лишь к исходу века его несколько заслонила фигура Степана Разина. Воспоминания о разинских разбойных нападениях на Волге оказали заметное влияние на развитие легенды о Ермаке. В фольклорных произведениях начальный этап сибирской экспедиции стал живо напоминать начало разинщины. Наиболее четко фольклорные мотивы прослеживаются в кунгурских листах «Истории» С. Ремезова. Ермак поначалу будто бы действовал в «скопе» с 5 тыс. чел. Затем он уже с 7 тыс. чел. ограбил персидских послов и решил идти в поход на Персию. Царь будто бы послал стольника Мурашкина вешать «воров». Тогда-то Ермак и дружина задумали «бежать в Сибирь разбивать»[66]. В приведенном рассказе все вымышлено: и имя стольника Мурашкина, и данные о численности «скопа», и сведения о нападении на персидских послов.

Предания о Ермаке пополнились красочными подробностями в записках иностранцев XVII—XVIII вв. Голлан-

дец Николай Витсен, ездивший в Москву в 60-х гг. XVII в., проявлял особый интерес к личности Ермака и истории заселения Сибири. Он утверждал, будто Ермак был родом из Мермица: «Отправился он с шайкой на грабеж на реку Волгу и разбил несколько стругов, принадлежавших царю, и вот на всех местах по этому случаю было отдано приказание преследовать Ермака и изловить его. Но он с преданными товарищами бежал по реке Каме на реку Чусовую. Там жил знатный купец Данила Строганов, который ничего не зная о прежних разбоях Ермака, или, быть может, в страхе перед разбойниками, дал им все необходимое, чтобы попытать счастья в Сибири»[87]. Легендарность приведенного текста очевидна.

Англичанин Д. Перри, который служил в России при Петре I и бывал в Сибири, записал следующие рассказы о Ермаке. Ради прокормления себя донской казак Ермак Тимофеев отправился разбойничать на большую дорогу. В короткое время он сделался весьма славен, ибо «грабил он только богатых, и по необыкновенному великодушию людей его ремесла, наделял бедняков. Не умерщвлял он и не ранил ни одного человека, разве защищая только самого себя». Неимущие стекались к нему со всех сторон. Тогда правители послали войска для его поимки. «Узнав об этом, оставил он ту страну и, овладев несколькими стругами, находившимися на Волге, начал разбойничать на сей реке. Будучи снова тесним поисками, пустился он в Каспийское море и удалился на Персидские пределы, где и прожил несколько времени под именем купца». Потом он вернулся на Волгу для еще большего разбоя, а оттуда ушел со своей многочисленной шайкой на Каму и решил «пробираться в восточную страну в надежде отыскать некую необитаемую страну или по крайней мере безопасное для себя убежище»[88]. В записках Д. Перри Ермак был изображен народным героем, напоминавшим Робин Гуда.

* * *

Достоверные данные о начальном этапе экспедиции сообщают фрагменты подлинных документов, сохранившиеся в составе Погодинской летописи. Со слов посланцев Ермака Посольский приказ составил следующую роспись пути казаков в Сибирь: «А приход Ермаков с товарыщи в Сибирскую землю с Енка на Иргизские вершины да вниз по Иргизу, а Иргиз река пришла в Волгу с левые стороны, а Волгою шел Ермак вверх»[89].

Можно считать установленным, что сибирская экспедиция началась на Яике и Иргизе. На Яике казаки устроили свои первые «плотбища» и приготовили суда для дальнего похода. Воспользовавшись притоками Яика, ермаковцы, преодолев переволоки, перешли на р. Большой Иргиз и вышли на Волгу южнее Жигулей. Вероятно, там они пополнили свою флотилию тяжелыми судами.

Русское судостроение в Поволжье, на Дону и в Приднепровье имело многовековую традицию. Свои верфи на Волге имели даже небольшие русские городки[90]. На них посадские люди и казаки строили в большом количестве речные струги. Работу начинали с того, что присматривали неподалеку от воды большое дерево, чаще всего липу, валили и обтесывали. Затем ствол долбили и изготовляли колоду, именовавшуюся струговой трубой. Колода служила остовом струга. К ней с боков прибивали длинные доски — по нескольку с каждой стороны. Длина обычного струга была 10—20 м, ширина — 2—3 м, осадка не превышала 1 м. Судно имело 6—20 загребных весел и кормовое весло, служившее рулем[91].

Сохранившиеся царские грамоты к Строгановым дают возможность составить довольно точное представление о ермаковых стругах. Иван IV, узнав о взятии Сибири, распорядился направить за Урал судовую рать с подкреплением. Московские власти использовали при подготовке по-

хода сведения, полученные у Черкаса Александрова (роспись пути, данные о наилучших размерах судов, которые можно было перетащить за уральские перевалы, и пр.). Следуя советам ермаковцев, власти велели Строгановым изготовить струги «со всем судовым запасом, которые бы подняли по двадцати человек с запасом»[92]. Вероятно, в речной флотилии Ермака преобладали «легкие» струги, поднимавшие 20 чел. с полным вооружением, боеприпасами и запасом продовольствия. По самому приблизительному подсчету, они имели водоизмещение не свыше 6—8 т.

В литературе можно встретить подробные описания сборов вольных казаков в поход. Все эти описания относятся к началу XVII в. Но с конца XVI в. до начала XVII в. в казацких обычаях мало что изменилось. Французский военный инженер Г. Боплан в 30-х гг. XVII в. так описал сборы запорожцев: «В Запорожье собирается от 5 до 6 тысяч вооруженных казаков, искусных во всех ремеслах. По 60 человек трудятся около одного челна и отделывают его через 15 дней, так что в две или три недели изготовляют около 80 или 100 судов; в каждом помещается от 4 до 6 фальконетов и от 50 до 70 казаков, из которых всякий имеет саблю, две пищали, 6 фунтов пороха, достаточное количество пуль и квадрант, туда же кладут ядра для фальконетов и необходимые жизненные припасы»[93].

На Яике собралось несколько сотен казаков. Они спустили на воду суда меньшие, чем те, которые были описаны Г. Бопланом. Но приемы строительства судов были теми же. Казачьи сотни разбивались на несколько артелей и каждая дружно работала над сооружением своего струга. На большие струги уходило две недели, малые могли выстроить и за неделю.

На Яике казаки решили все основные вопросы, связанные с организацией экспедиции. Собравшись на «круг», они определили направление похода и избрали командиров. Большим атаманом выбрали Ермака. Как видно, ка-

заки прибывшие из Ливонии, имели большинство на «круге». Сторонники Ивана Кольца, действовавшие до того в Поволжье, довольствовались вторыми ролями.

Не сохранилось никаких достоверных данных, которые позволили бы составить сколько-нибудь подробную биографию Ермака. Различные города и волости оспаривали честь именоваться родиной прославленного атамана. По одной версии, он происходил из городка и волости Борок на Северной Двине, по другой — из Тотемских волостей Вологодского уезда, по третьей — из строгановских вотчин на Чусовой[94]. Все это не более чем предания. Каждое из них пронизано поздними фольклорными мотивами.

В кратком Летописце сольвычегодского происхождения есть следующие строки: «На Волге казаки, Ермак атаман, родом з Двины з Борку... разбили государеву казну, оружие и порох и с тем поднялись на Чюсовую»[95]. В летописном сборнике XVIII в. можно найти целое сказание о происхождении Ермака, якобы написанное им самим: «О себе же Ермак известие написал, откуды рождение его. Дед его был суздалец посадский человек, жил в липенин, от хлебиой скудости сошел в Володимер, именем его звали Афонасей Григорьевич сын Аленин, и ту воспита двух сынов Родиона да Тимофея, и кормился извозом, и был в найму в подводах у разбойников, на Муромском лесу поймап и сидел в тюрьме, а оттуда бежа з женью и з детми в Юрьевец Поволской, умре, а дети Родион и Тимофеей от скудости сошли на реку Чусовую в вотчины Строгановы, ему породи детей: у Родиона два сына: Дмитрей да Лука; у Тимофея дети: Гаврило да Фрол да Василей. И оиной Василей был силен и велеречив и остр, ходил у Строгановых па стругах в работе по рекам Каме и Волге, и от той работы принял смелость, и прибрав себе дружину малую и пошел от работы на разбой, и от них звался атаманом, прозван Ермаком, сказуется дорожиой артельной таган, по вол[ж]ски — жерновой мелнец рушной»[96].

Приведенное «родословие» Ермака носит вполне сказочный характер. Фольклорный мотив «разбоя» распространен в нем на предков атамана в двух поколениях. Рассматривая имя Ермак как прозвище, авторы «родословия» приписывали этому прозвищу совершенно чуждое ему значение — «таган», или «жернов». Подлинное прозвище Ермака они забыли, что и привело их к очевидной ошибке — замене имени Ермак именем Василий. Возможно, в строгановских вотчинах XVI или XVII в. и жил разбойник Василий Аленин, но к Ермолаю Тимофеевичу — историческому Ермаку — он не имел никакого отношения.

Когда литовцы взяли в плен нескольких ратных людей из войска, напавшего на Могилев, и потребовали у них назвать имена полковых воевод и голов, пленные не случайно назвали имя Ермака рядом с именами других воевод. Сподвижники атамана много лет спустя вспоминали о его долгой службе. Один из них, казак Гаврила Ильин, писал в челобитной царю Михаилу Романову, что он, Ильин, «20 лет полевал с Ермаком в поле»[97]. Отсюда следует, что ко времени литовского похода Ермак имел уже за плечами многолетнюю службу в станицах в «диком поле». Слова Ильина подтвердил тюменский казак Гаврила Иванов, проделавший с Ермаком сибирский поход, а затем «ставивший» города Тюмень, Тобольск, Тару. В челобитье 1622—1623 гг. в Москву Иванов писал, что служил государеву службу «в Сибири сорок два года, а прежде де того он служил нам (царю.— *Р. С.*). на поле двадцать лет у Ермака в станице и с иными атаманы»[98]. Приведенное свидетельство объясняет, почему имя Ермака стало известно литовцам: после долгой службы его знали в полках как старого боевого командира.

Ермак казаковал в «диком поле» 20 лет. Он принадлежал к плеяде пионеров, с деятельностью которых связано было само формирование вольного казачества на Волге и Дону.

Погодинская летопись сохранила уникальные сведения о прозвище Ермака. В связи с первым упоминанием его имени летописец сделал ремарку: «прозвище ему было у казаков Токмак»[99]. По-видимому, эти сведения автор Погодинской летописи заимствовал из расспросных речей атамана Александрова. Изучение уральского фольклора позволило Е. И. Дергачевой-Скоп сделать вывод о том, что народная молва на Урале часто соединяла прозвища Ермак и Токмак: «Ермак вовсе не спокойный камень: плывешь бывало мимо нево и крикнешь: „Ермак, Ермак!". А камень и отгаркнется, дескать, верно,: „Токмак, Токмак." Ермака и так звали и этак...»[100]. В разных говорах слово «токмак» имело различные значения. По Далю, «токмачить» — значит «толочь», «толкать», «бить», «колотить». Словом «токмач» обозначили также пест, «бабу» для трамбовки земли и пр.[101]. В прозвище атамана заключался намек на его недюжинную физическую силу. Что же касается имени Ермак, то его следует рассматривать не как прозвище, а как сокращение полного имени Ермолай.

Поздние портреты Ермака, которые хранятся в Тобольском музее, недостоверны[102]. Большего внимания заслуживает описание внешности Ермака в сочинениях С. Ремезова: Ермак «бе бо велми мужествен, и разумен, и человечен, и зрачен, и всякой мудрости доволе, плосколиц, черн брадою и власы прикудряв, возраст средней, и плоск и плечист»[103].

Сибирские летописи, Синодик и некоторые другие документы позволяют с полной достоверностью установить круг соратников Ермака, возглавивших вместе с ним сибирскую экспедицию. Следуя народной традиции и казачьим «сказам», С. Ремезов записал следующие сведения на вставные (кунгурские) листы «Истории»: «Было у Ермака два сверстника: Иван Колцев, Иван Гроза, Богдан Брязга и выборных есаулов 4 человека»[104]. Истолкование приведенного текста вызывает некоторые затруднения. После указания на «двух сверстников» Ермака автор называет

три имени. Отмеченное противоречие, видимо, объясняется тем, что в глазах С. Ремезова Иван Кольцо и Иван Гроза — одно и то же лицо. В Сибири было широко распространено предание о том, что Ермак после разгрома Кучума послал в Москву «атамана казака Грозу Ивановича»[105]. Согласно «Истории» С. Ремезова, в Москву ездил атаман Иван Кольцо[106].

Фрагменты из «архива» Ермака, а также подлинные вкладные книги Чудова монастыря 1586 г. неопровержимо доказывают, что с вестью о победе в Москву приезжал Черкас Александров.

Атаман Иван Кольцо был в самом деле «сверстником», т. е. главным помощником Ермака в сибирском походе. Ермак никак не мог послать его к царю с «сеунчом», потому что почетную миссию подобного рода поручали обычно молодым людям, а не старшим командирам.

Чудовские документы 1586 г. выделили из дюжины «сибирских казаков» двух атаманов: Ивана Черкаса Александрова и Савву Сазонова сына Болдырю[107]. Однако было бы неверно считать на этом основании, будто названные лица в самом деле были атаманами и возглавляли сотни в войске Ермака. Монахи Чудова монастыря выделили Ч. Александрова и С. Болдырю как руководителей сибирского посольства в Москве, и не более того. Примечательно, что по возвращении ермаковцев в Сибири их командиром стал старый атаман М. Мещеряк, а не Ч. Александров.

С. Ремезов называл вторым «сверстником» Ермака Богдана Брязгу, опираясь в этом случае на сведения, почерпнутые из «сказа» о его ясашном походе на Обь. Однако в «сказе» он был назван не атаманом, а лишь пятидесятником[108]. Всего точнее чин Б. Брязги определяли документы из «архива» Ермака: «есаул казачей имянем Брюзга»[109]. Приведенные данные позволяют исправить неточность, допущенную С. Ремезовым. В качестве есаула Б. Брязга не мог быть «сверстником» Ермака.

Главными руководителями похода были помимо Ермака и Ивана Кольца выборные атаманы. К числу их бесспорно принадлежал Матвей Мещеряк, имя которого много раз упоминается в сибирских летописях. В Синодике ермаковым казакам фигурирует «отоман Никита Пан»[110]. О его деяниях рассказывает также Строгановская летопись[111]. Никита Пан хорошо известен как сподвижник Ивана Кольца. Труднее решить вопрос об атаманском чине Якова Михайлова. Сведения о нем содержатся лишь в Строгановской летописи[112]. В раннем Синодике его имя не фигурирует.

Примечательно, что в руководстве сибирской экспедиции были пропорционально представлены как ермаковцы (М. Мещеряк, Я. Михайлов, Б. Брязга, Ч. Александров), так и «воровские» казаки (И. Кольцо, Н. Пан, С. Болдыря). Тот же принцип равнопредставительства соблюдался и в дальнейшем. Например, миссию в Москву возглавили двое лиц — от обеих половин войска.

Имена рядовых участников сибирской экспедиции можно найти в Синодике и во вкладных книгах Чудова монастыря 1586 г. В последних названы следующие «сибирские казаки»: Иван Михайлов сын Шуянин, Афанасий Абросимов сын Темниковец, Григорий Мартемьянов сын Пережегин, Михайло Григорьев, Тарх Казарин, Юрий Леонтьев, Федор Антропов. Казак Феофилакт упомянут в том же источнике как погибший в Сибири. Казак Иев Вышата вернулся из экспедиции совсем больным: за 6 руб. его постригли и устроили в келье больничной в Чудове монастыре[113]. В начале XVII в. в составе тобольской «старой сотни» числились атаман Гаврила Ильин, пятидесятники и десятники Осташка Антонов, Ивашка Лукьянов, Ларка Сысоев, Дружина Васильев, Фомка Бородин, Пашка Ерофеев. Некоторые из этих «старых казаков», по их словам, служили в Сибири с самого «ермакова взятия»[114]. В более поздних документах упоминаются другие участники сибирской экспедиции — казаки Алфер Заворохин,

Алексей Галкин, Семен Шемелин. О последнем его внук Ульян Кузьмин сообщил в челобитной царю, что тот служил «из давних лет, а пришел в Сибирь с атаманьями с Ермаком Тимофеевым с товарыщи, в казаках, и Сибирь тебе, государю, очистил и кровью своею взял за саблею»[115].

Обычно московские власти именовали Ермака и его сотоварищей «волжскими казаками». Но надо иметь в виду, что вольные казаки на разных реках тогда еще не обособились друг от друга в виде «войска Донского», «войска Яицкого» и пр. По случаю разгрома посольства В. Пелепелицына дьяки произвели дознание и установили, что вместе с Иваном Кольцом на Волге орудовали казаки из самых разных мест. То «беглые казаки,— заявляли царские дипломаты в Ногайской Орде в 1582 г.,— которые, бегая от нас, живут на Тереке и на море на Яике и на Волге, казаки донские, пришел с Дону, своровали и наших детей боярских (Пелепелицына.— *Р. С.*), а их (ногайских.— *Р. С.*) послов перебили»[116]. Вместе с Иваном Кольцом многие из перечисленных выше казаков присоединились вскоре к Ермаку.

Итак, помимо волжских и яицких казаков в первой сибирской экспедиции участвовали также казаки с Дона и Терека. Прозвища казаков указывали на их самое различное этническое происхождение: Черкас и Пан (выходцы из украинских или польских земель), Шуянин (из Шуи), Темниковец (из Темникова), Мещеряк (с Мещеры), Болдыря (так в степях называли людей, родившихся от смешанных браков между русскими и татарами).

Клички давали некоторое представление о прошлом казаков, об их личных особенностях. О казаке Грише Ясыре известно, что он служил конную службу «с Ермаком вместе»[117]. «Ясырем» в Крыму называли пленных невольников. Немало русских людей прошли через татарский плен, прежде чем стали вольными казаками.

Прозвище есаула Богдана Брязги передано в различных источниках по-разному. Брюзгой называли ворчли-

вых людей и бранчуг или мастеров выругаться. Слово же «брязга» имело иной смысл. В Нижнем Поволжье его употребляли в значении «бить», «хлестать»; «давать оплеуху». В Синодике ермаковым казакам упомянуты Иван Карчига и Окул[118]. Иван был, скорее всего, новгородцем. В новгородском говоре «карчига» означало «хрипун». Слово «окул» употреблялось в некоторых говорах со значением «продувной». Среди казацкой вольницы хлесткое слово было, как видно, в большом ходу.

В казацком войске царили демократические порядки. В течение всей экспедиции все самые ответственные решения Ермак и выборные атаманы принимали «с совета» и «по приговору» всего «товарства»[119]. Примечательно, что в своих воспоминаниях — «сказах» — ветераны похода неизменно говорили о «Ермаке с дружиной» и ни разу не сложили ему отдельной похвалы. Эта особенность «сказов» передалась ранним сибирским летописям, как бы растворявшим образ Ермака в действиях всего казачьего отряда[120]. Для казаков Ермак был одним из равных.

Итак, после обсуждения войсковой круг принял решение о направлении похода. Собравшиеся на Яике казаки могли, как обычно, либо двинуться на Каспийское море к персидским берегам, либо спуститься по Дону на Азовское море и напасть на крымские и турецкие берега. Но в конце концов они избрали иные цели. После поражения в Ливонской войне Москва старалась сохранить мир на южных рубежах любой ценой. Напав на Крым либо Персию, казаки рисковали навлечь на себя гнев грозного царя. Ермак и его товарищи решили совершить поход в пределы Сибири. Такое решение, по-видимому, носило компромиссный характер. Служилые казаки, составившие большинство на казачьем «круге», не желали ссориться с московскими властями. «Воровские» же казаки, поставленные царским указом вне закона, стремились уйти подальше от тех мест, которые все больше попадали под контроль государевых воевод. Эти устремления отчасти

явились отражением нараставшего конфликта между крепостническим государством и вольной казацкой окраиной, вылившегося спустя два десятилетия в Крестьянскую войну.

ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ СИБИРИ

Зауралье и Сибирь не были для русских людей «землей незнаемой»[121]. Новгородцы начали торговать с югорскими племенами с XI в. В первой четверти XII в. они ходили «за Югру и Самоедь». Жители Новгорода Великого знали, что путь за Камень (Урал) «непроходим пропастьми, снегом и лесом», но их неудержимо влекли на восток морские промыслы и пушные богатства. На протяжении XII—XIII вв. новгородские дружины прочно освоили Печорский путь за Камень. Они периодически появлялись в Приуралье и собирали дань с местных югорских племен. В качестве владений Новгорода Югорская волость фигурировала уже в грамотах XIII в.[122] Власть Новгородской феодальной республики над отдаленной северо-восточной окраиной не отличалась прочностью. И все же роль новгородцев отнюдь не сводилась к сбору дани. Народная колонизация необъятных северных территорий имела большое историческое значение.

В XIII в. народы Западной Сибири подверглись нашествию с Востока. Монгольские феодалы разгромили многие старые центры Сибири[123]. Их вторжения сопровождались истреблением местного населения и разрушениями. В итоге одни югорские племена, жившие в лесостепной полосе, были включены в состав Золотой Орды, другие оттеснены на север.

Примерно с XIV в. на Тоболе и в междуречье Туры и Тавды сложилось раннее политическое образование сибирских татар — Тюменское ханство[124]. В начале XV в. в рус-

ских летописях появляются первые известия, относящиеся к истории татарских владений в Сибири. Соперник Мамая хан Тохтамыш, разгромленный Тимуром, искал спасения на дальних северо-восточных окраинах Золотой Орды. Там он был убит поблизости от Тюмени, столицы Тюменского царства[125].

В 20-х гг. XV в. потомок Чингисхана Хаджи-Мухаммед покорил ишимских татар и основал ставку в городище Кызыл-Туре, расположенном при впадении Ишима в Туру. В конце XV в. при внуке Хаджи-Мухаммеда Ибаке Тюменское ханство достигло расцвета. Территория ханства простиралась теперь от Туры, Тавды и Тобола до Ишима[126].

Монголо-татарское нашествие оказало губительное влияние на Русь. Однако Новгород и его северные владения избежали погрома. В XIV в. новгородцы смогли снарядить крупные экспедиции в Зауралье. В 1384 г. они прошли с Печоры на Обь и там разделились на два отряда. Один «воеваша по Оби реки до моря», другой — «наверх Оби воеваша»[127].

В XIV в. Московское княжество возглавило борьбу Руси против чужеземного ига. Москва играла все более значительную роль и на Русском Севере. Колонизационные потоки из междуречья Оки и Волги пересеклись на Двине и Печоре с новгородскими. Далеко на северо-востоке возникли очаги земледелия.

По мере усиления Московского великого княжества на Печорском пути все чаще появлялись московские воеводы. В 1465 г. воевода Василий Скряба с отрядом прошел за Урал в Югру и собрал дань в пользу московского великого князя. Воевода Федор Пестрый в 1472 г. подчинил Великую Пермь и выстроил в Приуралье укрепленный городок Чердынь.

С падением независимости Новгорода Великого в 1478 г. все его северные владения, включая Печорский край, вошли в состав единого Русского государства.

Окрепнув, Русь сбросила татарское иго. Властитель Большой Орды Ахмат-хан в 1480 г. предпринял нападение на русские земли в районе Угры, но потерпел неудачу и отступил в степи. С наступлением зимы Ахмат-хан распустил своих мурз в их улусы. Его оплошностью немедленно воспользовались ногайские князья и тюменский хан Ибак. Они напали на Ахмат-хана и убили его.

Тюменское «царство» являлось одним из многих улусов распавшейся Золотой Орды. Его столица располагалась в городке Чимга-Тура за Уральским хребтом. Неудача Большой Орды в войне с Москвой подтолкнула тюменского хана к решительным действиям. После убийства Ахмат-хана Ибак и ногайцы «начаша Ахматову орду грабити меж Доном и Волгою, на Донцу на Малом близ Азова. И стоял Ибак царь пять дней на Ахматове орде и поиде прочь, а ордобазар поведе в Тюмень не грабя»[128]. Переведя купцов из древней столицы Орды в Тюмень, Ибак попытался превратить этот сибирский город в новую торговую столицу ордынцев[129].

Поражение Большой Орды принесло безопасность южным русским границам. Москва смогла выделить силы для похода в Зауралье. В 1483 г. воеводы князь Федор Курбский и Иван Салтыков Травин с воинскими людьми прошли с Вишеры на Лозьву и Пелым, рассеяли отряды пелымского князя Юмшана и двинулись «вниз по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирскую землю»[130]. Поход в Зауралье не привел к войне между Россией и Тюменским ханством. Иван III и «царь» Ибак вели борьбу с Большой Ордой, а потому избегали столкновений между собой. Федор Курбский обошел стороной владения Ибака и с Тавды перешел на Тобол, Иртыш и Обь. Там русские ратники «повоевали» Югру и взяли в плен многих князей, в том числе «большого» князя Молдана, «княжих Екмычаевых двое сыновей» и других[131].

Как записал устюжский летописец, устюжане выступили в поход с Курбским 9 мая 1483 г., вернулись же

1 октября[132]. Таким образом, экспедиция длилась несколько месяцев.

Поход Федора Курбского имел важные последствия. Используя посредничество пермского епископа Филофея, сибирские князьки вступили в переговоры с Иваном III. «От всея земли Кодские и Югорские» в Москву прибыл вогульский князек Пыткей. Он привез поминки от кодских князей Лабада, Чангила и других и просил великого князя освободить пленных югорских князей. Его просьба была удовлетворена. В конце 1484 г. кодские князья Молдан, Сонта и Пыткей прибыли из Зауралья под стены Усть-Вымского городка и заключили с епископом и местными вымскими князьками мир «на том, что им лиха не смыслити, ни силы ни чинити над пермскими людьми, а великому князю правити во всем». Князья скрепили мир священным обрядом: «со золота воду пили»[133].

Пелымские манси также вступили в более тесные сношения с Россией. Местный пелымский князь Юмшан в 1483 г. прислал к Ивану III своего шурина Юргу и сотника «вогулятина» Анфима с просьбой об «опасной» грамоте — разрешении на проезд в Россию. В 1485 г. Юмшан приезжал в Москву и вел там переговоры с великим князем[134].

Военное могущество Орды рушилось, и Русское государство начало вести все более активную политику в отношении ордынцев. Изгнанный из Сарая хан Улу-Мухамед сокрушил древнее Болгарское царство в Поволжье и на его развалинах основал в 1438 г. Казанское ханство. В 1487 г. русские после двухмесячной осады овладели Казанью и тогда же увели казанского «царя» Али-хана в Москву в качестве пленника. Иван III посадил на казанский трон своего ставленника Мухаммед-Эмина. Казанское ханство оказалось в вассальной зависимости от Русского государства.

Хан Ибак, продолжавший борьбу с Большой Ордой, в 1489 г. прислал в Москву своего посла Чумгура и пред-

ложил Ивану III мир, но потребовал отпустить из плена своего «брата», казанского «царя» Али-хана[135]. В 1492 г. хан Ибак с братом Мамуком при поддержке ногайских мурз разграбил Астрахань, затем перенес свои кочевья в Заволжье[136].

Продолжая домогаться дружбы с Россией, Ибак в в 1493 г. вторично прислал в Москву посла Чумгура. Извещая Ивапа III о своих успехах, тюменский царь писал: «ино мне счастье дал бог, Тимер-Кутлуева сына (Ахмат-хана.— *Р. С.*) убивши, Саинской есми стол взял, да еще сам с братьями и с детьми условившыся, а великого князя детей на княженье учинив, на отцов юрт, к Волзе пришед, стою»[137]. Среди титулов Батыя был титул Сиин-хана. Таким образом, Ибак известил Ивана III о своем намерении занять золотоордынский «сиинский» трон[138].

Правителям Большой Орды — наследникам Ахмат-хана — пришлось вести борьбу разом и с тюменским, и с крымским ханами. Однако в 1475 г. в Крым вторглись турки, и Менглы-Гирей признал себя вассалом Османской империи. Крымское ханство утратило самостоятельность.

Хан Ибак в качестве чингизида претендовал на золотоордынский трон. Он всеми силами старался утвердиться в Поволжье, но ему не удалось справиться с могущественной татарской знатью внутри собственного «царства». Большим влиянием в Сибири пользовались беки, или «тайбуги»[139]. Князья «тайбугина рода» около 1495 г. выступили против Ибака и убили его[140].

Преемник Ибака хан Мамук с отрядами тюменцев и ногайцев в 1496 г. изгнал из Казани русского ставленника, но сумел продержаться там лишь несколько месяцев. В 1498 г. в Москве стало известно, что Мамук вместе с ногайцами вновь готовится напасть на Казань.

В таких условиях Россия предприняла в 1499 г. новое наступление в Сибирь. Иван III преследовал двоякую цель. Поход должен был упрочить власть русских в низовьях Оби и послужить грозным предостережением для

властителей Тюменского «царства». С появлением русских войск на Оби тюменскому царю пришлось отказаться от далеко идущих планов в отношении Казани и подумать об обороне собственных северных границ.

Кампанию в Зауралье возглавили воеводы князь Семен Курбский, Петр Ушатый и Василий Бражник Заболоцкий. По северным городам и землям был проведен сбор ратных сил. В поход выступили 1920 чел. с Двины, Ваги и Пенеги, 1304 — из Устюга Великого 500 — «вымеч и вычегжан», а также вятчане — «200 человек Руси да 100 человек арян, татар и остяков». Все эти силы — более 4 тыс. ратников — направились в Югорскую землю[141]. Обычно русские проникали за Урал в летнее время на речных судах. На этот раз пешие ратники двинулись в поход зимой на лыжах[142]. Главной целью похода было покорение Ляпинского княжества, которое населяли северные манси (сакв маньсит) — родственники приуральских манси, давно известных русским[143].

Войска отправились к Ляпину кратчайшим путем. Для этого им пришлось преодолеть Урал там, где горы дистигали наибольшей высоты. Главные воеводы прошли за Камень ущельем («щелью»). Вершины, поднимавшиеся на 1400—1600 м над уровнем моря, произвели на равнинных жителей большое впечатление. «А Камени в облаках не видати,— записал с их слов летописец,— только ветренно, ино (горы.— *Р. С.*) облака раздирают»[144]. Ратным людям пришлось преодолевать перевалы в условиях морозной и вьюжной зимы. Младший воевода Заболоцкий прошел на Обь севернее, привычными путями. Поход продолжался всю зиму, было занято более 40 городков и взято в плен 58 князьков. В итоге Югорская земля была подчинена, а ее князья приведены «к роте по их вере»[145].

Русское государство было как никогда близко к тому, чтобы закрепиться в Западной Сибири. Иван III даже присвоил себе титул «князя Кондинского и Обдорского»[146]. Однако вскоре плоды сибирских побед были утра-

чены. «Печорский путь,— отметил С. В. Бахрушин,— был слишком отдален от Москвы, чтобы им можно было совершать прочное присоединение Зауралья»[147]. Еще более важное значение имело другое обстоятельство. Понадобилось еще 100 лет, прежде чем русские крестьяне и казаки, колонизовав восточные и юго-восточные окраины, подошли вплотную к границам Сибири, основали свои поселения на Урале, Нижней Волге и Яике. Лишь после этого возникли объективные предпосылки для присоединения и освоения сибирских земель.

Сколь бы внушительной не выглядела военная демонстрация русских в Зауралье, она не поколебала господства ордынских феодалов в пределах Западной Сибири. Гибель Ахмат-хана и свержение татарского ига обнаружили тот факт, что Россия обладала перевесом сил и имела возможность нанести поражение наследникам Орды в Сибири. Но она вынуждена была на время отказаться от активной политики на Востоке: страна стояла на пороге войны с Литовским великим княжеством. Предстояла тяжелая борьба за возвращение Смоленщины и других великорусских земель, попавших под власть литовских феодалов. С юга границам Руси по-прежнему угрожала Большая Орда. В таких условиях Иван III предпочел воздержаться от прямой войны с Тюменским «царством», выжидая, пока взаимные распри ордынцев не ослабят их окончательно.

Потомкам Ибака не удалось удержать власть в своих руках. На смену старой династии пришла династия Махмета Тайбуги. Со временем «тайбугины» объединили татарские улусы на Тоболе и Иртыше и в самом начале XVI в. подчинили себе остатки Тюменского «царства». Городище Чимги-Тура пришло в упадок, и новой столицей ханства стал Кашлык[148].

На протяжении XIV в. тюркоязычные кочевники Западной Сибири, подвергшиеся завоеванию со стороны монголов, ассимилировали завоевателей. В этногенезе сибир-

ских татар приняли участие тюрки-кыпчаки, угорские, самодийские, отчасти монгольские племена. В XVI в. жители Кашлыка и окрестных татарских юртов говорили на языке кыпчакской группы тюркских языков[149].

Сибирские татары вели полукочевой образ жизни. Они занимались скотоводством, разводили лошадей и овец. В пойме Тобола и Иртыша существовали небольшие очаги земледелия. В оседлых поселениях развивалась домашняя промышленность — гончарное производство и ткачество, плавка и обработка металлов[150].

Татарское население находилось на ранней стадии развития феодальных отношений. Мурзы и беки владели богатствами в виде пастбищ, скота и рабов. «Черные» улусные люди, принадлежавшие к низшему слою общества, несли военную службу в отрядах владельца улуса и платили им ежегодные «дары».

Сибирские ханы силой подчинили себе земли местных племен ханты и манси на Урале, в низовьях Иртыша и на Оби. Главным занятием ханты-мансийских племен было рыболовство и охота. В южных районах, где они близко соприкасались с башкирами и татарами, начало развиваться скотоводство. На Тавде манси занимались охотничьим промыслом и в небольших масштабах — примитивным земледелием.

Источники содержат слишком скудные данные, чтобы составить четкое представление о социальных отношениях у хантов. Основу общественной организации у них составлял «юрт» — большая семья. Во главе объединения «юртов» стояли «князьцы», обладавшие лучшим оружием и бо̀льшими богатствами, чем их соплеменники. Война обогащала родо-племенную верхушку и усиливала неравенство внутри племен. У ханты-мансийской знати были свои «городки», но они были укреплены значительно слабее, нежели татарские городища[151].

Правители Сибирского ханства взимали с покоренного хантского населения дань. Ханты-мансийские племена,

обитавшие по нижнему течению Иртыша, на Тоболе, Туре и Тавде, находились в более тесной зависимости от татар. Ханы брали дань также и «со многих низовых язык» на Оби[152]. Взимание дани, в особенности с отдаленных племен, имело характер периодического грабежа.

Система управления в ханстве была примитивной. При хане находились его визирь — карача и советники. Из своей ставки он рассылал во все концы сборщиков ясака — даруг. Ханы мало вмешивались во внутренние дела улусов, находившихся во власти знатных мурз. Будучи вассалами хана, мурзы вместе со своими отрядами участвовали во всех его военных предприятиях, получая за это часть добычи. Война была одним из средств обогащения татарских феодалов. Они грабили соседей, а захваченных пленных продавали в рабство.

В XVI в. ведущую роль среди татарских «царств» стало играть Крымское ханство, вступившее в жестокую борьбу с Россией. Ногайская Орда претерпела дальнейшее дробление. Сибирские ханы заняли свое место в системе государств, образовавшихся после распада Орды. По традиции они ориентировались на ногайцев и вели борьбу с правителями Бухары.

В середине XVI в. Россия добилась решающих успехов в Поволжье. Ее войска заняли Казань и Астрахань. В 1554 г. князь Исмаил из Большой Ногайской Орды принес присягу царю[153]. Русские победы произвели сильное впечатление на сибирского хана Едигера и его соправителя хана Бекбулата. Цепь татарских «юртов», простиравшихся от Крыма до Сибири, была навсегда разорвана. Сибирский хан лишился возможности получать помощь из Казани и Крыма. Вскоре же Едигер и Бекбулат приобрели опасного противника в лице Кучума, сына бухарского правителя Муртазы. Кучум попытался завоевать Сибирь, опираясь на отряды узбекских, ногайских и башкирских кочевников. Попав в трудное положение, Едигер решил последовать примеру ногайских князей и заручить-

ся покровительством царя. В январе 1555 г. его послы Тягрул и Панчяды просили Ивана IV, чтобы тот «всю землю Сибирскую взял во свое имя и от сторон ото всех заступил (оборонил.— *Р. С.*) и дань свою на них положил и дорогу своего прислал, кому дань собрать»[154]. В ответ царь объявил, что принимает Сибирь «под свою руку».

К своим старым титулам Иван IV отныне прибавил титул «всеа Сибирскыа земли повелитель»[155]. Его дипломаты поспешили разъяснить за рубежом значение нового титула, объявив, что «Сибирская земля поряду с Казанскою землею, и как государь наш... взял Казань, и сибирский князь Едигерь бил челом государю нашему со всеми сибирскими людьми, чтобы царь... пожаловал, Сибирскую землю держал за собою и дань бы с них имал, а их бы с Сибирские земли не сводил»[156].

Послы Едигера, будучи в Москве, «правду за князя (Едигера.— *Р. С.*) и за всю землю дали на том, что им давати государю со всякого черного человека по соболю, да дороге государеву (данщику.— *Р. С*)... по белке с человека по сибирской»[157]. В ходе переговоров дьяки Посольского приказа дознались у послов, что «черных» людей в «царстве» числилось 30 700 чел.[158] Таким образом, послы согласились платить дань в 30 тыс. соболей ежегодно[159].

Иван IV назначил своим посланником и «даругой» в Сибирь сына боярского Дмитрия Непейцина. Посланник выехал в Кашлык, чтобы землю Сибирскую к «правде привести и черных людей переписав, дань свою сполна взять»[160]. Однако ему, по-видимому, не удалось ни переписать «черное» население «царства», ни собрать полную дань. Едигер отправил собранную казну не с царским «даругой», а со своим послом Баяндой. Вместо 30 тыс. соболей посол привез всего 700. Иван IV велел тут же заключить его в тюрьму. Оправдываясь, Баянда сослался на то, что всю Сибирскую землю «воевал шибанской царевич (Кучум.— *Р. С.*) и людей поимал многих». Однако Д. Непейцын опроверг его слова и сказал, что Едигер мог бы

собрать всю дань сполна, если бы «похотел» того[101].

В конце 1556 — первой половине 1557 г. Иван IV приказал произвести сбор дани в Югорской земле. С этой целью на Урал выехал И. В. Иконников с царской грамотой к югорскому князю Певгею и другим «князем Сорыкидцкие земли и лучшим людем и середним и молодшим». Размеры дани были установлены также по соболю с человека. Царь велел привезти в Москву ясак либо самому князю Певгею, либо его брату или племяннику с двумя или тремя земскими «лучшими» людьми. Со своей стороны он обещал их «жаловать и от сторон беречи и под своею рукою держать»[102]. Из текста грамоты следует, что Москва не только знала приобских хантских князьков, но и сносилась с ними до посылки данщиков. Югорские князьки должны были провожать русских посланцев «от городка до городка и от людей до людей и беречи наших данщиков во всем по ряду как преж сего»[103].

В 1557 г. ногайский князь Исмаил вторично принес шерть (присягу) царю Ивану IV и окончательно признал себя его вассалом. Такой поворот событий положил конец колебаниям Едигера. Сибирский хан прислал в Москву шертную грамоту «со княжею (Едигера.— *Р. С.*) печатью, что ся учинил князь в холопьстве, дань на всю свою землю положил и вперед ежегод беспереводно та дань царю и великому князю со всей Сибирской земли давати»[104]. На этот раз посланцы Едигера привезли царю дань «тысячю соболей да доражской пошлины 100 да 60 соболей за белку». Царь Иван не стал настаивать на выполнении прежнего договора о дани. Он приказал освободить из тюрьмы Баянду. По новому соглашению, окончательный размер дани был определен в тысячу шкурок. Посол подтвердил обязательство выплачивать эту дань «вперед ежегодь беспереводно»[105]. Московские власти не поминали более ни об отправке в Кашлык царского данщика, ни о переписи сибирского населения. Добиться реального подчинения Сибири без посылки военных сил оказалось невозможно.

Слишком далеко отстоял этот край от Москвы. Кроме того, на пути в Сибирь лежал труднопроходимый Уральский хребет.

Между тем Едигер продолжал вести трудную борьбу с Кучумом. Опираясь на поддержку бухарского хана, Кучум в 1563 г. нанес поражение Сибирскому «царству» и приказал умертвить попавших в плен Едигера и Бекбулата.

Смена династии в Сибирском «царстве» сопровождалась смутой. Семь лет Кучум вел кровавую борьбу с непокорной знатью и с племенными князьками, прежде чем добился от них покорности. Местное население не сразу свыклось с переменой. Оно видело в Кучуме завоевателя и узурпатора и повиновалось ему, как заметил еще А. Н. Радищев, «из одной только боязни, как то бывает всегда в завоеванных землях»[166].

Кучум окружил себя отрядами, приведенными из Средней Азии, а также набранными в Ногайской Орде. Будучи вассалом бухарского хана Абдуллы, Кучум по его указке стал усиленно насаждать среди населения Сибири ислам. По преданию, Абдулла трижды отправлял в Кашлык шейхов и сеидов в сопровождении бухарских воинов. Незадолго до похода Ермака в Сибирь прибыл Шербети-шейх, а с ним 100 всадников[167]. Однако мусульманство имело успех лишь среди знати.

Кучум пытался опереться на поддержку как своих среднеазиатских покровителей, так и ногайских союзников. Своего сына и наследника Алея он женил на дочери князя Тинахмата из Большой Ногайской Орды, а дочь выдал замуж за Акмурзу из той же Орды[168]. Захватив власть в Сибири, Кучум вскоре же обнаружил свои враждебные намерения в отношении России. Об этом стало известно в Москве. «Хвалитца деи сибирской салтан Ишибаны (Кучум Шейбанид.— *Р. С.*) итти в Пермь войною»,— писал Иван IV в грамоте от 2 января 1564 г.[169]

Сношения между Москвой и Кашлыком оказались прерванными на несколько лет, пока Посольский приказ не

нашел нужным напомнить Сибирскому ханству об его даннических обязательствах. В марте 1569 г. власти освободили из тюрьмы пленного сибирского татарина Аису и послали его с царской грамотой в Кашлык. Получив грамоту, Кучум послал своих людей в Приуралье, и те захватили в плен трех пермяков. Двое из них были задержаны в Кашлыке, а третий, Ивашка Поздеев, послан на подворах в Пермь с вестью о том, что Кучум дань собирает и готовится послать в Москву послов[170].

Вскоре Кучум прислал в Москву свою первую грамоту к Ивану IV. В грамоте не было ни слова о возобновлении даннических отношений, и сибирский властитель именовал себя «вольной человек Кучюм царь». Кучум вспоминал о давних мирных временах, когда «с нашим отцом твой о[тец] гораздо помирився, и гости на обе стороны ходили, потому что твоя земля блиска. Люди наши в упокое, в добре жили. А ныне при нашем и при твоем времяни люди черные не в упокое». Хан предлагал освободить пленных («пяти-шти человек в пойманье держать — земле в том что?») и приступить к нормальным переговорам. Кучум соглашался признать «великого князя» — «белого царя» своим «братом старейшим». Но его мирные предложения заключали в себе лишь слегка завуалированный вызов: «И ныне похошь миру, и мы помиримся, а похошь воеватися, и мы воюемся»[171].

Расчетливый политик, Кучум внимательно следил за развитием событий в Восточной Европе. Как раз в 1569 г. крупная турецкая армия, поддержанная Крымской Ордой, перешла русские границы и напала на Астрахань. Поход завершился отступлением татар и гибелью турецкого войска в безводных степях. Узнав о поражении турок и татар, Кучум решил как можно скорее добиться мира с Россией. В 1571 г. он направил в Москву посла Таймаса и дань в тысячу соболей. Свою новую грамоту «Кучум богатырь царь» адресовал «крестьянскому белому царю». Посольский приказ передал суть обращения Кучума в сле-

дующих словах: «да послал о том, чтоб его царь и великий князь взял в свои руки, а дань со всее Сибирские земли имал по прежнему обычаю»[172].

Посольский приказ изготовил грамоту, запечатанную золотой царской печатью. Она начиналась словами: «Сибирские начальнику Кучюму-царю милостивое слово»[173]. Дьяки составили также текст присяги. Кучум должен был запечатать ее печатью, а его мурзы — «лучшие сибирские люди» — скрепить своими подписями. Для приведения хана к присяге в Сибирь выехал посол Третьяк Чебуков.

Царь рассчитывал восстановить утраченные позиции в Зауралье. Но обстановка не благоприятствовала осуществлению его планов. Ввязавшись в войну с Литвой, Польшей и Швецией из-за Ливонии, Россия принуждена была отказаться от продолжения активной восточной политики. Враги России немедленно воспользовались этим. Крымский хан Девлет-Гирей предъявил царю требование покинуть мусульманские юрты Казань и Астрахань. Крымцы лелеяли замыслы воссоединения обломков Золотой Орды. Их планы, поддержанные Османской империей, таили серьезную угрозу для народов Восточной Европы. Попытка захвата Астрахани турками потерпела провал, но привела к возобновлению татарских набегов на Русь в самых широких масштабах. В 1570 г. крымцы подвергли страшному опустошению Рязанскую землю, а в 1571 г. сожгли Москву[174].

На рубеже 60—70-х гг. XVI в. Россия пережила неслыханный голод, а затем чумную эпидемию. Татары спешили использовать момент. Крымский хан в 1572 г. предпринял новое наступление на Москву. Русские не успели отстроить московские укрепления, и Девлет-Гирей рассчитывал захватить русскую столицу. Крымцы мечтали о восстановлении давней зависимости Руси от Орды. Накануне вторжения хан распределил города России между своими мурзами и выдал своим купцам проезжие грамоты в Астрахань и Казань с правом бесплатного торга на Волге.

В походе на Москву участвовали турецкая артиллерия и отряды янычар. Подстрекаемые крымцами, восстали казанские и астраханские татары и черемисы. В набеге участвовала Большая Ногайская Орда[175].

Кучум порвал вассальные отношения с Россией и нанес удар русским, когда они этого не ждали. Лучший из воевод Сибирского «царства» Маметкул «о Ильине дне» — после 20 июля 1573 г. прошел с войсками через Камень на Чусовую и опустошил округу. Манси, платившие дань царю, подвергались истреблению. Членов их семей татары забирали как пленников. Кучумляне захватили Третьяка Чубукова, направлявшегося с миссией в Казахскую Орду. Как царский посол, так и сопровождавшие его служилые татары были убиты все поголовно.

Кучум замышлял большую войну. Он поставил Маметкулу задачу — «дорог проведывати, куде итти ратью в Пермь»[176]. Войско Маметкула достигло окрестностей строгановского острожка на Чусовой, а затем повернуло назад.

Сибирский хан решил покончить с русским влиянием повсюду — от Южного Урала до Нижней Оби. Его люди уводили в Кашлык либо побивали всех, кто ориентировался на союз с Россией; запрещали, как писал в своей грамоте Иван IV, «нашим остяком и вогуличам и югричам нашие дани в нашу казну давати»[177].

Ко времени войны с Россией Кучуму удалось сосредоточить в своих руках обширные владения. Помимо ханты-мансийцев, обитавших на Оби и Урале, ему подчинялись барабинцы и другие племена, соседствовавшие с ними, а также некоторые из башкирских племен, живших на восточных склонах Среднего Урала. Территорию Сибирского ханства покрывала целая сеть укрепленных татарских городищ. На подступах к Кашлыку стояли укрепления Суз-гун-тура, Бицик-тура, засека на Чувашевом мысу, городок мурзы Аттика, Абалак, городок Карачи. Выше по Иртышу располагались Бегишево городище, городок Тунус и Кулары. Близ Уральских гор находились «город опасный»

есаула Алышая, «заставной» городок на холме Ятман и «царево городище» на Тоболе[176]. На севере границы «царства» доходили до Оби, на Западе переходили кое-где на европейские склоны Уральских гор, на юге терялись в Барабинских степях.

Кучум рассчитывал использовать ситуацию, сложившуюся после сожжения Москвы крымцами. Но прогнозы противников Русского государства не оправдались. В 1572 г. русская армия наголову разгромила Крымскую Орду и ногайцев в многодневном сражении под Москвой. Сражение явилось значительнейшим событием военной истории XVI в. Россия нанесла сокрушительный удар могуществу Крыма и продемонстрировала свое военное превосходство над степными ордами.

На рубеже 70—80-х гг. XVI в. война вновь приобрела неблагоприятный для России оборот. Баторий нанес русской армии ряд поражений. Крымцы и ногайцы немедленно возобновили вторжения на Русь. Бывший царский вассал ногайский князь Урус велел взять под стражу московского посла, а затем продал его в рабство. В таких условиях Кучум развязал войну с Россией и попытался осуществить свои давние планы. Он послал войска на Чердынь, с тем чтобы в случае успеха изгнать русских из Пермского края. Война не принесла ему победы, но русские поселения в районе Чердыни и камских городков оказались основательно разорены.

РОЛЬ СТРОГАНОВЫХ В ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПЕДИЦИИ

Как на дрожжах поднялся и разбогател при Грозном торговый дом Аники Строганова. Торговые конторы Аники действовали в разных концах России. Несколько тысяч людей трудились на его промыслах и перевозили его товары туда, где их можно было сбыть с наибольшей выгодой. Флотилии его судов плавали по

рекам и морям. Аника скупал в разных уездах хлеб для казны, в Архангельске перекупал заморские товары, из Сибири вез меха. Но главный доход ему приносила соль.

Много лет главным центром соляной промышленности Строгановых оставалась Соль Вычегодская. Со временем им стало тесно в родном городе. Аника первым оценил соляные богатства Пермского края и потянулся к ним. Будучи в Москве, он испросил у Ивана IV разрешение искать рассол, «варницы ставити и соль варити», а также ставить дворы и расчищать пашню на пустых местах по р. Каме. Взамен Строгановы брали на себя обязательство оборонять камские места «от нагайских людей и от иных орд», для чего им надлежало выстроить на Каме городок и снабдить его пушками. Чтобы возместить Строгановым расходы, казна предоставила им неслыханную льготу на 20 лет[179].

С молодых лет Аника привык вести счет каждой копейке. Что же побудило его взять на себя тысячные расходы, связанные с сооружением крепости и обороной края от соседних орд? Строганов трезво рассчитал, что будущие выгоды перекроют все расходы. Первую грамоту на камские «изобильные места» он получил в апреле 1558 г., т. е. через несколько месяцев после того, как сибирский хан Едигер окончательно признал себя царским данщиком. Еще раньше вассалом России стала Большая Ногайская Орда. Никто не грозил более войной камским местам, и Строгановым не пришлось тратить деньги на войну «с иными ордами». Тем не менее они, выполняя взятое обязательство, основали на Каме городок Канкор, а позже — Кергедан (Орел).

Иван IV не думал отдавать Камский край в собственность солепромышленникам. Напротив, в своей жалованной грамоте он подчеркивал, что этот край — «наша (царская.— *Р. С.*) вотчина». Но Строгановы сделали все, чтобы фактически превратить камские места в свои владения.

Учреждая опричнину, царь взял под свой контроль главнейшие центры соляной промышленности. В руках опричников соляная торговля стала важнейшим источником средств для опричной казны. В 1566 г. Иван IV зачислил в опричнину Анику Строганова со всеми его прикамскими соляными промыслами. Служба принесла Строгановым множество новых привилегий и льгот. В 1568 г. они получили из опричнины жалованную грамоту на еще не освоенные территории по р. Чусовой[180]. В 1572 г. Строгановы в качестве опричных слуг царя получили разрешение нанять на службу тысячу казаков с пищалями.

Располагая столь крупными вооруженными силами, пермские солепромышленники решили взяться за покорение Сибирского ханства. Опричным любимцам удалось убедить государя в том, что их планы вполне осуществимы. Строгановы были настолько уверены в успехе, что испросили у царя льготную грамоту на еще не присоединенные земли. В 1574 г. Иван IV удовлетворил просьбу Строгановых и разрешил им построить крепости в Зауралье — на Тоболе, Иртыше и Оби[181].

Дореволюционная историография допускала большие преувеличения, коль скоро речь заходила о роли Строгановых в освоении Приуралья. В действительности предприимчивые солепромышленники были обязаны успехами всецело той ситуации, которая сложилась на восточной окраине страны после занятия русскими войсками Казани и Астрахани. Строгановы ловко использовали плоды Казанской войны, в которой не участвовали. Но они обнаружили неспособность справиться с трудностями, когда обстановка приобрела неблагоприятный оборот, и в войне с Сибирским ханством им пришлось полагаться лишь на свои силы.

Предметом спора между Кучумом и пермскими солепромышленниками была область под названием Тахчеи. Историки высказывали разные мнения по поводу того, где находилась эта местность. И. И. Полосин писал, что

Тахчеи — это «зауральская область, входившая в состав Сибирского ханства; упоминается в грамоте 1574 г., позже упоминаний не встречается»[102]. С. В. Бахрушин отверг попытку отождествить Тахчеи с Тахтанской волостью Туринского уезда: «Вопрос о Тахчеях до сих пор остается невыясненным... Во всяком случае это не народ, а страна, которая, судя по контексту, лежала в верховьях Тобола, так как в грамоте 1574 г. упоминание о Тахчеях всякий раз предшествует упоминанию о Тоболе». С. В. Бахрушин высказал осторожную гипотезу насчет того, что Тахчеей «называлась область по Туре, за которой впоследствии установилось название „Епанчин юрт“, название новое и возникшее только после похода Ермака»[103]. Ф. Эпштейн — издатель «Записок» Г. Штадена, сослуживца Строгановых по опричнине, считал, что под Тахчеями, или Тахчеей, следует разуметь страну остяков, так как словом «тахе» самоеды называли именно остяков[104]. «Тахчеи — совсем пусты,— писал Г. Штаден,— в этой стране нет совсем никакого народа»[105]. На основании приведенных слов Ф. Эпштейн предположил, что Г. Штаден усвоил понятие «Тахчеи» в пустынной Лапландии. Упоминание Г. Штадена об этой «стране» не отличалось определенностью, поскольку он располагал ее между Мангазеей и Ногайской Ордой.

Более точные и подробные сведения о местонахождении Тахчеи дает царская грамота Строгановым, содержавшая выписку из строгановской челобитной. «Тахчеи и Тобол река с реками и озерами,— отметили Строгановы,— лежат в государеве отчине за Югорским камнем, в Сибирской украине меж Сибири и Нагаи»[106].

Прояснить вопрос помогает карта расселения племен в Южном Приуралье в XVII в. На юго-западной окраине Сибири, близ границ с ногайцами, среди других племен обитали племена, пришедшие с запада из Приуралья и принадлежавшие к башкирскому этническому массиву.

В местах их обитания скорее всего и следует искать область Тахчеи[187].

Из строгановской грамоты следует, что население Тахчеи некогда находилось в зависимости от Ногайской Орды: «Преж де сего Тахчеевы нам (в Москву.— *Р. С.*) дани и в Казань ясаков не давали, а давали де ясак в Ногаи».

В разгар опричнины в 1570 г. Строгановы с согласия царя приняли меры к тому, чтобы укрепить южные границы своих владений, подвергавшиеся нападениям соседних ногайцев. «Для приходу сибирских и нагайских людей» и «для утеснения» чусовских и других остяков и вогуличей, Яков Строганов построил над Сылвою укрепленный острожек[188]. В нижнем течении Чусовой обитали вогуличи (манси), в верхнем — башкирское население (терсяки). Последние населяли также и волость на р. Исеть в Зауралье, на самой границе с Ногайской Ордой.

Воспользовавшись тем, что Ногайская Орда стала вассалом Русского государства, Строгановы проникли в Зауралье и основали свою слободку в слабозаселенных местах на Тахчее. Путь из Соли Вычегодской в зауральскую слободку приобрел в глазах Строгановых столь важное значение, что они просили царя освободить от подсудности пермских наместников всех их людей и крестьян, которые поедут «от Вычегодцкие Соли мимо Пермь на Тахчеи в слободу или из (Тахчеи.— *Р. С.*) слободы к Вычегодской Соли»[189].

Строгановы рассчитывали на то, что слобода на Тахчеях станет их главным форпостом в Зауралье, опираясь на который они смогут продвинуться на Тобол и завладеть Сибирью. Но их расчеты не оправдались. Удержаться в Зауралье им не удалось. В период восстания черемисов в Поволжье в 1572 г. отряды восставших появились на Каме. К ним пристали местные остяки и башкиры. Повстанцы дошли до строгановских городов Канкора и Кергедана[190].

Кучум использовал момент для посылки своих войск на русскую границу. Этот эпизод нашел отражение в царской грамоте на имя Строгановых. «Как нам была черемиса изменила,— писали от имени царя московские дьяки,— посылал Сибирской (хан.— *Р. С.*) через Тахчеи и перевел Тахчеи к себе».

Татары не только уничтожили строгановскую слободку в Зауралье, но и подчинили своей власти окрестное население.

Оно не сразу смирилось с властью Кучума. По словам Строгановых, остяки из Тахчеи запросили у них помощи, чтобы «сибирскому б (хану.— *Р. С.*) дани и ясаков не давати и от сибирского б ся им боронити за одно». Обращение остяков подало Строгановым надежду на возможность привлечь для борьбы с Кучумом подвластные ему племена. Планы пермских солепромышленников получили полное одобрение царской администрации. В очередной грамоте Строгановым московские дьяки писали: «А на Сибирского (хана.— *Р. С.*) Якову и Григорию (Строгановым.— *Р. С.*), збирая охочих людей, и остяков, и вогуличь, и югричь и самоедь, с своими наемными казаки и с нарядом своим посылати воевати, и в полон сибирцов имати...»[101]

Военные силы пермских солепромышленников далеко превосходили дружину Ермака, и тем не менее они не осмелились осуществить свои планы и двинуться на выручку Тахчеям в зауральский поход. Причиной было как ухудшение их дел, так и ослабление внешнеполитических позиций Русского государства в ходе Ливонской войны.

Для проникновения в Сибирь Строгановы использовали не только Южный Урал, но и Северное Зауралье. По преданию, основатель торгового дома Аника Строганов не раз посылал своих людей на Обь за пушниной Печорским путем. Его приказчики вели меновую торговлю с сибирскими хантами и самоедами. В обмен на

малоценные товары (колокольчики, бусы) они получали в большом числе собольи меха[102].

*
* *

К XVI в. русские поморы прочно освоили пути по Студеному морю в устье Оби[103]. Начиная с середины века на этих путях появились английские мореплаватели.

После открытия Америки и освоения испанскими и португальскими мореплавателями океанских путей в Индию и Китай англичане предприняли энергичные поиски северо-западных и северо-восточных путей в Индию. В Лондоне было основано Общество купцов, искателей стран и земель, которое выслало на восток эскадру из трех кораблей во главе с адмиралом Уиллоби и капитаном Ченслером. Буря разъединила корабли эскадры. Адмирал Уиллоби с экипажами двух кораблей погиб во время зимовки в Мурманском море. Капитан Ченслер вошел в Белое море и достиг устья Северной Двины.

Плавание Ченслера положило начало русско-английской торговле на Белом море. Английская компания оценила выгоды русского рынка и вложила крупные средства в торговлю с Московией. Вслед за английскими кораблями русские пристани на Белом море стали посещать торговые суда из Голландии и других западно-европейских стран. Иноземных купцов поражала дешевизна мехов в России. В 1560 г. правление Московской компании английских купцов называло в числе главных предметов вывоза из России сало, воск и меха[104]. Спрос на последние привел к их резкому вздорожанию на русском рынке. В 1565 г. агенты компании получили предписание временно воздержаться от закупок мехов в России ввиду их высокой цены[105]. Но даже дороговизна не мешала западноевропейским купцам сбывать русские меха и драгоценную сибирскую пушнину на своих рынках. В 80-х гг.

XVI в. один английский поэт, воспевший путешествия своих соотечественников к берегам Сибири, посвятил несколько строк самоедам на Оби и Вайгаче, которые «привлекают всех богатством соболей»[196].

Уже в начале 70-х гг. XVI в. царская казна нередко прибегала к услугам Строгановых, когда ей требовалось закупить собольи меха лучшего качества. Будучи в Александровской слободе, Иван IV в 1573 г. обратился с грамотой к Якову Строганову, веля ему купить на государевы нужды 40 соболей по средней цене, да еще «дорогих соболей одинцов» по любой цене, сколько удастся найти. Строганов вскоре же известил царя, что в Москве ему не удалось купить требуемых соболей. Царские соболя были привезены строгановскими приказчиками на соляных судах из приуральской вотчины[197].

Открытие торговых сношений между Россией и Западной Европой по Белому морю и резкое повышение спроса на пушнину, как отметил С. В. Бахрушин, усилило движение русских промышленников на Восток. Поморские промышленники бесстрашно шли за соболем в «неведущие земли», осваивая непочатые природные богатства Сибири[198].

Обосновавшись на русском рынке, английская торговая компания не отказалась от дальнейших поисков северо-восточного морского пути в Китай. Спутник Ченслера С. Берро в 1556 г. отплыл из Англии на небольшом судне «Сечрифт». Его экспедиция подошла вплотную к берегам Новой Земли, откуда направилась к о. Вайгач, столкнулась со сплошными льдами в Карском море и, повернув назад, ушла на зимовку в устье Двины.

На пути к о. Вайгач С. Берро встретил флотилию русских поморов из двух больших и двух малых парусников. Поморы промышляли охотой на моржей и белых медведей. С. Берро пригласил к себе на корабль кормчего по прозвищу Лошак. Кормчий поведал ему, что неподалеку в море расположена «Новая Зембла» (Новая Земля), на

которой находится «самая высокая гора в мире». Он сообщил английскому капитану также подробные сведения о пути в устье Оби.

В течение недели русские и английские суда шли параллельными курсами. Лошак вторично посетил С. Берро и пообещал ему провести их корабль в устье Оби, «если бог пошлет ветер и хорошую погоду». Ввиду малого улова моржей у Вайгача помор сам собирался плыть на промыслы в Обскую губу. Однако из-за сильной бури англичане вскоре потеряли из вида русские суда. Столкнувшись с большими скоплениями льдов, С. Берро отказался от дальнейшего плавания [199].

Иван IV старался привлечь английский капитал в Россию и предоставил Лондонской компании исключительные привилегии. Золотым дном для английских купцов стала персидская торговля [200]. Освоение русского рынка и персидская торговля надолго поглотили внимание англичан. На протяжении двух-трех десятилетий после экспедиции С. Берро компания предприняла лишь две попытки возобновления поисков морских путей на северо-восток.

В 1568 г. Русское государство принуждено было вести войну одновременно с Крымом, Османской империей и Речью Посполитой. Планы союза со Швецией рухнули. Царь пытался выйти из состояния внешней изоляции, заключив тесный военный союз с Англией. В силу привилегии, полученной от царя, Московская компания получила первые в русской истории концессии на разработку железных руд в северных уездах, право свободного проезда в Персию, разрешение чеканить английскую монету в России и пр.[201] Компания попыталась использовать наметившееся англо-русское сближение, чтобы снарядить новую морскую экспедицию. Английский посол Т. Рандольф прибыл в устье Двины 23 июля 1568 г., а неделю спустя вручил капитану Д. Бессендайну и двум его помощникам инструкцию относительно подготовки к плава-

нию на поиски новых стран. Д. Бессендайн получил приказ подготовить корабль к началу будущей навигации и «держать курс прямо на реку Обь», но не задерживаться там, а продвинуться так далеко на восток, как то позволят «очертания берега и время года».

Новая экспедиция имела все шансы на успех, поскольку англичане предполагали использовать на этот раз русские пристани. Д. Бессендайн должен был выбрать себе исходную стоянку к востоку от Печоры у о. Долгий и вернуться на зимовку либо к Печоре, либо в устье Двины [202]. Т. Рандольф мог рассчитывать на помощь русских властей, так как несколько раньше царь выдал компании жалованную грамоту, воспрещавшую всем, кроме ее членов, плавать в устье Двины, на Мезень, Печору и Обь [203]. В Москве Т. Рандольф благополучно завершил переговоры с русским правительством относительно договора о союзе. Однако королевский двор в Лондоне отказался санкционировать договор. Тогда Иван IV объявил недействительными все грамоты и привилегии, дарованные английской компании. В результате экспедиция Д. Бессендайна так и не состоялась.

Новую экспедицию на Восток компания снарядила в 1580 г. К тому времени Русское государство окончательно увязло в Ливонской войне. Его армии понесли поражение в Ливонии и под Полоцком. Иван IV стал вновь добиваться тесного союза с Англией. Руководители Московской компании решили использовать благоприятный момент, стараясь затратить при этом минимальные средства на подготовку морской экспедиции. Они заключили контракт с капитаном А. Петом, владельцем барка «Джорж» водоизмещением в 40 т, и капитаном Ч. Джекменом, хозяином барка «Уильям» водоизмещением в 30 т. Экипаж судов состоял из 14 матросов и двух юнг. Капитаны получили предписание не приставать к русским пристаням, а идти к Новой Земле, к устью Оби и далее на восток. В случае невозможности пройти в Ки-

тай морским проходом, А. Пет должен был перезимовать в устье Оби, а затем подняться возможно дальше вверх по реке. Если, гласила инструкция, «вы доедете до города Сибири или до другого какого-нибудь города с населением на берегу Оби или близ нее, и тогда у вас явится желание перезимовать вторично, в этом случае поступайте по своему усмотрению»[204].

Знаменитый фландрийский географ Г. Меркатор, узнав о планах компании, составил особые наставления для А. Пета, которые, впрочем, не попали в руки последнего. Г. Меркатор здраво указывал на то, что для успеха экспедиции следовало бы заручиться поддержкой русских. «...Плавание в Китай северо-восточным проходом,—писал Г. Меркатор с видимой наивностью,— весьма удобно и легко, и я часто удивлялся, что столь успешно начав его осуществление в этом направлении, его оставили, чтобы повернуть паруса на Запад... Я не могу себе представить, чтобы оставили путь этот без всякой причины; я полагаю, что великий князь Московский воспротивился этому, и я думаю также, что если бы туда можно было проехать, предварительно заручившись разрешением и милостью этого князя, следовало бы разыскивать в первую очередь этот большой залив с реками, в него впадающими, и, избрав там какую-нибудь удобную гавань, закрепить ее за английскими купцами...»[205]

Успеху восточных экспедиций препятствовало, разумеется, не противодействие московских властей, а переориентация Лондонской компании, отказавшейся от попыток проложить торговые пути через Ледовитый океан и вложившей все средства в русскую и персидскую торговлю. Завязав обширные связи в России, английские купцы стали исподволь собирать сведения о Сибири[206]. Сопоставление инструкций Д. Бессендайну с инструкциями А. Пету обнаруживает большие перемены в позициях компании. Ее руководителей в 1580 г. интересовали уже не только поиски морского прохода на Восток, но в еще

большей мере — возможности закрепиться в удобных гаванях на Оби и получить доступ к пушным богатствам Сибири.

Эскадра А. Пета отплыла из Англии 30 мая 1580 г. Задержанные сильными ветрами корабли во второй половине августа миновали Вайгач и прошли в Карское море, где столкнулись с большим скоплением льдов. Обогнув о. Колгуев с юга, английские корабли легли на обратный курс. Вскоре они потеряли друг друга из виду. В конце декабря А. Пет благополучно добрался до родных берегов. Капитан Ч. Джекман зазимовал со своим кораблем у норвежских берегов [207].

Морские экспедиции на Восток, в Ледовитый океан вызвали огромный интерес в Англии. Поэт У. Уоркер посвятил им целую песнь в поэме, изданной в 1586 г:

Нет, нелегко проплыть на Обь, и путь туда далек,
Но смелый Берро там бывал, трудами пренебрег,
Через холодные моря в Лапландию проплыл,
Весьма опасный путь на Обь для Англии открыл.

. . . .

Сколь много Берро повидал чудес в стране Вайгаг!
Как подвиг Ченслера, велик его упорный труд.
Как Пет и Джекмен, он страдал в снегах суровых тут [208].

Поэт допустил некоторое преувеличение. Английским путешественникам так и не удалось пройти в Сибирь путем, по которому плавали туда поморы.

В 70—80-е гг. русские мореходы продолжали плавать в устье Оби, а Строгановы использовали Северный морской путь в своей торговле с Сибирью.

В 1580 г. в Антверпен прибыл из России бельгиец О. Брюнель, находившийся на вотчинной службе у Строгановых [209]. Он заинтересовал рассказами о своих странствиях некоего Балака, и тот направил его с рекомендательным письмом к Г. Меркатору. Из письма Балака,

опубликованного в Англии уже в 1589 г., можно почерпнуть ценные подробности о торговле Строгановых в Зауралье.

Благодаря службе у пермских солепромышленников, О. Брюнель дважды побывал на Оби. Первый раз он ездил туда сухопутьем через «страну самоедов» и сибирские места, а второй раз — морем, «вдоль берегов реки Печоры на восток»[210].

Г. Красинский считал рассказы О. Брюнеля о морском путешествии в Сибирь сплошным вымыслом. В доказательство он ссылался на фантастические сведения О. Брюнеля о том, что Обь имеет 70 устьев и пр.[211] Однако точка зрения Г. Красинского не кажется основательной: О. Брюнелю не пришлось самому плавать по Оби, и все сведения об устье реки, ее ширине он привел со ссылкой на чужие рассказы («как говорят самоеды»). Бельгиец не знал языка «самоедов» и неизвестно, в какой мере владел русским. Языковые трудности и двойной перевод неизбежно должны были внести много неточностей в его повествование. Кроме того, О. Брюнель был достаточно легковерен, как большинство его современников. Отчеты путешественников тех лет нередко украшали небылицы, что тем не менее не ставит под сомнение факт реальности этих путешествий[212].

Расставшись с надеждами о подчинении Кучумова «царства» силой, Строгановы решили наладить более регулярную торговлю с Зауральем по морю. Сведения о своей сибирской торговле они, видимо, старались держать в тайне: обмен приносил большие барыши, и Строгановы не желали делить их ни с кем. О. Брюнель оказался посвященным в «тайную тайн» лишь благодаря тому, что попал к ним на службу, в круг «хорошо известных» русских людей (очевидно, слуг Строгановых), «которые в совершенстве говорят на языке самоедов и знакомы с рекою Обью, так как ездили туда из года в год»[213].

Не приходится сомневаться в том, что регулярные по-

ездки на Восток по суше и плавания на Обь по морю позволили Строгановым собрать обширные сведения о силах и ресурсах Сибирского ханства.

Одной из главных причин крушения честолюбивых замыслов Строгановых были множившиеся экономические трудности. Аника умел добиться полного повиновения от своих взрослых детей, но как только он умер, трое наследников немедленно разделили между собой его богатства, промыслы и земли. Раздел основательно поколебал финансовую мощь семьи.

Канула в лету опричнина, и вместе с нею минуло время щедрых льгот для солепромышленников. Некогда Иван IV на 20 лет освободил от податей приуральские владения Аники Строганова. В 1579 г. этот срок истек, и прибывшие в Пермский край писцы обложили строгановские деревни налогами.

В последние годы Ливонской войны царь взыскивал с торговых людей крупные суммы в счет экстренного военного налога. Государевы поборы росли, а поступления в казну Строгановых сокращались.

«Великое разорение», охватившее Россию в 70—80-х гг. XVI в., отозвалось и на строгановских промыслах. Соляная торговля всегда давала Строгановым львиную долю доходов. В пору расцвета на Каме работали на полную мощь 27 соляных варниц. Однако к 1579 г. половина из них бездействовала[214]. Вскоре возникла опасность полной приостановки промыслов, что грозило подорвать доходы семьи.

Строгановы беззастенчиво грабили и угнетали приуральские племена. В начале 80-х гг. это привело к восстанию местного населения. По данным Строгановской летописи, его возглавил мурза Бегбелий Агтаков. Он собрал 680 воинов и 22 июля 7089 (1581) г. напал на Чусовские городки. Строгановы поспешно собрали своих людей и разогнали мансийцев, а их мурзу взяли в плен[215]. Однако вскоре их владения подверглись более серьезно-

му нападению со стороны зауральских манси. Новое нападение имело место после 1 сентября («о Семене дне»), возглавлял его некий пелымский князь. Осенью 1581 г. Строгановы обратились к царю с жалобой на то, что чусовские вогуличи (манси) повоевали их слободы на Чусовой и Сылве, после чего зауральские манси с Пелыма выжгли все их деревни на Койве, Обве, Яйве и Чусовой: «А вогуличи,— писали основательно струсившие вотчинники,— живут блиско их слободок, а место лешее, а людем их и крестьяном из острогов выходу не дадут, и пашни похати и дров сечи не дают же. И приходят деи к им невеликие люди украдом, лошадий, коровы отганивают и людей побивают, и промысл деи у них в слободах отняли и соли варити не дают»[210]. Строгановы оказались бессильны одолеть не только Кучума, но даже малочисленные мансийские племена, восстание которых могло привести к полной остановке их соляных промыслов.

Семен и Максим Строгановы просили у царя разрешение произвести набор казаков в свои городки, чтобы справиться с восставшим населением. Однако военные действия на западных границах достигли критической точки, и царь остался глух к просьбе пермских вотчинников. 20 декабря 1581 г. в грамоте к пермским и соликамским земским властям он позволил провести Строгановым сбор «охочих людей» исключительно среди местного уездного населения: «...которые будет охочие люди похотят итти в Оникиевы (строгановские.— *Р. С.*) слободы в Чюсовую и в Сылву и Яйву на их (Строгановых.— *Р. С.*) наем, и те б люди в Оникиевы слободы шли»[217].

Автор специальной работы «Покорение Сибири и Иван Грозный» Г. Красинский сделал вывод, что «сибирский поход Ермака явился прямым следствием решений и действий Московского правительства — Ивана Грозного»[210]. Строгановы действовали как исполнители царских предначертвний, а по отношению к Ермаку выступали как равноправная сторона, заключившая соглашение. Исхо-

дя из такой схемы, Г. Красинский интерпретировал царские грамоты Строгановым следующим образом. Ранее 6 ноября 1581 г. пермские промышленники обратились к Ивану IV за военной помощью, следовательно, казаков в их городках еще не было[219]. В октябре Строгановы просили царя разрешить им «прибрати охочих людей казаков и теми казаки своими людьми» вести войну с вогуличами. По мнению Г. Красинского, Строгановы без сомнений, имели в виду ермакову дружину, которая должна была появиться на Урале не позднее середины октября[220]. Произвольно толкуя источник, Г. Красинский утверждал, что Ермак уже находился в Перми, когда Строгановы притворно просили царя разрешить им набрать казаков. 20 декабря 1581 г. Москва разрешила им набрать «охочих» людей, ни словом не упоминая о наборе казаков. «...Это непонятное умолчание,— пишет Г. Красинский,— говорит нам о том, что правительственная власть знала, о чем идет речь (о приглашении Ермака с „воровскими" казаками.— *Р. С.*); но предпочитала поддерживать намерение Строгановых „де факто", воздерживаясь лишь от официального признания участия волжских „воров" в намечаемом предприятии...»[221] Итак, и царь, и Строгановы — все хитрили друг перед другом, непонятно только, ради чего. Казаки будто бы восприняли московскую грамоту 20 декабря 1581 г. «как царский призыв» и ранним летом 1582 г. отправились в Сибирь.

Приведенное построение нельзя считать удачным, поскольку оно противоречит твердо установленным фактам.

В очень поздних источниках можно встретить указания на то, будто Строгановы давно знали Ермака и использовали это обстоятельство, чтобы пригласить его в Пермский край и послать за Урал[222]. Это сведения носят фантастический характер[223].

Составители ранней повести о Сибири без всяких комментариев сообщали о том, что Ермак прибыл с Волги

«в вотчину Строгановых», а оттуда двинулся в Сибирь[224]. Авторы официального Нового летописца сочли необходимым уточнить обстоятельства, приведшие волжских казаков во владения Строгановых: Ермак двинулся на Урал «по присылке Максима Строганова»[225].

Причастность Максима Строганова к организации похода подтверждается разнообразными источниками, как письменными, так и вещественными[226]. Он был владельцем самых дальних восточных земель на Чусовой, которые подвергались наибольшему разорению при любом нападении из-за Урала. Это и побуждало Максима деятельнее всех хлопотать о приглашении вольных казаков и снаряжении экспедиции против зауральских манси и Кучума.

В XVII в. строгановский придворный историограф пытался доказать, что Сибирь была взята «промыслом и раденьем» Строгановых. Он выдвинул множество доводов, призванных возвеличить роль его хозяев в покорении Сибири. Анализируя источники XVII в., историки всегда уделяли первостепенное значение Строгановской летописи. Осведомленность ее автора в самом деле не подлежит сомнению, поскольку он широко использовал материалы фамильного архива пермских солепромышленников.

Строгановский летописец указал на 1 сентября 1581 г. как на начальную дату похода Ермака. Представляется возможным не только установить ошибочность этой даты, но и выяснить происхождение летописной ошибки, оказавшей большое влияние на последующую историографическую традицию. Документы, использованные летописцем, сохранились до наших дней в подлинниках, и мы можем оценить приемы обращения с ними историографа.

А. М. Ставрович отметила, что в Строгановской летописи опальная Грамота Ивана IV 1582 г. адресована Семену и двум его племянникам, тогда как сохранившийся

подлинник — только племянникам[227]. Сопоставление подлинника с летописной версией обнаруживает, что придворный историограф убрал слова об измене Строгановых и сократил грамоту в других пунктах. Но редактировал он, по-видимому, особый текст, в отдельных случаях более полный, чем сохранившийся подлинник. (Имеется два указания на татар, а также точное обозначение года в рассказе о выступлении Ермака, отсутствующее в грамоте на имя младших Строгановых). Наличие двух вариантов послания объясняется, вероятно, тем, что дьяки вели переписку одновременно с Солью Вычегодской — резиденцией Семена Строганова и с пермскими городками, где жили младшие Строгановы. В летописной версии опальной грамоты значилось: «Писал нам из Перми Василей Пелепелицын, что послали вы (Строгановы.— *Р. С.*) из острошков своих вол[ж]ских атаманов и казаков Ермака с товарыщи воевать... Сибирские места [70]91 (1582) году сентября в 1 день»[228]. В собственном рассказе о походе Ермака летописец следовал однако не той дате, которая обозначена была в опальной грамоте, а сведениям, почерпнутым из тобольских документов[229].

Ранняя Тобольская летопись, как было показано выше, легла в основу всей Строгановской летописи. Неудивительно, что составитель последней не мог отбросить дату, найденную им в тобольском источнике. Он попытался примирить хронологические противоречия ранней летописи и царских грамот, а заодно возвеличить роль Строгановых в «сибирском взятии». С этой целью был сочинен рассказ о том, что до сибирского похода Ермак жил в вотчинах Строгановых в течение двух лет, а следовательно, стал их слугой. «Того же (7087.— *Р. С.*) году, июня в 28 день,— записал летописец,—...приидоша с Волги атаманы и казаки Ермак Тимофеев поволской с товарыщи в Чюсовские городки... Пожиста же

они атаманы и казаки в городках их (Строгановых.— *Р. С.*) два лета и месяца два»[230].

Итак, следуя расчету строгановского летописца, ермаковы казаки оставались в Чусовских городках до 28 августа 7089 (1581) г., а в последние дни истекавшего 7089 г. ушли из строгановских владений в сибирский поход. В этом случае придворный историограф явно следовал хронологии ранней Тобольской летописи. Несколькими страницами ниже историограф записал, что Строгановы послали Ермака в Сибирь «в лето 7090 году сентября в 1 день»[231]. Расхождение в три дня — между 29 августа (7089 г.) и 1 сентября (7090 г.), очевидно, представлялось ему несущественным. Фактически же это была новая дата начала сибирского похода, и эту дату строгановский летописец, по-видимому, извлек из царских грамот, найденных в архиве своих покровителей. По крайней мере, две царские грамоты (за ноябрь 1581 г. и за ноябрь 1582 г.) упоминали о нападении пелымского князя на Пермский край «в Семенов» или «о Семенов день». Вторая грамота прямо указывала на то, что Ермак отправился в сибирский поход в самый момент нападения в названный «Семенов день», т. е. 1 сентября. Ранняя грамота упоминала о нападении 7090 г., и летописец заключил, что и вторая грамота имела в виду то же самое нападение. Он объединил сведения двух грамот, в результате чего возник следующий летописный текст: «В та же времена девятьдесятые годины, и в число дневи на память преподобного отца нашего Симеона Столпника... князь Пелымский... подозва... уланов и мурз Сибирские ж земли... прииде на Чердынь, ...под Канкор и под Кергедан городки, а оттоле поидоша под Чюсовские городки...»[232]

Наличие подлинных документов строгановского архива позволяет выявить происхождение ошибки, допущен-

ной вотчинным историографом. Сравнение текстов царских грамот показывает, что в них описаны неодинаковые по масштабам и разновременные нападения пелымцев на Пермский край. Наиболее существенно то, что в первом случае нападение совершил князь с вогуличами (манси), а во втором набеге участвовали еще и «сибирские люди», т. е. воины Кучума.

В царской грамоте от 6 ноября 1581 г. значилось: «Били нам челом Семен да Максим Строгановы, а сказали: приходил деи войною Пелымской князь с вогуличи на их слободы, и деревни многие выжгли, ...и ныне деи Пелымской князь с вогуличи стоит около Чюсовского острогу»[233]. После отступления манси Строгановы прислали в Москву новое донесение, процитированное царскими дьяками в грамоте от 20 декабря 1581 г.: «Ныне, деи, девятьдесятого году о Семене дни приходил пелымской князь ратью, а с ним людей семьсот человек, а их де слободки на Койве, и на Обве, и на Яйве, и на Чюсовой и на Сылве деревни все выжгли...»[234] Пермские солепромышленники имели, по-видимому, самое приблизительное представление о численности пелымской рати. В действительности пелымский князек не располагал силами, достаточными для того, чтобы захватить укрепленный острожек на Чусовой. Дело ограничилось тем, что он разграбил и сжег незащищенные слободки и деревни. Младшие Строгановы пожаловались царю на своего родственника Никиту Строганова, владевшего вотчиной на Каме: во время набега Никита не подал им никакой помощи. В грамоте от 6 ноября 1581 г. Иван IV сделал выговор Никите и велел ему «стоять за один» с Семеном и Максимом Строгановыми. Грамота ни словом не упоминала о появлении Ермака в Пермском крае.

В конце 1582 г. в Москве было получено новое донесение, но на этот раз не от Строгановых, а от чердынского воеводы В. Пелепелицына. Воевода сообщал, что в Семенов день 1 сентября «пелымский князь с сибирскими

людми и с вогуличи приходил войною на наши пермские места и к городу Чердыни к острогу приступал, и наших людей побили, и многие убытки нашим людем починили»[235]. Это донесение В. Пелепелицына было процитировано в царской грамоте Строгановым от 16 ноября 1582 г. Новое нападение носило куда более серьезный характер, чем предыдущее. Во-первых, в нем участвовали не только пелымские манси — вогуличи, но и «сибирские люди», т. е. отряды Кучума. Во-вторых, главным объектом их нападения стала крепость Чердынь — центральный опорный пункт русских в Приуралье. Местный воевода пожаловался царю на то, что Строгановы не только не выручили его в беде, но и послали стоявший в их городках отряд Ермака за Урал в тот самый день, когда Чердынь подверглась штурму. 16 ноября 1582 г. Иван IV пригрозил Строгановым опалой и велел им немедленно вернуть казаков Ермака из сибирского похода, с тем чтобы использовать их для укрепления гарнизонов пермских городков.

Фрагменты из «архива» Ермака окончательно проясняют все обстоятельства дела. Будучи в Сибири казаки узнали такие подробности насчет нападения на Пермь, которые остались неизвестными Строгановым, В. Пелепелицыну и Ивану IV.

В царских грамотах ни «пелымский князь», ни предводитель «сибирских людей» не были названы по имени. В Погодинской летописи эти имена точно обозначены. Летописец записал следующее: «Царь Кучюм посла сына своего Алея с ратью воевать в Чюсовую и доходили до реки Камы и до города до Соли Камской и многое дурно над православными христианы починили. А как Кучюмов сын Алей пришел войною на Чюсовую, и в тое ж пору прибежал с Волги атаман Ермак Тимофеев с товарыщи, ...и Чюсовой сибирским повоевать не дали. И с тех мест учали оне, Ермак с товарыщи, мыслить и збиратся, как

бы им доитти до Сибирские земли и того царя Кучюма. А за год до того времени, как Кучюмов сын дошол на Чюсовую, нехто был в Сибири ж Пелымский князь Аплыгарым, воевал своими татары Пермь Великую...»[238]

Приведенный текст подтверждает сделанные выше выводы: во-первых, два нападения на Пермский край произошли с интервалом в год, и, во-вторых, Ермак определенно прибыл во владения Строгановых лишь в дни второго набега. Поскольку дополнения к Погодинской летописи — это источник независимого происхождения, их совпадение с царскими грамотами имеет особое значение.

Достоверность сведений о нападении Аблегирима на Пермский край косвенно подтверждается подлинными царскими грамотами начала 90-х гг. XVI в. Власти охотно принимали на царскую службу сибирских князей и царевичей. Исключение было сделано лишь для Аблегирима.

Воеводы получили предписание захватить его любой ценой вместе со старшим сыном Тагаем и «лучшими людьми» (5—6 чел. «пущих») и казнить за «воровство»[237]. Пелымский князь должен был понести наказание за свои разбойные нападения на Пермский край.

Осенью 1581 г. Строгановым не удалось отразить нападение сравнительно малочисленных отрядов Аблегирима, поскольку отряд Ермака еще не прибыл в их владения. Спустя год ситуация изменилась. Алей потерпел неудачу в бою с Ермаком па Чусовой и ушел сначала к Соли Камской, а оттуда к Чердыни, где появился 1 сентября. От Чусовских городков до Чердыни было не менее 300 верст. Отсюда следует, что бои имели место примерно в середине августа. В Приуралье Ермак прибыл, очевидно, еще раньше. Бои на Чусовой позволили казакам в полной мере оценить боеспособность кучумовой рати. Когда Алей ушел от Соли Камской на север, возникла си-

туация, благоприятная для Ермака. Алей был наследником Кучума и при нем находились отборные войска. Пока эти войска были связаны войной в Прикамье, казаки получили возможность разгромить Кучума. Фрагменты «архива» показывают, что окончательное решение о походе в Сибирь Ермак принял после боев с Алеем.

Все без исключения ранние документы, составленные в начале 80-х гг. XVI в. и сохранившиеся в подлинниках, согласуются между собой. Они точно и недвусмысленно указывают на то, что Ермак выступил в поход не 1 сентября 1581 г., а 1 сентября 1582 г. Помимо письменных источников (царские грамоты, письмо Стравинского, посольские документы) для проверки полученной даты можно привлечь несколько вещественных памятников, уцелевших от экспедиции. В строгановской коллекции еще в XIX в. хранилась «затинная пищаль» со следующей надписью на стволе: «В граде Кергедане на реце Каме дарю я, Максим Яковлев сын Строганов, атаману Ермаку лета 7090»[238]. Надпись была сделана в период между 1 сентября 1581 г. (в этот день начинался 7090 год) и 31 августа 1582 г. (последний день указанного года).

Приведенную надпись трудно объяснить, если придерживаться традиционной даты начала экспедиции Ермака (1 сентября 1581 г.). Изготовить пушку с отлитой надписью на стволе нельзя было мгновенно. Едва ли вся операция могла быть осуществлена в самый день выступления казаков в поход. Отстаивая дату 1 сентября 1581 г., некоторые исследователи склонны были взять под сомнение достоверность сведений о «ермаковой пищали». Факты позволяют отбросить эти сомнения. Отряд Ермака прибыл в вотчины Строгановых не позднее августа 1582 г. и оставался там по крайней мере несколько недель. В ходе августовских боев Ермак отразил нападение татар на Чусовские городки. По-видимому, в награду за это Мак-

сим Строганов и пожаловал ему в дар пушку не позднее августа 7090 (1582) г.

Строгановы подсказали вольным казакам направление экспедиции. Они не скупились на обещания, стремясь вовлечь атаманов в далекий и трудный поход.

П. С. Икосов, написавший в XVIII в. историю Строгановых и использовавший их бумаги, утверждал, будто по секретному соглашению («тайности») камские вотчинники обещали Ермаку снабдить его припасами, «сколько тому пути (в Сибирь.— *Р. С.*) потребно будет»[230]. Когда же казаки прибыли на Каму, солепромышленники проявили обычную для них скупость. Согласно кунгурским «сказам», Максим соглашался выдать им некоторое количество хлеба, но не иначе как взаймы под проценты, «прося у них кабалы». «Егда возвратитеся, на ком те припасы по цене взяти, и кто отдаст, точно или с лихвой?» — спрашивал вотчинник ермаковцев. Возмущенные казаки приступили к Максиму «гызом» и едва не убили его. Иван Кольцо пригрозил Максиму, что расстреляет его «по клоку». Испугавшись угроз, тот открыл амбары и отпустил запас на казачьи струги «по запросу». Приведенный рассказ, занесенный на страницы ремезовской Кунгурской летописи, поражает своей живостью и реализмом. Кажется, что сцена как бы списана с натуры. Жадный купец и удалой казак действуют каждый сообразно своему характеру. Иван Кольцо, не побоявшийся наложить руку на государева посла, не дал бы спуску Максиму Строганову. Правдоподобно и то, что «воровской» атаман, а не Ермак участвует в споре с солепромышленником. Однако правдоподобность не устраняет необходимости доказательств.

Если сведения, легшие в основу Кунгурской летописи, были в самом деле записаны некогда со слов очевидцев, то возникает вопрос: почему в летописи отсутствуют сведения о боевых стычках Ермака и Ивана Кольца с царе-

вичем Алеем на границах строгановских владений? Казаки оказали Строгановым услугу, не дав татарам разгромить их городки, и солепромышленники должны были рассчитаться с ними. Специально отлитая пушка с царственной надписью явилась свидетельством добрых отношений, установившихся между Максимом Строгановым и Ермаком.

В Кунгурскую летопись попали вовсе фантастические сведения о том, что дружина Ермака насчитывала 5 тыс. чел., и Строгановы под действием угроз выдали им на струги «поартельно 5000 по имяном на всякого человека по 3 фунта пороху и свинцу и ружья и три полковые пушки, по 3 пуда муки ржаной, по пуду сухарей, по два пуда круп и толокна, по пуду соли и колико масла пудов»[240].

Ранние летописи скупо и без всяких подробностей говорили о запасах, переданных Ермаку Строгановыми. «По присылке Максима Яковлева Строганова», повествует одна из летописных повестей, казаки пошли с Волги на Чусовую «до городка Максима Строганова и взяша у Максима Строганова запасов хлебных и мяс и масла, також и пороху и свинцу»[241].

Придет время, и Строгановы начнут доказывать, что их предки предоставили Ермаку «запасы многие», а также пушки, скорострельные «семипядные» пищали, дали им «вожей», знающих «сибирский путь», а кроме того отпустили с ними и своих ратных людей из пермских городков — «предобрых воинов триста человек», «литвы и немец и татар и русских»[242]. Ранние, более достоверные источники начисто опровергают эти наивные вымыслы. Автор «Краткого описания о земле Сибирской» отметил, что, будучи на Чусовой, Ермак «взя с собою тутошних людей 50 человек»[243]. Тем дело и ограничилось.

Не приходится сомневаться в том, что Строгановы предоставили вольным казакам продовольствие, кое-какое вооружение, свинец и порох. Однако следует иметь в

виду, что отряд Ермака прибыл с театра военных действий, а атаман Иван Кольцо незадолго до того громил Ногайскую Орду. Так что они прибыли в строгановские вотчины, будучи хорошо вооруженными.

С. Ремезов записал предания о том, что казаки поддерживали в своем отряде строгую дисциплину. Повинных в тяжком преступлении круг судил «по донски..., насыпав песку в пазуху и посадя в мешок в воду»[244]. В войске Ермака, согласно тому же преданию, были полковые писари, трубачи, сотники, знаменщики, наконец, три попа. Эти сведения носят, скорее всего, фантастический характер. Но среди них мелькают подробности, поражающие своим реализмом и, скорее всего, заимствованные из казачьих «сказов». Был у Ермака, писал С. Ремезов, «старец бродяга, ходил без черных риз, а правило правил и каши варил и припасы знал и крут церковной справно знал»[245]. Подле попов бродячий монах был явно ни к месту. Но на роль знатока церковных правил и кашевара при нескольких казачьих сотнях он вполне подходил. Вольные казаки из беглых крестьян и холопов охотно пользовались услугами таких бродяг.

Самые точные сведения о численности отряда Ермака сообщает Погодинская летопись, сохранившая фрагменты из архивных документов. Черкас Александров, привезший в Москву весть о взятии Сибири, показал, что с Ермаком на Урал отправилось 540 волжских казаков[246]. Ту же цифру называли и другие источники.

По данным Посольского приказа, Кучум мог выставить в поле до 10 тыс. воинов[247]. Цифру эту следует признать преувеличенной. Тем не менее армия Кучума по численности многократно превосходила отряд Ермака. Ядро ее составляли ногайская гвардия и татарская конница. Подвластные татарам ханты-мансийские племена присылали во время войны вспомогательные отряды. В данщиках у хана было более 30 тыс. «черных» людей[248].

Казаки Ермака имели смутные представления о Сибирском ханстве. О Строгановых сказать этого было нельзя. Их суда бороздили уральские реки, и их люди прекрасно знали режим этих водных путей. Они подсказали Ермаку самое удобное время для преодоления Уральских гор. Отряды Кучума и пелымских князьков не раз приходили из-за Урала в конце лета. В дни паводка вода в горных реках и ручьях после сильных дождей поднималась и горные перевалы становились доступными для переволоки. В первых числах сентября Ермак мог переправиться через Урал, но если бы он там замешкался до окончания паводков, его казаки не сумели бы перетащить свои суда через перевалы обратно.

В течение нескольких лет Строгановы разрабатывали планы собственного похода в Сибирь, посылали туда лазутчиков. Им нетрудно было предвидеть исход экспедиции, предпринятой малочисленным казачьим отрядом. Замыслы солепромышленников сводились, скорее всего, к тому, чтобы оказать военный нажим на Сибирское ханство и вассальное Пелымское княжество, войска которого разоряли их вотчины и оказывали помощь мансийским племенам Пермского края. Судьба казаков сама по себе Строгановых не интересовала.

Отряд Ермака отплыл на стругах в поход 1 сентября 1582 г. Даже при самых благоприятных условиях он никак не мог бы добраться до столицы Сибирского ханства Кашлыка ранее последних чисел октября либо первых недель ноября. Именно в это время сибирские реки покрывались льдом, и навигация на них заканчивалась. На легких речных ладьях казаки могли вести летучую войну с татарами и даже захватить внезапным набегом их столицу. Но затем Кашлык неизбежно стал бы для них ловушкой. Глубокие снега и льды отрезали бы отряду всякие пути к отступлению. Выдержать же длительную войну с многотысячной татарской армией несколько казачьих сотен никак не могли. Однако Строгановых это мало бес-

покоило. Ради спасения своих соляных доходов они готовы были послать казаков на верную гибель. Расчетливые и скупые торговцы Строгановы постарались вложить в экспедицию минимальные средства. Послав с Ермаком немногих своих людей, они не стали обременять себя заботами о помощи ему, хотя и знали, что без подвоза пороха горстка казаков не сможет долго продержаться.

Поход Ермака едва не сорвался из-за вмешательства Москвы. Как только чердынский воевода В. Пелепелицын узнал, что в строгановскую вотчину прибыли Ермак и Иван Кольцо с товарищами, он немедленно послал донос царю. Ответом на обращение воеводы явилась знаменитая опальная грамота царя, датированная ноябрем 1582 г. Иван IV резко упрекал Строгановых за то, что они призвали в свою вотчину казаков-«воров» — волжских атаманов, которые «преж того ссорили нас с Нагайскою Ордою, послов ногайских на Волге на перевозех побивали, и ордобазарцов грабили и побивали, и нашим людем (читай: Пелепелицыну.— *Р. С.*) многие грабежи и убытки чинили»[249]. Очевидно, как В. Пелепелицын, так и московские дьяки имели в виду совершенно определенных лиц — Ивана Кольца с товарищами, которые за год до того ограбили В. Пелепелицына.

Опальная грамота 1582 г. опровергает разом два мифа, связанных с сибирской экспедицией. Первый миф — о грабежах Ермака на Волге и захвате им царской казны. За подобные проступки казаков вешали без дальних слов. Однако царь Иван IV и не думал вешать «воров» из отряда Ермака. Напротив, местные власти получили приказ разместить казаков Ермака в государевых крепостях Чердыни и Соли Камской и использовать их для обороны края. Второй миф родился в стенах Посольского приказа, и суть его заключалась в том, что покорение Сибири осуществили государевы служилые люди по прямому указу царя. Опальная грамота опровергает эту официальную ложь. Иван IV велел Строгановым под страхом «большой

опалы» вернуть Ермака из похода в Сибирь и использовать его для «оберегания пермских мест»[250]. Россия не закончила войны со Швецией. На юге ее границы постоянно нарушали крымцы и ногайцы. В Нижнем Поволжье подняли восстание малые народы. В таком положении царь не желал приобретать лишнего противника в лице Сибирского ханства. Его указ, однако, прибыл в строгановские вотчины с большим запозданием и не мог оказать никакого влияния на судьбу сибирской экспедиции.

Глава III

ТРИ ГОДА В СИБИРИ

ВЗЯТИЕ СТОЛИЦЫ СИБИРСКОГО ХАНСТВА

Из всех авторов самые подробные сведения о переходе Ермака из Чусовских городков в Кашлык приводит в своей «Истории Сибирской» С. Ремезов. Он сообщает о численности казачьего отряда последовательно, на всех отрезках пути, называет точные календарные даты прибытия его в разные пункты, описывает «зимовья» казаков.

Один из новейших исследователей сибирской экспедиции В. И. Сергеев предпринял недавно попытку полностью пересмотреть всю историю похода Ермака, опираясь на данные С. Ремезова и Строгановской летописи.

По мнению В. И. Сергеева, события развивались следующим образом. Еще в 1577 г. Строгановы впервые призвали Ермака с Волги. 1 сентября 1578 г. атаман с дружиной отправился на Сылву и там зазимовал. В 1579 г. казаки вышли на Урал и основали зимовье на Тагильском перевале. В 1580 г. казаки достигли Туры, убили там «царя Чингыза» и провели зиму в его городе Чинги-Туре. В 1581 г. отряд подошел к устью Тобола, но не решился штурмовать татарскую столицу и предпринял попытку вернуться на Русь через Тавду. Затем казаки изменили свой план и повернули в низовья Тобола, где провели в полной бездеятельности еще один год. В течение своего трехлетнего перехода казаки шли по сибирским

рекам «неспешно», «с искусом». Они выдержали несколько трехдневных сражений с татарами и одно пятидневное, во время которого их кони «бродили по чрево в крови»[1].

Предложенная В. И. Сергеевым хронология опирается на поздние, наименее достоверные источники. Эта хронология не выдерживает критической проверки.

Предания, собранные С. Ремезовым в конце XVII — начале XVIII в., были в значительной мере легендарными. Начало сибирского похода С. Ремезов описал следующим образом. Ермак и казаки вышли из чусовских городков и пошли вверх по Чусовой к уральским перевалам. Но почти сразу же они ошиблись («обмишенились»), «не попали по Чусовой в Сибирь», свернули не на Серебрянку, а раньше — на Сылву. С опозданием обнаружив свою ошибку, казаки зазимовали на Сылве[2].

Если верить С. Ремезову, Ермак заблудился на Сылве — в пределах строгановской вотчины. Согласно писцовым книгам 1579 г., эта местность принадлежала Максиму Строганову. По берегам реки располагались его деревни и мельница[3]. Как могли казаки проплыть мимо и не заметить их, остается загадкой. Тем более, что Максим Строганов дал Ермаку проводников. Как же могли они заплутать на Сылве?

Легенда о зимовке Ермака на Сылве возникла в Кунгуре в конце XVII в. Ее сочинили местные церковники, чтобы обосновать легенду о постройке Ермаком в окрестностях Кунгура часовни, сохранившейся до их времени. Вовсе фантастическими выглядят сведения «Истории» о том, что на Туре Ермак убил... Чингисхана и зазимовал в его граде Чинги-Туре. Старая столица ханства Чинги-Тура была заброшена после того, как сибирские ханы перенесли свою ставку на Иртыш.

Сведения С. Ремезова о длительных остановках Ермака побуждали к поискам местонахождения его стоянок. В своей «Истории Сибири» Г. Ф. Миллер отметил,

что казаки разбили первый зимний лагерь на Серебрянке, «укрепив его по своему обыкновению стоячим тыном, остатки которого еще до сих пор можно там видеть». Одно «Ермаково городище», пояснил Г. Ф. Миллер, находилось на северо-восточном берегу Серебрянки, при устье рч. Кокуй, другое располагалось на р. Тагил, в трех верстах ниже Барานчи. Там казаки пробыли несколько недель и также возвели укрепления[4].

Поиски стоянок первой сибирской экспедиции продолжили в наше время археологи О. Н. Бадер, А. И. Рассадович, Ю. Б. Сериков[5]. Проведя раскопки близ Медведь-камня на Тагиле, О. Н. Бадер обнаружил городище с мощным культурным слоем, с остатками вала, первоначальная высота которого составляла 1,60—1,80 м. Керамика, найденная на городище относится к XVII—XIX вв. О. Н. Бадер осторожно заметил, что вопрос о происхождении городища нельзя считать вполне ясным. Но это не помешало ему предположить возможность принадлежности городища дружине Ермака. Одновременно О. Н. Бадер высказал мысль о том, что русские, вероятно, использовали его как опорный пункт на пути в Сибирь в более позднее время — в конце XVI—XVII вв.[6]

А. И. Рассадович обследовала следы городища на Серебрянке близ устья Кокуя и нашла, что по устройству укреплений оно аналогично Ермакову городищу на Тагиле: окружено с трех сторон валом и рвом, общая площадь его 1296 м². По поводу найденного тут наконечника копья А. И. Рассадович заметила, что копья такого типа и такой технологии встречались у местных манси и хантов с X в., но они известны также у русского и прибалтийского населения в XIII—XVII вв., такое оружие бытовало и в отряде Ермака, о чем свидетельствовали миниатюры Кунгурской летописи (миниатюры составлены в XVIII в.— *Р. С.*). Исходя из всех этих данных, А. И. Рассадович сделала предварительный вывод о том, что Кокуй-

городок можно считать местом первой зимовки Ермака[7]. Такое предположение вызвало сомнения. Ю. Б. Сериков провел повторное обследование местности и отметил, что найденные на Кокуе предметы имеют более позднее происхождение и не могут быть непосредственно связаны с первой сибирской экспедицией[8].

Археологические поиски дают наибольший успех, когда они тесно увязаны с показаниями письменных источников. Среди этих последних наибольшую ценность представляют царские грамоты 1582—1584 гг., сохранившиеся в подлинниках. В грамоте 1582 г. значится, что Ермак выступил в поход 1 сентября 1582 г. Из грамоты от 7 января 1584 г. следует, что гонцы Ермака привезли в Москву весть о занятии Кашлыка никак не позднее лета — осени 1583 г.[9]

Две указанные даты определяют хронологию сибирской экспедиции. Они обладают наиболее высокой степенью надежности, поскольку опираются на самые ранние и достоверные источники. В целом с этими датами хорошо согласуется дата вступления казаков в Кашлык — «на память Дмитрия Селунского», 26 октября. Надо помнить однако, что последняя дата основана на воспоминаниях ветеранов похода, записанных более чем через 40 лет после экспедиции, и поэтому точность даты относительна. Во-первых, казаков могла подвести память. Во-вторых, день Дмитрия Селунского не принадлежал к числу самых почитаемых (а значит — и самых памятных) церковных праздников на Руси. Воспоминания казаков свидетельствали во всяком случае о том, что столица Кучума была взята в конце осени, т. е. до ледостава и наступления зимы.

Установленные даты связаны между собой подобно звеньям одной цепи. Ермак выступил в поход 1 сентября 1582 г., до зимы занял Кашлык, весною 1583 г. выслал гонцов в Москву. Иначе говоря, вольным казакам понадобилось два-три месяца, чтобы разгромить Сибирское

«царство». Рассказы поздних летописей о трехлетних боях, выдержанных Ермаком на пути к Кашлыку, надо отбросить как недостоверные. На самом деле экспедиция Ермака была типичным казачьим набегом, стремительным и неодолимым. Отсюда следует, что археологи не имеют серьезных оснований для новых поисков «зимований» Ермака на пути от Чусовой до Тобола.

Неизбежно возникает вопрос: мог ли Ермак преодолеть расстояние от Чусовских городков до Кашлыка примерно за два неполных месяца или во всяком случае — до наступления зимы? Рассмотрим факты, имеющие существенное значение для ответа на этот вопрос. Маршрут Ермака всего точнее описан в Погодинской летописи, сохранившей фрагменты подлинных документов экспедиции. Согласно дорожной росписи, представленной казачьими гонцами в Посольский приказ, отряд Ермака прошел с Волги на Каму «и Камою рекою вверх же, а из Камы реки поворотил направо в Чюсовою (шел.— *Р. С.*) вверх же; а из Чюсовой реки в Серебреную реку, а Серебреная река пришла от Сибирской страны в Чюсовую реку с правой стороны, и Серебреною рекою вверх же; а с Серебреной реки шел до реки Борончюка волоком и суды на себе волочили, а рекою Борончюком вниз в реку Тагил, а Тагилом рекою на низ же в Туру реку ...погребли на низ же Турою рекою в Тобол...»[10]

Итак, подавляющую часть пути — примерно 1200 км из 1500 — флотилия Ермака прошла вниз по течению сибирских рек. Против течения судам пришлось идти лишь в Приуралье: 202 км от Чусовских городков вверх по Чусовой до устья Серебрянки и более 90 км вверх по Серебрянке. За перевалом от Баранчука и до Иртыша казаки прошли еще 1240 км. Несложный расчет показывает, что в предгорьях Урала отряду Ермака достаточно было продвигаться вперед по 15—16 км в день, на сибирских реках — по 35—40. Такая скорость была доступна для подвижных казацких стругов: казаки были превос-

ходными гребцами. На таких крупных реках, как Тура и Тобол, они могли использовать также и паруса. При указанной выше скорости Ермаку было вполне достаточно 56 дней, чтобы достичь Иртыша. Продвижение отряда могли задержать столкновения с аборигенами. Но, как будет показано ниже, сопротивление со стороны редкого местного населения практически отсутствовало.

Маршруты Ермака не были забыты последующими поколениями. Видимые следы его экспедиции остались на Уральских перевалах. Уже С. Ремезов при составлении «Чертежной книги Сибири» в 1699—1701 гг. пометил на карте Урала подле наименования р. Серебряной: «Лежат суды Ермаковы»[11]. Эти сведения находят полную аналогию в кунгурских «сказах», которые сообщают, что «тяжелые суды (ермаковцы.— *Р. С.*) покинуша на Серебрянке»[12]. В последнем своем атласе — «Служебной чертежной книге» С. Ремезов и его сыновья отметили на карте Среднего Урала «волок Ермаков» и пунктиром обозначили путь экспедиции по Серебрянке, по одному из ее притоков, названному ими «Чуй», и далее за волоком по рекам Журавль, Баранча и Тагил[13]. Тот же самый путь обозначен и в исторических песнях о Ермаке:

Где Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебрянной реке.

. . . .

По Серебрянной пошли, до Журавля дошли.
Оставили оне тут лодки-коломенки,
На той Баранческой переволоке[14]

Поздняя Строгановская летопись утверждала, будто казаки, покинув земляной городок Кокуй на Серебрянке, перешли «25 поприщ за реку, рекомую Жаравли» и попали на Туру реку[15]. Летописец, как видно, плохо представлял географию Зауралья. С Журавля казаки никак не могли попасть на Туру, ибо Журавль впадает в Баранчу, Баранча в Тагил, а Тагил в Туру.

Западные отроги Уральских гор весьма протяженны и занимают междуречье Чусовой и Камы. В предгорьях реки отличаются стремительным течением. В верхней части Чусовой течение особенно мощное. Посреди быстрины во многих местах выступают огромные скалы. Вместе с многочисленными подводными камнями и мелями эти скалы таили большую опасность для казачьих стругов. Чем дальше поднимались казаки вверх по Чусовой, тем труднее приходилось гребцам. По временам суда тащили бичевой. Но многие казаки раньше бурлачили на Волге, так что дело это было им не в новинку.

С Чусовой Ермак повернул на Серебрянку. Свое название эта река получила за чистую прозрачную воду, отливавшую серебром. Берега Серебрянки порой сужались до 10—12 м, течение оставалось столь же стремительным, как и на Чусовой. Плавание против течения требовало огромных затрат физических сил. Казачья флотилия ползла вперед с черепашьей скоростью. Однако путь от Чусовских городков до устья Серебрянки не был длинным, а Серебрянка казалась и вовсе небольшой речкой.

В предгорьях Урала реки имеют берега высокие, скалистые и обрывистые, и в пору дождей они не затопляли округу, но уровень воды в них поднимался на 2 м и более.

Благодаря «большой воде» казаки получили возможность по Серебрянке и ее притокам подвести свои тяжелогруженные струги к самым перевалам. (Тагильские перевалы находились в том районе Уральского хребта, который подвергся сильному разрушению. К северу от перевалов стоит гора Благодатная.)

Ермаку предстояло решить весьма трудную задачу — переправить за Камень целую флотилию, насчитывавшую несколько десятков судов. Вольным казакам не раз приходилось преодолевать многокилометровые волоки, перебираясь с Волги на Дон и обратно. Обычно они це-

ретаскивали струги на катках. На Урале аолоков не было.

Чтобы добраться до перевала, ермаковцы рубили просеку в чащах и буреломе. У них не было возможности выравнять каменистый путь и волочить суда на земле, используя катки. Пришлось тащить грузы и суда на руках.

Черкас Александров показал, что казачий отряд «с Серебреной реки шел до реки до Борончюка волоком, и суды на себе волочили»[10]. В «сказах» из Кунгурской летописи можно найти аналогичные сведения. Казакам, значилось в них, пришлось оставить на Серебрянке тяжелые суда, а «легкие струги таскали на Тагил реку» через тагильские волоки[17].

Вольным казакам в XVI—XVII вв. известны были различные способы транспортировки стругов по суше. Турецкий автор Эвлия Челеби писал, что в 40-х гг. XVII в. казаки, «случалось, перетаскивали па своих спинах, словно носильщики с лямками, триста чаек по суше, по землям казаков и по землям валахов, потом выходили в Черное море, грабили и опустошали его побережье»[18]. Следует заметить, что казачья чайки XVII в. были значительно крупнее волжских стругов XVI в. По мнению Г. Боплана, запорожские челны достигали 20 м в длину, 3—4 м в ширину и 4 м в высоту. На чайке было до 10—15 пар весел[19]. Такие суда поднимали до 50—70 казаков. Под командой Ермака были и тяжелые суда, но преобладали легкие струги, поднимавшие до 20 чел. Малые струги казаки Ермака смогли перетащить через горные перевалы.

Тагильские перевалы, па которых побывал казачий отряд, отличались от обычных горных перевалов. Как и в некоторых других местах Среднего Урала, тут встречались большие седловины, основательно заболоченные даже в летнюю пору. Наличие седловин помогло транспортировке стругов.

После небольшого отдыха отряд приступил к спуску по восточному склону Уральских гор, требовавшему меньшего напряжения сил. Главные трудности остались позади. Близ перевалов брали начало ручьи, впадавшие в Баранчук.

Казакам пришлось бросить несколько тяжелых судов в горах. Для дальнейшей транспортировки грузов они наскоро срубили плоты и смастерили челны. Когда же флотилия вышла на «большую воду», достигнув Тагила, казаки сделали «плотбище» у подножия Медведь-камня близ Магнитной горы и, по преданию, выстроили там несколько стругов.

Отряд сумел добраться до Кашлыка в течение примерно двух месяцев потому, что подавляющая часть их пути приходилась на зауральские реки. В Сибири им уже не приходилось, выбиваясь из сил, идти против течения.

Восточные отроги Уральских гор, в отличие от западных, имеют малую протяженность. Тем не менее на Тагиле течение достаточно сильное. Проплыв по нему, флотилия попала на более медленную Туру, по которой предстояло плыть наибольшее расстояние — несколько сот верст.

С Туры экспедиция попала на Тобол. По Тоболу Ермак прошел более сотни верст. Налегая на весла, используя паруса при попутном ветре, флотилия быстро преодолела и это расстояние.

Продвижение казаков неизбежно замедлилось бы, если бы им пришлось преодолевать сопротивление местного населения. Самые достоверные источники упоминают, однако, лишь о незначительных стычках между казаками и аборигенами. С. Ремезов включил в текст «Истории» фрагменты из кунгурских «сказов». Они находятся в разительном противоречии с многословными описаниями кровавых боев, якобы выигранных Ермаком на пути к

Кашлыку. Оказавшись за уральскими перевалами, казаки (как повествует С. Ремезов) убедились, что «Сибирская страна богата и всем изобильна и живущие люди в ней невоисты» (невоинственны)[20]. Плывя по «лешим» местам с совсем редким и миролюбиво настроенным населением, казаки забыли об осторожности. В результате им пришлось пережить неприятные минуты. На Тоболе, читаем в «Истории» С. Ремезова, «ермаков ертаульный (передовой.— *Р. С.*) струг похитиша бусурманы пред ними (перед прочими судами казачьей флотилии.— *Р. С.*) с версту; казацы же велми грянуша... и ту своих выручили вскоре невредных»[21]. Итак, то ли татары, то ли манси воспользовались беспечностью казаков и захватили струг, шедший в боевом охранении. Но и сами они не проявили должной бдительности, благодаря чему Ермак тут же отбил у них пленных здравыми и невредимыми.

На пути к Кашлыку у казаков не было сражений, происходили лишь мелкие стычки. Посланцы Ермака подали в Посольский приказ «сказку», известную по тексту Погодинской летописи. Они кратко и без прикрас описали свое первое столкновение с татарами на Туре: «...догребли до деревни до Епанчины, [«что ныне словет Туринской острог»,— добавил летописец.— *Р. С.*], и тут у Ермака с татары с кучюмовыми бой был, а языка татарского не изымаша»[22]. Авторы «сказки» избегали трафаретных выражений («брань велия» и пр.), которыми пестрели летописи. Как люди военные, они понимали, что Ермак потерпел в первой стычке неудачу, ибо ему не удалось добыть «языка», столь необходимого в начале похода. Это могло иметь катастрофические последствия для всей экспедиции. Бежавшие из-под Епанчина татары добрались до Кашлыка раньше Ермака и «царю Кучюму (все.— *Р. С.*) то стало ведомо». Иначе говоря, сибирский хан своевременно получил известие о появлении русских и мог хорошо подготовиться к их встрече.

Элемент внезапности, казалось бы, был безвозвратно утрачен. Однако, по «сказке» казаков, им в конце концов помогла беспечность Кучума, который «приходу на себя Ермакова не чаял, а чаял, что он воротитца назад на Чюсовую»[23].

Подозрения насчет беспечности Кучума, конечно же, наивны. С тех пор, как Кучум убил хана Едигера и завладел его троном, прошло много лет, заполненных непрекращавшимися кровавыми войнами. Силой и коварством Кучум смирил непокорных мурз и сломил сопротивление сибирских племен. Человек, возродивший могущество Сибирского ханства, был расчетливым и изощренным политиком. Именно поэтому его не слишком обеспокоили вести о появлении горстки казаков на Туре. Сибирский властитель прекрасно разбирался в русских делах. Он знал, что ногайские князья бесчестят царских послов, а московский государь, несмотря на это, шлет татарам богатые поминки, чтобы избежать войны с ними.

Как ни парадоксально, появление пермских ратных людей в Зауралье отвечало военным планам Кучума. Нападение пелымцев на вотчины Строгановых годом ранее воочию убедило сибирских татар в том, что русские, занятые тяжелой борьбой с поляками и шведами, вывели из приуральских крепостей почти все гарнизоны. Прибытие пермских ратников на Тагил и Туру позволяло думать, что в пермских городках вовсе не осталось сил, и, следовательно, захватить их не представляло труда.

В первых числах сентября, доносил царю главный пермский воевода, пелымской князь «с сибирскими людьми и с вогуличи приходил войною на наши пермские места и к городу Чердыни приступал»[24]. По словам Строгановской летописи, пелымский князь привел с собой «буйственных и храбрых и сильных мурз и уланов Сибирская ж земли со множеством вои»[25]. Ни воевода, ни летописец не знали того, что стало известно Посольскому приказу после прибытия в Москву атамана Александро-

ва. Будучи в Кашлыке, казаки Ермака узнали, что для нападения на Пермский край «царь Кучюм послал сына своего Алея с ратью»[26]. Алей был старшим сыном престарелого Кучума и наследником его «царства». Как видно, хан послал с ним свои лучшие отряды.

Итак, Кучум не мог собрать для обороны столицы все свои войска, они ушли за Урал. Хан ждал вестей о взятии пермских городов. Как только чердынский воевода подвергнется нападению, русские должны будут немедленно отозвать своих ратников из сибирских пределов. Именно на это и рассчитывал Кучум. Его прогнозы начали оправдываться. Царь Иван послал вслед Ермаку строгий наказ немедленно вернуться и принять участие в обороне Пермского края.

В расчеты Кучума закралась лишь одна ошибка. Он не знал того, что вольные волжские казаки двинулись в Сибирь по собственному почину. Грозный царский приказ их попросту не догнал.

Чем ближе подходили казаки к столице Сибирского ханства, тем больше поселений попадалось на пути. В нижнем течении Тобола им пришлось идти сквозь татарские улусы и удалось наконец захватить «языка». По сведениям ранней Тобольской летописи, неподалеку от Тавды к Ермаку привели татарина Таузака из «царева Кучюмова двора». В ходе допроса пленника казаки получили столь необходимые им сведения о собранных Кучумом силах[27]. Сведения были, по-видимому, малоутешительными.

Близ устья Тобола отряд вступил в улус Карачи. В руки казаков попали большие запасы меда, собранного на нужды ханского дворца. Казаки поспешили перенести мед в свои струги[28]. В «Кратком описании о земле Сибирской» можно прочесть, что до вступления в Кашлык казаки вели бои с татарами «по многи дни»[29]. Ранняя Тобольская летопись утверждала, будто Кучум выслал навстречу Ермаку царевича Маметкула и тот пытался остановить казаков в урочище Бабасан, но был

обращен в бегство[30]. При вступлении отряда в Карачин улус произошла новая «брань», после чего казаки обратили в «невозвратимое бегство» конных и пеших татар, поджидавших их на берегу Иртыша[31]. Хотя тобольский книжник употреблял такие выражения, как «брань велия» и прочие, описанные им военные столкновения имели, скорее всего, характер небольших стычек.

В стычке на берегу Иртыша Кучум и Маметкул не участвовали. Они медлили с вводом в бой главных сил и лишь наблюдали «за падением своих» с высокой горы на Чувашском мысу. Со своей стороны и Ермак не сразу решился атаковать хана ввиду многочисленности его войска. Казачья флотилия проследовала вверх по течению Иртыша и бросила якорь против урочища Атик-мурзы, которое стало местом ночлега русских.

Казаки живо помнили чувство неуверенности, какое испытали при виде татарской рати. Накануне решающей битвы собрался казачий «круг». Дело происходило в урочище Атик-мурзы ночью. Некоторые из казаков, поддавшись панике, «восхотеша тоя нощи бежати»[32]. Отступление неизбежно привело бы к гибели всего отряда. Но Ермак не для того преодолел все преграды, чтобы отступить, будучи у самой цели.

Неуверенность казаков объяснялась, очевидно, тем, что вплоть до битвы на Чувашевом мысу у них не было еще серьезных столкновений с противником.

Сибирские источники дают различные даты боя, развернувшегося в окрестностях ханской столицы. По Синодику ранней редакции, сражение произошло 26 октября. Составитель второй редакции Синодика исправил дату на 23 октября и вычеркнул из текста указание на «первой бой». Составитель ранней Тобольской летописи принял эту дату и попытался объяснить, почему казаки выиграли бой 23 октября, а в покинутую столицу татар вступили лишь 26 октября. В бою, записал летописец, казаки «утрудишася» и потому «обночевашись», отсту-

пив от Чувашева[33]. Летописец так и не смог объяснить, где провели они еще две ночи. Со временем эта версия обросла новыми подробностями. На рубеже XVII—XVIII вв. С. Ремезов красочно описал, как под Чувашевым казаки «билися 3 дня без опочиву неотступно», затем по неизвестным причинам отошли за реку, переночевали там, а утром вошли в Кашлык[34]. Приведенные подробности не выдерживают критики.

Ранняя редакция Синодика передала воспоминания очевидцев в наиболее точном виде. Ветераны Ермака со всей определенностью указывали на то, что «первый бой» с татарами произошел у самых стен Кашлыка на Чувашевом мысу 26 октября и в тот же день они вступили в покинутую врагом столицу.

Кучум надеялся остановить русских на подступах к Кашлыку. С этой целью он приказал устроить засеку на Чувашевом мысу. За стволами поваленных деревьев татары надеялись надежно укрыться от казачьих пуль.

Неверно было бы думать, будто татары не знали огнестрельного оружия, и гром казачьих пищалей поверг их в ужас. За несколько лет до похода Ермака Кучум обратился в Крым с просьбой прислать ему артиллерию для войны с московским царем[35]. От Крыма до Сибири далеко, Казань ближе. По преданию, пушки были привезены в Кашлык из Казанского ханства (до занятия его русскими). Источники различного происхождения сообщают о том, что одну или две пушки татары установили на горе у Чувашева мыса[36]. Однако в ходе сражения эти пушки не произвели ни одного выстрела. Казаки наивно полагали, что им удалось «заговорить» вражеские орудия. В конце концов татары будто бы столкнули орудийные стволы с кручи навстречу карабкавшимся наверх казакам, и пушки упали в воду.

Многолетние войны с татарами и турками закалили казаков и научили использовать в полной мере преимущества их вооружения. Когда казачьи струги сближа-

лись на море с вражескими судами на расстояние выстрела, казаки бросали весла и беспрестанно палили с одного борта, в то время как их товарищи подле другого борта перезаряжали пищали. Залпы следовали один за другим[37]. На реках казаки сражались так же, как и на море. И тут они старались поразить врагов меткой пальбой и лишь затем брались за сабли и довершали разгром врага на суше.

Кучум поручил оборонять засеку царевичу Маметкулу, а сам со свитой расположился поодаль на горе. Если верить Строгановской летописи, Маметкул велел своим воинам сделать проходы в засеке и атаковать русских[38]. Казаки встретили татар убийственным огнем. Раненый Маметкул едва избежал плена. Слуги успели увезти его на лодке на другую сторону Иртыша.

В войске Кучума поднялась паника. Хантские князьки, по преданию, покинули позиции после первых же залпов. Вскоре их примеру последовали мансийские и татарские воины.

Кучум наблюдал за боем с горы. Едва русские начали одолевать, он обратился в бегство, бросив свою столицу на произвол судьбы[39].

Неприятельские воины, вооруженные луками, саблями и копьями, нанесли казакам небольшой урон. По всей видимости, у них даже не было убитых. Тобольские ветераны ничего не могли сказать о своих потерях под Кашлыком, и им пришлось дважды указать на есаула Брязгу и его товарищей. Однако Брязга, Окул, Иван и Карчига, записанные в Синодик два раза, погибли, по-видимому, не в бою у засеки, а на рыбной ловле. Собиратель казачьих «сказов» С. Ремезов, упомянув о погибших рыболовах, заметил: «Се первое убиение казаком в Сибири»[40]. Приведенное замечание находится в разительном противоречии с описаниями кровавых битв, которыми заполнен весь текст «Истории» Ремезова. Недостоверность этих описаний выяснена выше.

Казаки одержали легкую победу над многочисленным неприятелем потому, что лучшие, наиболее боеспособные силы Сибирского ханства и входившего в его состав Пелымского княжества участвовали во вторжении на Русь и еще не вернулись в Кашлык из похода. Что же касается мансийских и хантских воинов, то они сражались без всякой охоты.

В Кашлыке казаки нашли богатую добычу, и прежде всего множество мехов, собранных в ханскую казну за много лет: драгоценные собольи меха, чернобурые лисицы, шкурки куниц и белок. Следуя законам вольных казаков, Ермак велел разделить добычу поровну между всеми [41].

Местные племена, покоренные татарами и платившие им дань, отнеслись к казакам весьма миролюбиво. Уже на четвертый день после бегства Кучума князек Бояр привез Ермаку в Кашлык рыбу и прочие припасы [42]. Одновременно татарские семьи стали возвращаться в свои покинутые жилища в окрестностях Кашлыка.

Ермак одержал победу, но торжествовать было преждевременно. Лихой набег удался. Однако осень была на исходе, и казачья флотилия не могла пуститься в обратный путь. В ноябре грянули морозы. Реки — единственные пути сообщения — подернулись льдом. Пришлось вытащить струги на берег. Началось первое трудное зимовье.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ К РОССИИ

Источники, повествующие о пребывании казаков в Сибири, скудны и противоречивы. Использовать их можно лишь после тщательной и всесторонней проверки. Тобольские ветераны, чьи воспоминания легли в основу Синодика ермаковым казакам, упомянули о двух эпизодах, имевших место вскоре после их вступления в

Кашлык. «Тое же зимы», значится в Синодике, у казаков был бой с татарами под Абалаком «декабря в 5 день»; «тое же зимы» татары избили казаков, направлявшихся на рыбалку под Абалак «декабря в 5 день»[43].

В ранней Тобольской летописи, также опиравшейся на показания ермаковцев, эти два эпизода изложены в иной последовательности.

Первое зимовье в Сибири было особенно трудным. Чтобы иметь пропитание, русские пытались наладить рыбный промысел. 5 декабря «дружина Ермака», как повествует летопись, отправилась на оз. Абалак. Царевич Маметкул «со многими людьми» подстерег рыболовов, напал на их станы и истребил всех до единого. Узнав об этом, Ермак бросился в погоню за Маметкулом и в упорном бою разгромил его войско[44].

Летописец не упомянул о том, что артель рыболовов возглавлял Богдан Брязга, однако в архиепископском Синодике ранней редакции это имя было названо. Погодинский летописец воспроизвел Есиповскую летопись, сделав исключительно важное дополнение к ее тексту. Он записал, что избитую на Абалаке казачью станицу возглавлял «есаул казачей имянем Брюзга»[45].

В Синодике Брязга фигурировал без обозначения чина. В летописи С. Есипова все имена были опущены. Погодинский летописец не имел под руками раннего Синодика, а следовательно, сведения об имени и чине погибшего казака он почерпнул из «архива» Ермака. В архивных документах он нашел и своеобразную транскрипцию имени Брязги — «Брюзга».

В воспоминаниях тобольских казаков вырисовывается весьма сбивчивая хронология. Возникает вопрос, в самом ли деле бой с Маметкулом на Абалаке имел место в дни первой зимовки казаков в Сибири? По данным Кунгурской летописи, Брязга благополучно пережил зиму и весною — летом возглавил поход казаков на Обь.

Документы из «архива» Ермака обнаруживают недо-

стоверность последней версии. Не позднее лета 1583 г. Ермак отправил на Русь гонцов с письмом, в котором сообщал о разгроме сначала Кучума с детьми, а затем Маметкула: «...сибирского царя Кучюма и с его детми... и с его вои победиша и брата царя Кучюмова царевича Маметкула розбиша же...»[46]. Приведенные строки следует рассматривать как прямое указание на битву при Абалаке. Эти данные повышают достоверность показаний тобольских ветеранов о битве 5 декабря 1582.

Тобольский летописец С. Есипов подчеркивал, что под Абалаком имела место не мелкая стычка, а «брань велия на мног час»[47]. Строгановский летописец также описывал это столкновение как крупную битву, прекратившуюся лишь с наступлением ночи[48].

О масштабах сражения говорят потери, понесенные отрядом Ермака. В Синодике можно прочесть следующую запись: «Тое же зимы бысть бой с нечестивыми под Обалаком декабря в 5 день, и на том деле убиенным Сергею, Ивану, Андрею, Тимофею и с их дружиною вечная память средняя»[49]. Помимо названных лиц на Абалаке погибли Богдан Брязга, Окул, Иван и Карчига. Тобольские казаки припомнили имена примерно десятой части товарищей, погибших в сибирском походе. Всего они назвали 37 чел., 8 из которых были жертвами столкновений на Абалаке.

Ряд подробностей битвы сообщают документы Посольского приказа, составленные после прибытия в Москву Черкаса Александрова. Под ударами казаков, читаем в наказе посольских дьяков 1585 г., «сибирский царь Кучум убежал в поле», после чего «племянник Кучумов Маметкул-царевич, собрався с людми, приходил в Сибирь на государевы люди, и государевы люди тех всех людей, которые были с ним — болше десяти тысяч — побили...»[50]

Сведения о наличии у Маметкула 10 тыс. воинов следует признать преувеличенными. Но сомневаться в том,

что на стороне татар был огромный численный перевес, не приходится. Следует иметь в виду, что ко времени битвы на Абалаке в Сибирь вернулись войска, ранее направленные Кучумом в Пермский край.

В то время, как Ермак стремительно продвигался из Чусовских городков к Кашлыку, царевич Алей с многочисленными отрядами ушел к Чердыни и завязал там бои с воеводой В. Пелепелицыным. В итоге Алей вернулся на Иртыш на несколько недель позже, чем туда прибыли казаки. Отряд Алея понес потери. Воины были утомлены длительным походом, и Кучум, возможно, дал им отдохнуть, прежде чем послал в составе войска Маметкула против Ермака.

В случае успеха Маметкул рассчитывал полностью изгнать русских из ханской столицы. Уничтожение станицы Брязги на Абалаке должно было послужить прелюдией для последующего наступления на Кашлык.

Кашлык располагался всего в 15 верстах от Абалака. Городище имело сильные естественные укрепления. Оно располагалось на высоком обрыве у самого Иртыша. Его окружали земляные валы. Но Ермак понимал, что победу ему может принести только наступление.

Судя по потерям в казачьем отряде, сражение на Абалаке носило исключительно упорный характер. В условиях суровой зимы казаки лишены были возможности использовать свои подвижные струги для маневров. Тем не менее они победили большую татарскую рать. События на Абалаке мало походили на то, что произошло на Чувашевом мысу. На этот раз ни о пленении Маметкула, ни о панике в его войске не было и речи. Бой был кровопролитным. Казакам надо было победить либо умереть. И они выстояли.

Победа горстки пеших казаков над объединенными силами Сибирского ханства объясняется как чисто военными, так и моральным факторами. В первом столкновении с воинами Алея на Чусовой, а затем в бою на Чува-

шевом мысу Ермак нанес противнику столь мощный удар, что татары долго не могли оправиться от него психологически. Не занятие Кашлыка, а победа под Абалаком определила успех экспедиции Ермака.

Овладение «царствующим градом» Сибирского ханства и разгром войска Маметкула поставили казаков лицом к лицу с проблемой организации управления краем. Ничто не мешало Ермаку учредить в Сибири порядок, отвечавший вековечной мечте народа о воле. Вместо этого казаки стали править именем царя, привели к присяге на государево имя и обложили местное население государевым налогом — ясаком. Как объяснить столь неожиданный поворот событий?

Ермак и его атаманы имели большой военный опыт и понимали, что им не удержать Сибирь без прямой поддержки со стороны вооруженных сил Русского государства. Приняв решение о присоединении Сибири, они немедленно запросили Москву о помощи, что определило все их последующие шаги.

Неправильно было бы думать, будто Ермак руководствовался только военными соображениями. Он и его помощники многие годы несли службу в государевых полках. Возвращение на царскую службу казалось им лучшим выходом из создавшегося положения. Но помимо ермаковцев в экспедиции участвовали также «воровские» казаки, поставленные царским указом вне закона. Для них обращение к Ивану IV сопряжено было с определенными коллизиями. Дух социального протеста издавна жил в среде вольного, и особенно «воровского» (по терминологии царской администрации), казачества. Однако сознание угнетенных и обездоленных людей имело свои особенности. Они склонны были винить в своих бедах лихих бояр и приказных, притеснявших их, но не православного батюшку-царя, стоявшего на недоступной высоте. Наивные царистские иллюзии не покидали народ ни в пору успехов, ни в пору бедствий, обрушившихся на страну в конце Ливонской войны.

Иван IV пролил немало крови подданных. Он навлек на свою голову проклятия знати. Но ни казни, ни поражения не могли уничтожить его популярность, приобретенную в годы «казанского взятия» и реформ. В фольклоре Иван IV остался Грозным, но справедливым государем. Причиной такой оценки было, возможно, то, что он был последним царем, при котором народные массы — феодально-зависимые крестьяне — не утратили права выхода в Юрьев день и не превратились в крепостных. Популярности Грозного способствовало и то, что он, казня бояр, имел обыкновение всенародно объявлять их вину и обращаться к толпе за одобрением. По временам царь публично наказывал и приказных, уличенных во взятках и мошенничестве.

Решение ермаковцев обратиться в Москву свидетельствовало о личной популярности Ивана IV как среди служилых, так в известной мере и среди «воровских» казаков. Некоторые из объявленных вне закона атаманов рассчитывали «сибирской войной» покрыть свою прошлую вину.

Кучум после поражения откочевал на юг. Северные пределы его «царства» остались без защиты. Туда и устремились казаки, с тем чтобы обложить население ясаком и привести его к шерти. Этот эпизод получил отражение в следующей записи Синодика: «...воеваше по Иртишу и по великой Оби их нечестивые улусы и городки, татарские и остяцкия, до Назима воеваше, и Назим городок остяцкой взяша со князком их и со многими их остяками попленища и в плен поимаша. И на тех делех в хождении ермаковым товарищем... Тимофею, Ивану, Анапе, Анцыфору, Ивану, Григорию, Андрею, Алексею, Никону, Михаилу, Титу ин, Феодору, Ивану, Артемия, Логину и прочей дружине их...»[51]

Тобольские ветераны смогли припомнить, как уже сказано, 37 погибших ермаковцев. Из них 15 будто бы погибли во время назымского похода. Это трудно объяс-

нить. На Нижнем Иртыше и на Оби обитало сравнительно редкое население, и там не было большой татарской армии, а, следовательно, поход на Обь не мог сопровождаться большими потерями. Об этом свидетельствуют, прямо или косвенно, другие источники — Есиповская летопись и кунгурские «сказы». С. Есипов, имевший возможность беседовать с ермаковцами, записал в своей летописи, что казаки бесстрашно ходили по Сибирской земле, «воевали» многие городки и улусы по Иртышу и Оби, взяли Назымской городок «со князем их и со всем богатством, возврати же ся во град Сибирь с радостию великою и корыстию»[52]. Автор кунгурских «сказов» отметил: «А кои бои и были по дороге на низ пловучи, и тех всех описать трудно подробну: вои убитых нет, а раненых кажной (бой.— *Р. С.*) многащи»[53].

Противоречие источников объясняется, по-видимому, тем, что дьяки Киприана подвергли воспоминания тобольских казаков определенной обработке, прежде чем включили их в текст Синодика. Ради удобств поминания они разбили текст по «летам» на несколько рубрик. В первую рубрику записали тех, кто был убит под Кашлыком и на Абалаке, в две последние — тех, кто погиб вместе с Иваном Кольцом, а затем — с Ермаком. Всех же, кто не попал в указанные рубрики («лета»), они отнесли во второй раздел, основанный на воспоминаниях казаков об их «хождении» по Сибири. Так возник внушительный перечень, включавший потери отряда, начиная с битвы под Абалаком и до смерти Ивана Кольца. Возможно, в этот список попали не только убитые в бою. Рассказ о «хождении» заканчивался словами: «пострадавшим и избиенным и всячески нужно скончавшимся от нечестивых вечная память средняя»[54].

Уже после составления Синодика его текст был пополнен новыми сведениями. К перечню имен казаков, погибших в назымском походе, кто-то сделал приписку: «отоману Никите». Данные о гибели атамана Ники-

ты Пана подтверждены Строгановским летописцем. «...И в том хожении,— записал летописец,— поганин убиша под городки своими на приступе атамана Никиту Пана...»[55]

Атаман не мог погибнуть сразу под несколькими городками. Очевидно, летописец не знал в точности, в каком походе и в какой местности погиб Пан.

Речи тобольских ветеранов, записанные 40 лет спустя после похода, принадлежат к числу сравнительно поздних источников, не говоря уже о кунгурских «сказах» в записи и обработке С. Ремезова. Поэтому взаимная проверка этих источников сопряжена с трудностями. Согласно «сказам», ясашный поход на Обь будто бы возглавлял «пятидесятник» Богдан Брязга. Показания тобольских ветеранов о Богдане Брязге сбивчивы и противоречивы. По их словам, он погиб то ли под Кашлыком, то ли на Абалаке. Если они не ошиблись, и Брязга в самом деле погиб в первые недели экспедиции, то тогда придется признать, что он никак не мог возглавить поход на Обь, имевший место после битвы на Абалаке.

В Синодике записано, что во время своего «хождения» казаки воевали по Иртышу и по Великой Оби «до Назима». Надо иметь в виду, что составители Синодика, используя воспоминания тобольских ветеранов, по-своему интерпретировали их. Указание на взятие «Назима городка остяцкого» они поняли так, что казаки достигли р. Назым, впадавшей в Обь значительно выше устья Иртыша. В некоторых списках летописи слово «Назим» оказалось замененным словом «Казым»[56]. Река Казым также является притоком Оби, но впадает в Обь с севера, на очень большом расстоянии от устья Иртыша и Назыма. Наименование «Казым», очевидно, возникло в результате ошибки переписчика и его следует отвести как вторичное.

Вопрос о Назыме и его местоположении не является таким простым, каким кажется на первый взгляд. Дело

а том, что на Иртыше и Оби было несколько волостей с таким иазваннем. А XVIII в. Г. Ф. Миллер посетил Лебауцкие юрты на Иртыше и записал рассказы хаитов о том, что в древности эти юрты назыаались Нозинг-ях или Назым-ях, а по-татарски — Назым-аул, по имени давиего князька[57]. Еще в 1598 г. а Назыме на Иртыше жил князек Лебаут[58]. Со аременем Назымский городок утратил старое назаание и стал называться по имени этого князька. По данным Н. Спафария, плававшего по Иртышу а 1675 г., Лебаут был самым пераым хантским поселением, которое он повстречал во аремя плааания из Тобольска аниз по Иртышу. Лебаут (Назым) располагался в 103 верстах от Кашлыка[59].

В какой же из Назымских аолостей побывали казаки? За Обью или в окрестностях Кашлыка? Фрагменты «арxнаа» Ермака позаоляют отаетить иа этот вопрос с полной определенностью. Погодинский летописец, переписав рассказ о «хождении» из Есипоаской летописи, пометил, что во время похода на Иртыш и Обь казаки взяли Назымский городок «иа Иртыше реке»[60].

Итак, казаки запомнили Назым ие потому, что это был крайний северный пункт их продвижения на Оби, а потому, что он был самым пераым хантским поселением, которое они астретили на своем пути из Кашлыка на Обь. Судя по ясашным книгам начала XVII в., Назымская аолость на Иртыше имела более многочисленное население, чем другие, располагаашиеся по соседству. Так, а Аремзянской волости числилось всего 17 ясашных людей, в даух Верхне-Демьянских аолостях — 14, в городке Демьяне — 37, тогда как в Назыме — 60[61]. Неудиантельно, что казаки сохранили аоспоминание о пленении назымского князька.

Определенно известно, что казаки привели к шерти некоторые прииртышские племена в первые полгода саоего пребывания в Сибири. Об этом они сообщили царю не позднее лета — осени 1583 г. Известно также, что

они совершили поход на Иртыш и Обь. Кунгурские «сказы» могут служить не более чем иллюстрацией к этим строго установленным историческим фактам.

Вкратце содержание «сказа» о ясашном походе на Обь сводится к следующему. Едва кончилось первое зимовье в Сибири, Ермак послал вниз по Иртышу в Демьянские и Назымские городки 50 казаков во главе с Брязгой. Казаки должны были собрать там ясак «вдоволь розкладом поголовно». На пути отряду пришлось выдержать бой с татарами.

Татарские улусы окружали Кашлык со всех сторон. Татары служили главной опорой ханской власти. Они оказали упорное сопротивление ермаковцам, и те обрушили на их голову грозу. Взяв с боя «крепкий татарский городок» на р. Аремзянке, казачий предводитель учинил расправу над «лучшими» татарскими «мергенями», чтобы навести страх на прочие улусы. Соседняя Надцынская волость была занята без сопротивления, зато в Туртасской волости казакам пришлось «учинить бой». Стычка была недолгой. За р. Туртаской располагалась Назымская волость. Здесь кончались татарские улусы и начинались хантские поселения. В заголовке «сказа» упоминалось о том, что Ермак послал казаков в Демьянские и Назымские городки. Однако в тексте о взятии Назыма и пленении местного князька не говорилось ни слова. Не объясняется ли это тем, что во времена С. Ремезова Назым утратил старое название и пришел в упадок?

Зимним путем по Иртышу конный отряд казаков добрался до устья Демьянки. Там располагался юрт союзника Ермака князька Бояра, который одним из первых стал помогать русским. В XVII в. сыновья и внуки Бояра числились «лучшими» людьми и жили на своих юртах. С. Ремезов пометил на своих картах близ устья Демьянки — «Бояровы юрты». Выше княжества Бояра располагались Верх-Демьянские волости — владения «большого» князька Демьяна (Нимньюана), относившегося к русским враждебно.

Г. Ф. Миллер тщетно искал в устье Демьянки следы старого «неприступного городка», будто бы взятого казаками. По его предположению русские осаждали скорее всего урочище Роман, расположенное на Иртыше в 30 верстах ниже устья Демьянки[62]. Против урочища находилась огромная гора, на вершине которой видны были остатки древних укреплений. Название урочища «Роман» находит аналогию в «сказах». Согласно этому источнику, на помощь «зборному» (т. е. собравшему помощь со всех сторон. — *Р. С.*) княжцу Демаяну прибыл вогульский князек Роман Славный. Ближе всего к Демьянке располагались владения кондинских князьков (Конда впадает в Иртыш ниже устья Демьянки). Большая и Малая Конда входили в состав Пелымского княжества. Примечательно, что Роман уже после взятия городка бежал со всем своим родом вверх по Конде «к Пелыми».

Для обороны от казаков в урочище собралось будто бы до 2 тыс. вогуличей, остяков и татар[63]. Если верно предположение об участии в войне кондинских князьков, то даже и в этом случае следует признать эту цифру весьма преувеличенной. По данным на начало XVII в., в Демьянских волостях, в Малой Конде, Нарыме, Цынъяле и Назыме числилось немногим более 140 взрослых мужчин, плативших ясак. В Большой и Малой Конде вместе взятых в тот же период было до 250 ясашных людей[64].

Позиции, занятые татарами, хантами и манси, были неприступными. Три дня стояли казаки под горой и не могли взять «город их велик и крепок». Некоторые предлагали отступить. Но по здравому размышлению решили биться до конца ввиду того, что «се распутища ходу и голод близок». Наступила самая трудная пора после первого зимовья Ермака в Сибири. С Аремзянки казаки послали в Кашлык запас хлеба и рыбы, но его хватило ненадолго. Надвигался голод. Отряд не мог вернуться в

Кашлык без припасов и ясака. К тому же его передвижения затрудняла наступившая весенняя распутица. Близился ледоход.

Казаки решили в последний раз попытать счастье, и на этот раз штурм удался. «Неприступный городок» пал. Некоторые князьки, в их числе, вероятно, и Демьян, «разбегошася с роды в домы своя». Но «лучший» вогульский князек Роман, видимо, попал в плен к казакам. Именно так можно понять следующий текст «сказа»: «иных князей Романа Славяаго и ту в городке шертовали и есак взяли и весновали...»[65]

Сведения об обложении ясаком владений Романа находят аналогию в предании, записанном в XVIII в. Согласно преданию, Ермак наложил на Конду большую дань, которую местные вогуличи заплатили из казны своего святилища «наследием отец и праотец»[66]. По «сказам», Роман Славный хотя и шертовал Ермаку и заплатил ясак, но позже изменил присяге и бежал в пределы Пелымского княжества[67].

В занятом городище отряд казаков оставался до тех пор, пока Иртыш не очистился ото льда. Ледоход на Иртыше приходится на апрель. В ширину река имеет в тех местах не менее километра, а в пору весеннего половодья заливает берега на 5—15 км. Уровень воды поднимается на несколько метров. Правый берег Иртыша высок и обрывист. Береговая полоса заросла густыми лесами. Казаки нашли тут в изобилии материал для строительства судов. Построив несколько «легких» стругов, они отправились в плавание вниз по Иртышу.

Местные племена знали о появлении чужеземцев, но ждали их много позже. На берегах Рачи, притока Иртыша, они собрались для жертвоприношений. Шаманы обошли все окрестные юрты, собрали многочисленные дары и как раз завершили приготовления к пиршеству. Встреча была неожиданной как для казаков, так и для хантов. Пока казаки разворачивали струги и высаживались, бе-

рег опустел. Ханты попрятались в частый ельник. Подле священной рощи остались только жертвенные животные.

Казаки оставались на Раче целые сутки, рассчитывая, что ханты вернутся на берег, но напрасно. Весть о появлении в святилище чужеземцев распространилась по всей округе. Шаманы призывали богов истребить пришельцев. Старейшины и воины племени решили устроить засаду в теснинах ниже устья Рачи. Там, где Иртыш подходил к обрыву Цыгальской горы, они устроили завал, сбросив в реку несколько высоких деревьев. Когда течение стремительно вынесло казачьи струги из-за поворота и почти вплотную прибило их к обрыву, ханты показались из укрытия и стали «хапать» лодки крюками. Неожиданное нападение вызвало минутное замешательство среди казаков. Но затем они, бросив весла, схватились за пищали и дали залп с обоих бортов. «Крючники» тотчас бросились наутек. За поворотом реки казаки нашли покинутый воинами городок. Женщины и дети в страхе бегали по опустевшему урочищу. Когда наступил вечер, мужчины племени стали собираться в городке «един по единому, оглядываясь». Тут они убедились в том, что казаки «не бьют жен их и детей, точию ласкают».

Предводитель отряда оставил в покое тех, кто участвовал в нападении на струги, не причинив им ни малейшего вреда.

От Нарымского городка, как повествуют «сказы», отряд двинулся вниз по Иртышу, «до Колпуховы волости и сотника их и молбища их шейтанскаго»[44]. Упоминание о «сотнике» в Колпуховской волости позволило С. В. Бахрушину высказать предположение, что на территории Сибирского ханства население делилось на «сотни» и что эта древняя военно-административная организация была введена завоевателями — татарами. Каждая «сотня» состояла из одного, двух или более юртов, а число жителей в «сотне» колебалось в разных местностях от 15 до

60 чел. Сотники, по предположению С. В. Бахрушина, были потомками родовых старейшин и должность их была наследственной. В XVII в. им поручали сбор ясака[69]. Наличие сотника в Колпуховской волости подтверждается картами С. Ремезова, на которых занесено поселение Сотников[70].

Неподалеку от Сотникова находилось мольбище хантов. Казаки бились тут почти три часа, прежде чем преодолели сопротивление жителей. В районе Колпухова городка предводитель отряда собрал ясак «з боем и без боя».

Затем казаки вступили во владения князька Самара. Среди хантских волостей Самарова была одной из самых крупных, во всяком случае она превосходила Назымскую. Ее описание можно встретить в ясашных книгах начала XVII в.: «Волость Белогорская, а в ней лутчей человек Байбалак Самаров с товарищами 72 человека...»[71] Байбалак Самаров был, очевидно, сыном князька Самара.

Князек Самар пользовался большим влиянием в округе, поскольку в его волости располагалось едва ли не самое знаменитое у хантов святилище. Благодаря этому в минуту опасности на помощь ему пришли 8 других хантских князьков. Рядом с поселением Самара располагалось укрепленное городище, служившее убежищем для его семьи в случае войны. По словам Г. Ф. Миллера, урочище находилось на вершине 60—80-метровой горы, почти отвесно спускавшейся к реке[72]. Позиция была неприступной. Но площадка на вершине была весьма невелика: не более 20 м в поперечнике. Г. Ф. Миллер видел там остатки двух хантских жилищ — землянок. Самар, его союзники и воины не могли разместиться в урочище и ночевали в юртах.

Казачья флотилия подошла к хантскому поселению на заре. Через протоку (позже она получила название Казенной) струги подошли вплотную к юртам. Хантские воины беспечно спали на карауле. Разбуженные выстре-

ками, они разбежались. Самар и часть его приближенных погибли в стычке. Казаки провели в городке неделю. Большинство жителей покинули юрты и укрылись в разных местах. Оставшиеся принесли ясак «с поклоном»[73].

В ходе ясашного похода на Обь ермаковцы нашли себе союзников в лице кодских хантов. По территории Кода далеко превосходила волости, располагавшиеся на Нижнем Иртыше. Большое племя, обитавшее на Коде, распадалось на роды. Им соответствовали 12 городков, каждый имел свою тамгу. У трех городков была тамга с изображением птиц, у других — оленя, стрелы и пр.[74]

Когда к казакам явился «большой» кодский князь Алачей, те объявили о передаче ему власти над всей округой: «постави князя болшего Алачея болшим, яко богата суща, и отпусти со своими честно». В качестве союзников России наследники Алачея продолжали владеть Кодой вплоть до середины XVII в. Десять лет спустя после похода Ермака царь Федор пожаловал за верную службу Алачеева сына Игичея и его двоюродного брата двумя волостками со всеми угодьями и ясаком. Князьки собирали здесь ясак и несли военную службу[75]. По описи 1631 г., в пределах Кодского «княжества» жило около 600 чел. мужского пола[76].

На земле хантов казакам открылся неведомый мир, перенесший их в совсем иную историческую эпоху. Здесь люди не обрабатывали землю и кормились почти исключительно рыбной ловлей. Оружием им служил лук и копье. Они были невелики ростом, носили одежду из шкур либо из «рыбьей кожи» с чешуей. Русские, побывавшие на Иртыше в XVII в., так описали жилища хантов: «Живут они в лесах темных над водами. Зимние юрты — деревянные в землях, аки в погребах от великих мразов; а летние юрты имеют в иных местах над водами великими токмо к лужам и пескам великим...»[77] С наступлением весны ханты покидали зимовья и переселялись в «вешние юрты», которые переносили «с места на место, смотря по местам, рыбой изобильным». В Прииp-

тыше население кормилось также лесными промыслами, в особенности охотой. «Обогатило их естество в сих пустынях,— писал Т. С. Паллас,— множеством диких зверей, между коими лоси главнейшее составляют их богатство»[78].

С Иртыша казачья флотилия вышла на Обь. Три дня казаки провели на Белогорье в «пустых» местах, после чего приняли решение о возвращении в Кашлык[79]. Так «сказы» описывают окончание обского ясашного похода. Конечно, степень достоверности приведенного рассказа не следует преувеличивать. Перед нами не исторический отчет, а литературное описание, суммирующее разного рода сведения и предания о походах казаков в пределах Сибири. Путь на Обь должен был заинтересовать Ермака с первых дней его пребывания в Сибири. С низовьев Оби можно было через Печору вернуться на Русь[80].

С наступлением лета 1583 г. из Кашлыка в Москву выехала станица из 25 чел. На одном или двух стругах казаки повезли царю собранный ясак — пушнину. Погодинская летопись, включившая фрагменты из «архива» Ермака, весьма точно обозначила их путь: «...поплыша по Иртышу реке вниз и по великой Оби вниз же и черес Камень прошли Собью же рекою в Пустоозеро; тута ж (шел.— *Р. С.*) казак Черкас Александров»[81].

Черкас Александров привез в Москву донесение Ермака о «сибирском взятии». Текст донесения воспроизведен Погодинским летописцем: «писали Ермак с товарыщи благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии самодержцу, что ... царъство Сибирское вяша и многих живущих ту иноязычных людей под его государеву царскую высокую руку подвели и к шерти их привели, ... татар и остяков и вагулич привели к шерти по их верам на том, что им быть под его царскою высокою рукою до веку, пакамест... стояти, и ясак им государю давати по вся годы, а на руских людей зла никакого не мыслить...»[82]

В Москве по достоинству оценили важность известий, привезенных казаками. Не позднее осени 1583 г. Иван IV отдал приказ о подготовке «зимнего похода» в Сибирь. После беседы с казаками царь вскоре же убедился в том, что уральские перевалы непроходимы в зимнее время, и известил Строгановых, которых ранее обязал выставить вспомогательный отряд, об отмене зимнего похода. «Ныне,— писал он,— нас слух дошел, что в Сибирь зимним путем на конех пройтить не мочно»[63]. Экспедиция была отложена до весны.

Отпуская казаков, царь будто бы пожаловал покорителю Сибири шубу со своего плеча, два панцыря и много другого «жалованья». С. Ремезова особо интересовала судьба царских панцирей, полученных Ермаком, и он тщательно записал местные предания о них. Согласно этим преданиям, после смерти атамана Кучум пожаловал снятые с него доспехи — один мурзе Кайдаулу, а другой — «в приклад» белогорскому шаману в его святилище[64]. В середине XVII в. калмыцкий тайша Аблай просил у царя ермаковы панцыри, один из которых оставался в семье Кайдаула в Тобольске, а другой оказался в руках то ли у кондинских князей, то ли у кодского князя Алачея, забравшего его из белогорского святилища. Тобольский воевода получил приказ изъять панцирь у детей Алачея. Но обнаружить его не удалось. «И до днесь не слышится»,— записал С. Ремезов.

Другой панцирь разыскали без труда в Тобольске. По описанию, он имел следующие приметы: «длинен и около грудей напереди кольца часты, напереди же ниже пояса прострелено, испорчено одно кольцо»[65]. Сын Кайдаула отказался отдать семейную реликвию, и воевода приказал снять с него панцирь «неволею». Отец С. Ремезова отвез панцирь в подарок Аблаю. Со слов отца сибирский историк составил следующее описание доспеха: «бит в 5 колец мудрастно, долиною в 2 аршина, в плечах с четью аршин, на грудех и меж крылец печати царские златые

орлы, по подолу и рукавам опушка медная на 3 верышка»[66]. Новое описание очевидным образом расходилось с ранее сделанным описанием простреленной кольчуги. Аблай вскоре же показал полученный им подарок бывшему владельцу, однако тот «смотря, сказал, что тот панцирь не его». След тобольского панциря, как и кондинского, затерялся.

За 15 лет до того, как тобольские власти приступили к розыскам ермаковых панцирей, березовские служилые люди отняли у приобских самоедов кольчугу. В первых отписках они указали, что «на том де пансыре на грудех мишени золоты, а на них вырезано на одной государево имя, а на другой орел»[67]. При более тщательном осмотре было установлено, что бляшки («мишени») — не золотые, а медные: «на одной вырезан двоеглавый орел, а на другой подпись князь Петра Ивановича Шуйского». Когда кольчуга была доставлена в Москву, на ней сохранилась лишь одна медная с позолотой бляшка, удостоверявшая принадлежность вещи П. Шуйскому. Вторая бляшка с орлом исчезла. Однако при поздних раскопках в Кашлыке археологи нашли еще одну бляшку с именем П. Шуйского, возможно, с того же панциря. Находка эта позволила С. В. Бахрушину высказать, с рядом оговорок, предположение, что кольчуга Шуйского некогда принадлежала Ермаку и тот потерял бляшку с нее во время пребывания в Кашлыке[68]. Однако это предположение не подкреплено никакими точными данными. Кольчуга могла попасть в Сибирь в бытность П. Шуйского на воеводстве в Казани, либо в то время, когда сибирские ханы были вассалами царя, либо в гораздо более позднее время.

Мнение, будто Ермак получил панцирь П. Шуйского из рук царя, по-видимому, является ошибочным. По данным «архива» Ермака, казаки были награждены за «сибирское взятие» деньгами и сукном, а атаманы — золотыми[69]. Вопреки поздним преданиям, Ермак не получил ни панцирей, ни шубы с царского плеча.

Летописцы XVII в. утверждали, будто «Ермака повелел государь написати в грамотах сибирским князем»[60]. И эти сведения также носят легендарный характер. Царь и не думал именовать предводителя казаков «сибирским князем». Напротив, он считал, что благоразумнее не оставлять его в завоеванном крае. Отчет о награждении казаков заканчивался фразой: «А Ермаку указал государь быть к Москве»[61].

Погодинская летопись приводит подробную разрядную запись о посылке подкреплений Ермаку. Экспедицию возглавил воевода князь Семен Болховский. С ним в поход снарядили «голов Ивана Киреева да Ивана Васильева Глухова, а с ними казанских и свияжских стрельцов сто человек, да пермич и вятчан сто ж человек и иных ратных людей 100 человек»[62]. Сведения о численности отряда С. Болховского находят подтверждение в подлинной царской грамоте от 7 января 1584 г. Иван IV велел Строгановым приготовить 15 стругов, «которые б струги подняли по 20-ти человек с запасом», т. е. 300 чел.[63]

После прекращения войны со шведами в 1583 г. русское командование высвободило значительные военные силы, но принуждено было использовать их для обороны южных границ и в особенности для подавления грандиозного восстания в Поволжье. В Сибирь пришлось послать небольшой отряд. Предполагалось, что он выступит в поход и перевалит за Урал «по весне». Однако с наступлением весны Иван IV умер. В Москве произошли крупные народные волнения. В общей сумятице о сибирской экспедиции на время забыли.

*

* *

Примерно в одно время с казаками Ермака в Москву прибыл английский посол Д. Боус. В последние годы Ливонской войны Московская компания английских куп-

цов поставила в Россию немало военного снаряжения, и ее руководители рассчитывали добиться от царя привилегий. Д. Боус обратился к царю с просьбой даровать английским купцам исключительное право на торговлю во всех северных русских портах. Англичане рассчитывали на то, что, освоив пристани в устьях Мезени и Печоры, без труда достигнут Оби и «Исленда» и заведут торг с населением Сибири [94].

Отношение Ивана IV к планам Московской компании было неодинаковым в разные годы. Первые английские мореходы, прибывшие в Москву, сумели заинтересовать его перспективой открытия кратчайших северных морских путей в Китай и Индию. Итальянские купцы, побывавшие в России через несколько лет после учреждения беломорского плавания, писали, что царь Иван для поощрения отважных северных мореходов «назначил большие награды в надежде с открытием пути устроить водное сообщение (с восточными странами.— *Р. С.*), отчего сильно возрастут таможенные сборы и пошлины...» [95]

Однако экспедиции англичан в Северном Ледовитом океане терпели одну неудачу за другой, и к началу 80-х гг. XVI в. Московскую компанию больше интересовали близкие и практические цели — утверждение на морских путях в Сибирь.

Новая ориентация английских купцов вызвала резко отрицательное отношение Ивана IV. В ответ на обращение посла Д. Боуса Боярская дума вынесла решение: «А о реке Оби, да о Иэленде реке, да о Печере реке о тех урочищах им отказать» [96]. В личной беседе с послом царь откровенно объяснил мотивы своего решения: «А что написано (в английской грамоте.— *Р. С.*), пристанища ж морские — Печера, да Иэленди, да река Обь, и тому статись невозможно: те места в нашей отчине, от тех мест, где приставают английские гости, далеко, да и пристанищ морских в тех местах нет и приставать тут не пригодитца, а лише в тех местех ведутца соболи

да кречеты, и только такие дорогие товары, соболи и кречеты, пойдут в Аглинскую же землю, и нашему государству как бес того быти?»[67]. Царь прекрасно понимал значение драгоценной сибирской пушнины для русской казны, а равным образом и для торга Московской компании.

Прибытие послов Ермака с пушниной произвело сильное впечатление на западноевропейских купцов в Москве. Торговля с Сибирью сулила столь большие барыши, что многие готовы были преступить запрет московских властей. Английский купец А. Мерш, прославившийся своими махинациями, попытался заняться сибирской торговлей, действуя на свой страх и риск за спиной Московской компании. Он установил деловые связи с четырьмя русскими промышленниками, регулярно ездившими из Холмогор в устье Печоры и далее на восток. А. Мерш предложил им исследовать устье Оби и сообщить ему полученные сведения. 21 февраля 1584 г. купцы письменно уведомили А. Мерша, что готовы отправиться на Обь, для чего потребуется снарядить два коча с командой по 10 моряков на каждом. «Если ты хочешь, чтобы мы поехали к устью Оби морем,— писали холмогорские мореходы,— то мы должны пройти мимо островов Вайгач, Новая Земля, Земля Матвея, т. е. Матвеевой Земли, и ты можешь убедиться в том, что от острова Вайгача до устья Оби не очень трудно проехать»[68]. Русские мореходы сообщали англичанину подробные сведения о югорских и мангазейских самоедах, об их городках, уверяли его, что «река Обь в устье глубока» и пр. Письмо не оставляло сомнения в том, что как морские, так и сухопутные дороги в Сибирь были им хорошо известны.

Нарушив закон, А. Мерш послал на Обь своего русского слугу Богдана с запасом товаров, предназначенных для меновой торговли с самоедами. На кочах холмогорских промышленников Богдан благополучно до-

брался до Сибири и вернулся в Москву с партией мехов, оцененной в тысячу рублей. Однако московские власти решительно пресекли незаконную торговлю. Богдан подвергся порке и попал в тюрьму. Привезенные им собольи меха были конфискованы в казну[99].

Из письма холмогорских мореходов А. Мерш впервые узнал о том, что «некогда ваши люди (западноевропейцы.— *Р. С.*) уже достигли устья названной реки Оби на корабле, который потерпел кораблекрушение, а люди ваши были убиты самоедами, которые думали, что они приехали ограбить их»[100].

Сведения о гибели неизвестного западноевропейского корабля в устье Оби подтвердились после того, как в Москву не позднее зимы 1584/85 г. был привезен плененный царевич Маметкул. Агент Московской компании Д. Горсей беседовал с ним и записал следующее: «Я слышал от него, что в их земле были некие англичане или по крайней мере такие люди, как я, взятые ими с кораблем, пушками, порохом и другими богатствами за два года до того, когда они пришли по Оби, чтобы найти Китай через Северо-Восток»[101].

И. Гамель высказал предположение, что погибшее на Оби судно принадлежало капитану Ч. Джекмену и что самоеды связали появление корабля с походом Ермака, отчего и расправились так жестоко с его командой[102]. М. Боднарский считал, что в устье Оби погиб корабль Д. Бессендайна[103]. Однако из записки о путешествии А. Пета следует, что барк «Уильям» под командой Ч. Джекмена перезимовал у берегов Норвегии и в феврале 1581 г. отплыл к берегам Исландии[104]. Судя по рассказам Маметкула, корабль попал на Двину не ранее 1582—1583 гг. Следовательно, он никак не мог принадлежать Д. Бессендайну.

Нет оснований связывать гибель неизвестного экипажа с появлением Ермака в Сибири. Еще кормчий Лошак советовал С. Берро проявлять большую осторожность на

Оби, поскольку обские самоеды «всячески стараются застрелить всех людей, не говорящих на их языке»[105].

Имеющиеся материалы не позволяют установить национальную принадлежность корабля, потерпевшего крушение в устье Оби в период экспедиции Ермака. Судно было снаряжено скорее всего теми купцами-авантюристами из Западной Европы, которых манили пушные богатства Сибири[106]. К числу подобных авантюристов принадлежал упоминавшийся выше О. Брюнель, служивший Строгановым. По поручению своих хозяев он выехал в Антверпен, чтобы нанять искусных лоцманов и моряков, которые за щедрое вознаграждение согласились бы отправиться в Россию и поступить на службу к Строгановым. По словам О. Бюнеля, подготовка к экспедиции в самой России шла полным ходом. На верфях в устье Двины русские плотники под присмотром шведского корабельного мастера (вероятно, пленника) построили два корабля, предназначавшихся для арктического плавания[107].

Планы Строгановых остались неосуществленными, поскольку О. Брюнель решил организовать самостоятельную экспедицию в Сибирь. Заинтересовав своими рассказами голландского купца Б. Мушерона, он объявил ему, что сможет достичь устья Оби лишь при условии, что корабль будет снабжен всем необходимым снаряжением и что в его команду будут наняты «хорошо известные русские», которые знакомы с Обью, «так как ездили туда из года в год»[108].

Итак, бельгиец возлагал большие надежды на помощь опытных русских лоцманов, известных ему по службе у Строгановых. Он обратился за советами к Г. Меркатору. Некто Балак, как уже упоминалось выше, дал ему рекомендательное письмо к известному географу. Балак не скрыл от Г. Меркатора тот факт, что О. Брюнель не обладает достаточной подготовкой для путешествия. «Я бы хотел,— писал он,— чтобы этот

Оливер (О. Брюнель.— *Р. С.*) был бы более сведущ в космографии, это значительно обогатило бы его опыт»[100].

В 1584 г. О. Брюнель отправился в плавание по северным морям и достиг о. Вайгач. Льды помешали экспедиции пройти в Карское море. На обратном пути корабль сел на мель в бухте неподалеку от устья Печоры. Незадачливый навигатор с трудом спасся[110].

* * *

Поморы давно освоили путь в устье Оби по Студеному морю. Но окончательно утвердиться здесь русские смогли лишь после того, как Ермак нанес сокрушительное поражение Сибирскому ханству.

Заняв Кашлык, казаки рассчитывали получить немедленную помощь из России. Однако помощь надолго задержалась. Что же позволило Ермаку с его малочисленным отрядом продержаться в сердце Сибирского ханства почти два года? Это можно объяснить рядом обстоятельств.

Ермак выстоял потому, что за плечами у вольных казаков были многие десятилетия войны с кочевниками в «диком поле». Казаки основывали свои зимовья за сотни верст от государственных границ России, их станицы со всех сторон окружали ордынцы, которых они научились одолевать. Ермак обладал мужеством и решимостью прирожденного полководца. Его боевая деятельность воплотила в себе весь опыт, приобретенный русскими колонистами в бесконечных «малых войнах» против степных орд.

Одной из причин успеха экспедиции явилась внутренняя непрочность Сибирского ханства. Подчиненные Кучуму татарские улусы, население которых вело кочевой и полукочевой образ жизни, были разобщены. На огромной территории ханства обитали редкие и мало-

численные племена, завоеванные татарами и связанные с ними одними лишь данническими отношениями.

Убив Едигера, Кучум после долгого сопротивления подчинил татарских мурз. Но при первых же военных неудачах междуусобная борьба среди татарской знати возобновилась. «Ближний ясашный мурза» Кучума Сенбахта Тагин «по недружбе» к хану Маметкулу сообщил казакам о том, что тот разбил свои кочевья по Вагаю в 100 верстах от Кашлыка. Ермак поспешил воспользоваться оплошностью татарского царевича. Он послал на Вагай отряд, по некоторым сведениям, немногим более полусотни казаков. Посреди ночи казаки напали на татарские кочевья, перебили стражу и захватили Маметкула в его шатре живым[111].

На протяжении многих лет Маметкул возглавлял войска Сибирского ханства. Кучум поручал ему руководство крупнейшими военными экспедициями. Пленение Маметкула пошатнуло военную опору Кучума. Враги хана немедленно подняли голову. Племянник свергнутого Кучумом Едигера Сеид-хан, которому в свое время удалось бежать в Бухару, вернулся в Сибирь и стал угрожать Кучуму местью[112]. Предчувствуя новые междуусобицы, знать стала спешно покидать ханский двор. От Кучума отвернулся даже его собственный карача[113] (в Крыму, Ногайской Орде и в других татарских улусах титул «карачи» носили главные сановники хана, принадлежавшие к самым знатным и могущественным родам)[114]. После бегства Кучума карача отказался повиноваться ему, ушел со своим родом к Чулымскому озеру и стал кочевать в верховьях Иртыша в районе рек Тара и Омь[115]. В дальнейшем он вел свою особую войну с Ермаком, добиваясь возвращения улуса под Кашлыком.

Власть Кучума перестали признавать местные племена и их князьки. Некоторые из них, например хантский князек Бояр со своим родом, как уже упоминалось, стал помогать казакам тотчас же после появления их

в Кашлыке. Со времени похода ермаковцев на Обь их надежным союзником стал также князь Алачей. Несколько позже в Кашлык прибыли Ишбердей и Суклем. Согласно поздним преданиям, эти мансийские князьки, жившие в недоступных местах за Яскалбинскими болотами, добровольно признали власть Ермака и привезли ему ясак. Казаки отпустили их с честью, после чего Ишбердей оказал им много услуг: «привел к покорности» русским других мансийских князьков и «пути (русским.— *Р. С.*) многи сказа, и на немирных (князьков.— *Р. С.*) казаком вожь изрядной был и верен велми»[116].

Помощь со стороны местного населения имела для экспедиции неоценимое значение. Горстка казаков не могла бы в течение двух лет продержаться среди враждебного населения. Фольклор хантов донес исторические предания о Ермаке. В них говорится не только о длительной и упорной войне с Ермаком, но и о мирных отношениях с ним. Можно сослаться на следующую запись хантского фольклора: «Остяки с Ермаком не воевали. Когда Ермак пришел, то наш вождь встретился с ним, встали напротив друг друга и поменялись, передавая из рук в руки лук и ружье: тот нашему ружье, а наш — лук»[117].

Приведем еще одну запись фольклора хантов: «Когда Ермак (т. е. его люди.— *Р. С.*) пришли в Айполово, решили не трогать остяков, а дать им решить: покориться или воевать. В Айполово семь шаманов собрались и сказали своему народу: „Дайте нам семь дней подумать!" Посовещались с богом и решили подчиниться и платить дань»[118].

Экспедиция затягивалась, и силы Ермака таяли из месяца в месяц. Болезни и стычки с татарами приводили к невосполнимым потерям. Казаки могли успешно сражаться с превосходящими силами татар, пока в изобилии имели порох и свинец. Но вскоре отряд израсходовал почти все боеприпасы и, таким образом, утратил

свое главное преимущество перед врагами, не имевшими огнестрельного оружия. В такой обстановке Ермак предпринял поход на Пелым.

Все сведения о пелымском походе содержатся исключительно в «Истории» С. Ремезова и во вставных листах к ее тексту. Это обстоятельство затрудняет проверку достоверности известия с помощью других источников.

Данные С. Ремезова противоречивы. В начальном тексте «Истории» он сообщал о походе на Пелым самые краткие сведения: «Июля в 1 день того же году (7091.— *Р. С.*) ездили воевать по Тавде...»[119] При составлении «кунгурских» листов С. Ремезов описал поход на Тавду к Пелыму в мельчайших подробностях, но при этом решительно пересмотрел данные о хронологии похода. Согласно новой редакции, поход имел место будто бы в 7087 (1579) г. и начался не 1 июля, а 1 августа[120]. В первом случае С. Ремезов, возможно, ближе следовал имевшимся в его распоряжении источникам кунгурского происхождения, из которых следовало, что Ермак двинулся на Пелым после завершения ясашного похода на Обь. Хронологическая ошибка в «кунгурских» листах может быть объяснена лишь предположительно. Вставные листы «Истории» сохранили сведения о том, что в начале пелымского похода Ермак занял Карачин улус на Тоболе, что в дни похода местный шаман на Тавде велел Ермаку «воротится на Карачино озеро зимовать» и что казаки, собрав ясак хлебом и другими продуктами, «провадиша в зимовье Карачинское со многими припасы сушеными»[121].

Казаки, направлявшиеся из Кашлыка на Пелым, неминуемо должны были пройти через улус Карачи, располагавшийся подле устья Тобола. Эта подробность, однако, была неверно истолкована С. Ремезовым. То, что начало похода кунгурские источники приурочили не к Кашлыку, а к Карачину острову в устье Тобола, возможно, и натолкнуло С. Ремезова на ошибочную догад-

ку, согласно которой казаки ходили на Пелым еще до взятия Кашлыка.

Известиям «кунгурских» листов можно дать более простое толкование. Городище Кашлык оказалось непригодным для того, чтобы пять казачьих сотен могли разбить в нем свой лагерь. Поэтому, заняв Кашлык, Ермак в дальнейшем перенес свое зимовье в Карачино городище на Тоболе. Тем самым он обезопасил себя от внезапных нападений татар. Ни одна сибирская летопись не упоминает о Карачине. Но сомневаться в достоверности известий о нем не приходится. В «Хорографической книге» С. Ремезова 1697 г. помечены озеро и остров Карачинский неподалеку от устья Тобола[122]. По словам Г. Ф. Миллера, Карачинское озеро, располагавшееся в 16 верстах от Тобольска, по форме представляло овальную дугу, концы которой почти сходились, соединяясь с Тоболом протокой. Озеро это, добавил Г. Ф. Миллер, «называется еще поныне по-русски Карачиным озером, а по-татарски Карача-куль»[123].

Пелымский поход казаков имел, по-видимому, совсем иные цели, нежели выступление казаков на Обь. Во время обского похода они облагали местное население ясаком и подолгу задерживались в занятых городищах. Ермак двигался в спешке. Из кунгурских листов следует, что казаки направились на Тавду и Пелым, «восхотеша» возвратиться «вспять на Русь»[124].

Предполагал ли Ермак отказаться от первоначальных планов и навсегда покинуть Сибирь? Если бы дело обстояло так, то казаки двинулись бы не на Пелым, а на Обь и беспрепятственно ушли бы на Русь старыми проторенными путями через Печору. На этом пути казакам пришлось бы иметь дело с союзниками и населением, принесшим присягу. На самом деле Ермак выбрал не самый легкий, а напротив — самый трудный путь. На Тавде располагалось Пелымское княжество, без сомнения наиболее сильное из мансийских объединений,

в течение многих лет ведшее войну сначала с Кучумом, а затем с русской Пермью. Мансийские племена были знакомы с примитивным земледелием, и бассейн Тавды был одним из наиболее населенных районов Сибирского ханства.

Выбор пути отступления продиктован был военными соображениями. За полтора года пребывания в Сибири казаки собрали подробную информацию о путях проникновения из Сибири в Прикамье. Они уяснили, что проделанный ими путь через тагильские перевалы был наиболее труднопроходимым. Если бы поход на Пелым увенчался успехом, казаки овладели бы самым удобным путем из Пелыма в Кашлык. (Позже этот путь надолго стал для русских основным путем сообщения с Сибирью).

Кунгурский «сказ» о пелымском походе имеет определенный исторический интерес. Однако следует иметь в виду, что при нынешнем состоянии источников невозможно отделить достоверные сведения «сказа» от легендарных.

Согласно Кунгурскому летописцу, флотилия Ермака прошла с Тобола на Тавду. Там казаки заняли Красноярскую и Калымскую волости и обратили в бегство предводителя Лабуту с прочими мансийскими «князцами». Самый большой бой произошел на Паченке. В ходе боя много казаков было ранено. Однако и татарский отряд, противостоявший казакам, полег весь на месте. Погиб и князек Паченки («Паченег» или «Печенег»).

Следуя вверх по Тавде, Ермак вступил в Кашуцкие волости, захватил там «есаула» Ичимха и допросил его. Кашуцкие волости и городище Чандырь покорились казакам «боем и добровольно, со старейшинами их»[125]. К Ермаку явились местные манси, принесшие в знак покорности ясак.

Однако чем дальше отряд продвигался на север, тем большее сопротивление ему приходилось преодолевать. В бассейне рек Тавды и Пелыма располагался один из

самых крупных союзов племен манси. Русские летописи упоминали о Пелымском «государстве» с середины XV в.[126] В XVI в. оно входило в состав Сибирского ханства. Основу союза составляли племена манси, жившие на Пелыме, в Конде и на Тавде[127]. Самым известным из местных князьков был Аблегирим, не раз возглавлявший нападения на строгановские владения в Приуралье. Несмотря на свои татарские имена, родо-племенная верхушка Пелымского «государства» оставалась мансийской. Этнический состав населения Пелыма, Конды и Тавды отличался однородностью. На конец XVI в. тут числилось более 500 ясачных людей, а следовательно, общая численность населения превышала 2500 чел.[128]

Ермак побывал совсем недалеко от Пелыма, где находился князек Аблегирим, но штурмовать укрепленное городище не стал, желая уберечь от новых потерь свой и без того малочисленный отряд.

Пленные, захваченные близ Пелыма, твердили, что никакого пути с Пелыма на Русь нет («и по допросом пути нет за Камень в Русь»). Мансийские шаманы старались уверить казаков в том же самом. Если верить кунгурскому «сказу», они заявили Ермаку: «через Камень (Урал.— *Р. С.*), де, хотя и думаешь, не пойдешь, и дороги нет...»[129]

Местные манси конечно же знали о существовании лозвинского пути из Зауралья в Пермь. Что же заставляло их давать казакам неверные сведения? Как видно, пелымских жрецов и старейшин вполне устраивало присутствие казаков в Кашлыке, препятствовавшее восстановлению власти Кучума над «Пелымским государством». Чандырский жрец с уверенностью предсказал победу Ермака над Кучумом: «...и о том,— значится в кунгурских листах,— идольское пророчество сбылося, а о смерти его (Ермака.— *Р. С.*) не сказал»[130].

Вынужденные повернуть с Пелыма вспять, казаки собрали в волости Табары «хлеб в ясак», и «тот збор,—

отметил С. Ремезов,— первое ясачной хлеб в Тобольску и до ныне хлеб и денги и купы — то вместе — Ермакова прибору». Примечательно, что казаки не вернулись в Кашлык, а остались на зимовье на острове во владениях Карачи на Тоболе. Именно сюда они «провадише в зимовье» свои струги с хлебом и прочими «припасами». Манси, сопровождавшие обоз, были отпущены с Карачина острова восвояси[131].

Тобольские церковники приписывали казакам Ермака несвойственную им роль борцов за православную идею. Как значилось в Синодике ермаковым казакам, сам бог избрал Ермака и его дружину, чтобы победить бусурман и язычников, «и разорити их богомерская и нечестивая капища»[132].

Документы разрушают такое представление. На вольные окраины стекались люди самой различной этнической принадлежности и вероисповедания. По этой причине казачеству был чужд религиозный фанатизм. В глубинах «дикого поля» население, бежавшее от гнета крепостнического государства, оказывалось вне сферы влияния официальной церкви. Неудивительно, что Ермак и его соратники, будучи в Сибири, не делали никаких попыток разрушения языческих капищ и христианизации края.

Вольные казаки пришли в Сибирь с мечом, но не с крестом. Взяв с боя татарскую Аремзянскую волость, предводитель отряда заставил татар в знак верности царю целовать казацкую саблю. В кунгурских «сказах» церемония присяги описана следующим образом. Пятидесятник положил на стол окровавленную саблю и велел «целовати за государя царя, чтобы им (татарам.— *Р. С.*) служити и ясак платити по вся годы, а не изменити»[133].

Задолго до Ермака ханты, имевшие дело с русскими, совершали особый магический обряд при шертовании, с использованием сабли. Они клали под ель на медвежью шкуру две сабли острием вверх «супротивно», под «жа-

бой берестяной» привязывали к елке две другие сабли острием вниз. Люди, приносившие шерть, обходили ель под саблями, приговаривая: «по их (русских.— *Р. С.*) праву бог казни»[134].

Во время своих походов в Сибири казаки, как повествуют «сказы», с любопытством разглядывали «священные камни», расспрашивали жителей об их свойствах. Будучи в Ташаткане, они узнали, что название этого городка означало в переводе с татарского «камень, который бросили». По преданию, городище возникло на месте, где с неба «спал камень», величиною превосходивший воз с санями, на вид багровый. Жители считали «небесный камень» священным и рассказали казакам, что «от него по временам восходит стужа, дождь и снег»[135]. В XVI в. доисламские верования у сибирских татар имели самое широкое распространение. Существовали вера в духов (хозяев), культ березы, сосны, поверья насчет чудесных камней, производящих погоду. Шаманы искали волшебные камни в горах, во внутренностях лося и карася, наконец, в деревьях, куда они будто бы падали прямо с неба. Считалось, что с помощью камней шаманы могут напускать дождь, стужу и снег[136].

Кунгурские «сказы» сообщают, что во время похода на Тавду Ермак посещал языческие мольбища и в трудных для него обстоятельствах даже обращался за советом к шаманам. Попав в «великое болванское моление» в Чандыре, он спросил колдуна, суждено ли ему пройти «за горы на Русь». Шаман дал Ермаку отрицательный ответ и посоветовал вернуться в Кашлык: «Про возврат (на Русь.—*Р. С.*) Ермаку тот же шейтанщик сказал, что воротится на Карачино озеро (под Кашлык.— *Р. С.*) зимовать...»[137].

«Сказы», собранные С. Ремезовым, передают любопытные подробности насчет камлания шамана в Чандыре в момент посещения мольбища казаками. По знаку шамана, читаем в «кунгурских» листах, подручные креп-

ко связали ему руки и воткнули длинный нож «в брюхо сквозь». Через некоторое время шаман велел развязать себя, выдернул нож и, набрав полную пригоршню крови, стал пить ее и мазать себе лицо. Чтобы усилить эффект, «шейтанщик» подозвал казаков, и, откинув шкуру, показал им живот без каких бы то ни было следов кровавой раны[138].

Сведения из кунгурских листов находят полную аналогию в ранних этнографических описаниях Сибири XVIII в. Во время камлания, свидетельствовали этнографы, шаманы колют себя сами или другому дают себя колоть большим ножом, втыкая его по самый черенок, затем вытаскивают нож без всякого следа на коже[139].

Манси верили в то, что шаманы наделены сверхъестественной силой, позволяющей им предсказывать будущее. Этнографы XVIII в. детально описали обряды, сопровождавшие шаманские прорицания. «Волхв», по их словам, приказывал связать себя и бросался на землю. Присутствующие начинали неистово кричать, ударять в котлы и доски. Колдун отзывался на их крики, делая «харей» разные «чудообразия» и бормоча призывы к богам. В чуме разводили «великий» огонь, курившийся дымом. Едва шамана обволакивал синий туман, он вскакивал в беспамятстве и метался словно угорелый. Очнувшись, шаман рассказывал о своем свидании с духами и просвещал сородичей насчет их будущего[140].

Казаки Ермака, возможно, были первыми, кто пытался разыскать в Сибири знаменитого идола — «Золотую бабу». Слухи об этом «великом» кумире проникли в Европу еще в те времена, когда русские утвердились в Приуралье. Сообщая о кончине Стефана Пермского, летописец записал под 1398 г., что святителю пришлось жить среди неверных, молящихся «идолам, огню, и воде, камню и Золотой бабе, и волхвом и древью»[141]. В послании митрополита Симона пермичам 1510 г. вновь упоминалось о поклонении местных племен «Золотой ба-

бе»[142]. Из Московии эти слухи проникли в Западную Европу[143]. Австрийский посол С. Герберштейн, посетивший Москву в начале XVI в., записал, что за Уралом при устье Оби стоит идол «Золотая баба» в виде некоей старухи, которая «держит в утробе сына и будто там уже опять виден ребенок, про которого говорят, что он ее внук»[144].

Согласно «сказам», казаки впервые услышали о «Золотом идоле» от чуваша, перебежавшего в их стан при осаде городища на р. Демьянке. Чуваш, попавший в Сибирь в качестве пленника татар, немного говорил по-русски. С его слов ермаковцы узнали о том, что в осажденном ими урочище ханты молятся идолу — «богу литому золотому, в чаше сидит», а идол, «де, поставлен на стол и кругом горит жир и курится сера, аки в ковше». При этом чуваш не мог вразумительно ответить на вопрос, откуда взялся золотой идол[145]. Описанный в кунгурских «сказах» обряд моления, по предположению С. В. Бахрушина, был на самом деле стилизованным изображением хорошо известного обычая хантов «пить с золота воду» при заключении договоров и принесении присяги[146].

Согласно «сказам», казаки вторично услышали о «Золотой бабе», когда попали в Белогорье на Оби, где располагалось самое почитаемое хантами капище — «жрение (священнодействие.— *Р. С.*) и съезд великий».

Казакам и на этот раз не довелось самим увидеть хантского бога. При их приближении жители спрятали «болвана», как и всю прочую сокровищницу — «многое собрание кумирное». Но казаки постарались расспросить хантов и на основании их слов составили описание идола: «...на Белогорье у них молбище болшее богине древней — нага с сыном на стуле седящая»[147].

Автор одного из первых этнографических сочинений о Сибири Г. Новицкий вслед за казаками безуспешно разыскивал местонахождение хантских идолов, сделанных по подобию человека. Ему не удалось найти «Зо-

лотую бабу», но он видел и подробно описал идола, названного им «обский старик». Его хранили в мольбище «на усть Иртыша прежде (недалече) Самарова града», т. е. в тех местах, где побывали казаки Ермака. «Обский старик» (или «бог рыб») имел вид доски с носом-трубой, малыми рогами на голове и золотой грудью. Ханты тщательно закутывали его в «червленную одежду» и рубища. Отправляясь на промысел, они ели священную уху, предварительно помазав ею «бога рыб». Если им не везло и они возвращались с моря без рыбы, они принимались колотить идола и плевали на него. Когда промысел налаживался, они как ни в чем не бывало вновь оказывали ему почести. В крайней нужде ханты не только били своих золотых «стариков» и «старух», но и «отнимали» у них кусочки золота, чтобы выжить в трудную годину [148].

Г. Новицкий знал о существовании другого идола в Белогорском мольбище, о котором писал: «Первоначальный же и паче всех настоящий кумир зде бо...»[149]. Но манси спрятали его в недоступных местах, и ученому увидеть его не удалось.

Отразившиеся в «сказах» сведения о веротерпимости казаков представляются правдоподобными. Отсутствие какого бы то ни было фанатизма, вражды к язычеству помогло казакам наладить отношения с местным населением.

ЗАВЕРШЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Сибирские источники весьма сбивчиво датируют основные события похода. Тобольские ветераны, воспоминания которых легли в основу ранних летописей и синодиков, руководствовались несложной схемой. В их сознании с гибелью вождей были связаны главные вехи похода: каждый из вождей будто бы погиб в «свое» лето.

В первое лето «сибирского взятья» погиб Б. Брязга, во второе — Н. Пан, в третье — И. Кольцо, в четвертое — Ермак. Воевода С. Болховский прибыл в Сибирь после гибели Н. Пана и вскоре умер. Новый воевода И. Мансуров появился «во второе ж лето по Ермакове убиении»[150].

По сибирским летописям, поход начался в 7089 г., а кончился в 7092 г. В действительности, как установлено выше, экспедиция Ермака началась в 7091 г. Попытаемся проверить теперь достоверность конечной даты.

По Синодику, Ермак погиб 5 августа 1584 (7092) г. Тобольские ветераны, по-видимому, в точности запомнили день, но не год смерти своего предводителя. По данным сибирских летописей, последнее столкновение казаков с татарами произошло незадолго до прибытия в Сибирь воеводы И. Мансурова. Это обстоятельство позволяет уточнить время окончания сибирской экспедиции.

Судя по царским грамотам, отряд С. Болховского прибыл в Сибирь в 1584 г., а не в 1583 г., как считали летописцы. Воевода И. Мансуров появился за Уралом не ранее чем через год. Не найдя казаков в Кашлыке, он спустился по Иртышу на Обь и зазимовал в «срубленном» им Обском городке. Подлинные документы Посольского приказа впервые упомянули об основании Обского городка в феврале 1586 г.[151] Отсюда следует, что И. М. Мансуров прибыл в Сибирь в конце лета 1585 г., а Ермак был убит 5 августа того же года.

Итак, сибирская экспедиция продолжалась не четыре «лета», как значилось в Синодике, а неполных три года — с 1582 по 1585.

Установление хронологии последнего периода сибирской экспедиции позволяет перейти к рассмотрению конкретных событий.

Первые подкрепления были приведены в Сибирь воеводой С. Болховским в 1584 г. Казаки встретили прибывших с Руси государевых стрельцов с ликованием и на

радостях щедро одарили мехами — «мягкой рухлядью». Но вскоре возникли затруднения.

Казаки заготовили ровно столько продовольствия, сколько необходимо было им для зимовья[152]. Повторно собрать ясак, чтобы прокормить людей С. Болховского, оказалось, по-видимому, невозможно. Еще до начала экспедиции Строгановы получили от пленных сведения о том, что столица Сибирского ханства не имела каменных стен, а была окружена осыпавшимся земляным валом и неглубоким рвом[153]. Попав в Сибирь, казаки скоро убедились, что городища там очень мало напоминали русские посады с их теплыми рублеными избами. Кашлык не был городом в собственном смысле этого слова. Располагавшийся на вершине крутого яра, он имел малую площадь: за невысоким валом помещались мечеть и несколько построек, служивших резиденцией Кучума и его ближних людей. Казаки зимовали не в Кашлыке, а на Карачине острове, имевшем большую территорию. Сюда «провадили» они запасы, собранные в пелымском походе. Здесь построили срубы и отрыли теплые землянки. Помещения были тесными, и все попытки разместить в них на постой дополнительно несколько сот человек оказались обреченными на провал.

Долгий, изнурительный поход утомил стрельцов до крайности. Они рассчитывали получить в столице Кучума отдых, но вместо отдыха их ждали еще худшие испытания. Пришла зима. Грянули жестокие сибирские морозы, когда температура падала ниже 40° и дули ледяные ветры[154], а воеводы, снаряжавшиеся в поход в весеннее время, не позаботились даже о шубах. Глубокие снега сделали невозможной охоту в таежных лесах. Подле человеческих жилищ бродили волчьи стаи.

Смерть стала безжалостно косить стрелецкий отряд. Погодинский летописец цитирует следующее донесение о гибели отряда, написанное сугубо деловым слогом, без каких бы то ни было литературных красот: «...которые

люди присланы были с воеводою со князем Семеном Болховский и с головами казанские да свияжские стрельцы да пермичи и вятченя, а запасу у них не было никакого, и те все присылные люди... померли в старой Сибири з голоду»[155]. Сколь бы удивительными ни казались слова донесения о том, что стрельцы не имели при себе никаких запасов, их достоверность не вызывает сомнения. Причиной беды была как нерасторопность военных властей, так и незнание ими особенностей сибирского края. Воеводы надеялись, что «ратники» прокормятся «собой», как в любых других походах. Но подобные расчеты оказались беспочвенными. Очаги земледелия в Сибири были совсем невелики и найти хлеб оказалось невозможным. Выданные казной запасы стрельцы частью израсходовали в дни перехода, частью бросили на перевалах вместе с тяжелыми судами.

Итак, присылка царских воевод в Кашлык не достигла цели. Стрельцы почти все погибли, не приняв участия в борьбе с татарами. Казаки лучше перенесли голод и мороз, но и их ряды сильно поредели: из пяти сотен у Ермака осталась одна-две. Прибытие подкрепления в 1584 г. не облегчило, а, напротив, осложнило положение отряда. Единственным положительным моментом было то, что от стрельцов остался целый арсенал: пищали, порох и свинец.

Ермаку передали указ «быть к Москве», но он не выполнил царскую волю. Назначенный главным воеводой Сибири С. Болховский умер после неслыханно тяжелого перехода. Его помощник Иван Киреев уехал в Москву под предлогом необходимости сопровождения пленного Маметкула.

Чтобы сберечь уцелевших людей, Ермак старался избегать столкновений с татарами. Неудивительно, что он с готовностью откликнулся на мирные предложения, поступившие из вражеского стана: надо было выиграть время и дождаться новых подкреплений.

Пленение Маметкула, военачальника Сибири, выдвинуло на авансцену главного визиря Карачу, который перестал признавать власть Кучума. Карача перенес свои кочевья на Тару, где у него произошли стычки с Казахской Ордой. Карача прислал в Кашлык гонцов и просил Ермака оборонить его от недругов. Казаки созвали «круг» и после обсуждения постановили «по приговору всего товарства» отпустить к Караче атамана, «а с ним 40 человек товар(ище)ства»[156]. Отправка союзного отряда к татарам сопряжена была со смертельным риском. Руководить операцией мог человек, обладавший исключительной отвагой и хладнокровием. Выбор пал на атамана Ивана Кольца.

Не искушенные в дипломатии казаки допустили роковую ошибку. Они не затребовали у Карачи «аманатов» — заложников. Их доверчивость обернулась катастрофой. Едва Иван Кольцо явился в татарские кочевья, его предательски захватили и убили вместе со всеми его людьми.

Когда весть о «победе» Карачи облетела сибирские улусы, татары решили, что для них настал час мести. Несколько казаков, собиравших ясак в отдаленных местностях, были убиты. По некоторым сведениям, среди них оказался атаман Яков Михайлов. Имя его ранее не упоминалось. Возможно, что казаки выбрали его на место выбывших атаманов. Ермак выслал Я. Михайлова на разведку — «в подсмотр»[157].

Первой заботой уцелевших после голода казаков было создание продовольственных запасов. Поначалу эта задача казалась легко выполнимой. С наступлением весны в Кашлык потянулись окрестные жители с битой дичью и рыбой[158]. Однако уже в марте 1585 г. положение изменилось к худшему. Многочисленные татарские отряды окружили Кашлык со всех сторон. Карача спешил использовать наметившийся успех, чтобы не дать казакам оправиться от голода. С начала весны и до лета

(«пролетия») татары держали отряд Ермака в кольце, не пропуская к нему никого из его союзников с продовольственными обозами. Ермак терпеливо выждал момент для нанесения удара. Посреди ночи атаман Матвей Мещеряк с несколькими десятками казаков пробрался к главной ставке Карачи на Саусканском мысу в трех верстах от Кашлыка и внезапным ударом разгромил ее. Караче с двумя слугами удалось скрыться, зато двое его сыновей и вся охрана погибли. С наступлением рассвета казаки сами оказались в трудном положении. Татары, покинув позиции вокруг Кашлыка, атаковали горстку смельчаков со всех сторон. Казакам пришлось укрыться в кустах. В конце концов они отбили все атаки врага меткой пальбой. После полудня татары покинули окрестности сибирской столицы.

Вскоре Ермак предпринял свой последний поход против татар. Поводом к выступлению послужило то, что в Кашлык прибыли «вестники» от бухарцев — торговых людей — с жалобой, «что их Кучум не пропустит в Сибирь»[159]. На первый взгляд, предприятие Ермака казалось безрассудной авантюрой: казакам надо было выждать совсем недолго, чтобы получить подкрепление. В действительности Ермак не располагал точной информацией о передвижениях московских воевод и принужден был рассчитывать исключительно на свои силы. Риск, связанный с походом на юг, представляется вполне оправданным. Отразив Карачу, Ермак не мог надеяться на то, что татары откажутся от новых попыток разделаться с ним. Оставаясь в Кашлыке, он рисковал в любой момент вновь оказаться в кольце блокады.

После поражения под Кашлыком Карача обратился за помощью к Кучуму и договорился с ним о совместных действиях против Ермака. Исходным пунктом нового наступления на Кашлык должно было стать Бегишево городище. Однако Ермак упредил татар.

Выступление казаков продиктовано было не только военными соображениями. Ермаку во что бы то ни стало надо было собрать в Кашлыке большие запасы продовольствия, чтобы приготовиться к новому зимовью и встрече ратных московских людей. Сообщению о «бухарском» караване казаки придали исключительное значение. Бухарцы (так называли в Сибири выходцев из Средней Азии) играли особую роль в экономической жизни Сибирского «царства». В их руках находилась самая важная торговая артерия края, соединявшая его со среднеазиатскими рынками[160]. Казаки не жалели усилий, чтобы выручить «бухарских» купцов.

Синодик ермаковым казакам без всяких подробностей сообщает о том, что Ермак «с невеликою своею дружиной» поспешил навстречу торговым людям — бухарцам, в пути остановился на ночлег «близ Вагайского устия... на перекопи» и тут подвергся нападению татар[161]. Краткая Тобольская летопись, служившая протографом для Есиповской и Строгановской летописей, подтвердила сведения Синодика указанием на то, что Ермак выступил против Кучума «не со многими людьми»[162].

В своей «Истории» С. Ремезов писал, что в последнем походе с Ермаком было 50 чел.[163] Однако из кунгурских «сказов» следует, что отряд Ермака насчитывал 300 бойцов[164].

Более достоверные сведения о числе казаков, выступивших на Вагай, отразились, по-видимому, в тобольских разрядных записях. В них говорится, что «Ермак Тимофеев да 108 человек, пришел против Кучума царя, и на Вагайской перекопи стали ночевать на острову»[165]. Приведенная цифра подкрепляется показаниями двух наиболее надежных источников. Синодик ермаковым казакам показывает, что с Ермаком на Вагае погибло немного казаков, прочим удалось уйти от татар[166]. Погодинская летопись приводит сведения ермаковского «архива» о том, что после гибели Ермака из Сибири ушли 90 казаков[167].

Поздние летописи отразили разрядные записи, но с искажением. Новый летописец, опиравшийся на «Краткое описание о земле Сибирской», сообщал, будто в походе на Вагай Ермака провожали атаман Иван Кольцо и 150 казаков[168]. В своих расчетах летописец исходил из ошибочного представления о том, что казаки Ивана Кольца погибли на Вагае. По Синодику, в отряде Ивана Кольца служил 41 казак. Следовательно, без этих казаков отряд Ермака насчитывал 109 чел. Приведенная цифра совпадает с разрядной.

Все источники единогласно свидетельствуют о том, что Ермак погиб на Вагае. Судя по кунгурским «сказам», казаки во время своего последнего похода прошли далеко за Вагай и поначалу они двигались беспрепятственно, не встречая сопротивления, «и все волости покорны были во всем»[169]. Но затем положение переменилось.

Южные пределы Сибирского ханства от Кашлыка вверх по Иртышу до Барабы оставались главным прибежищем Кучума. То были наиболее заселенные территории Западной Сибири с однородным татарским населением. Кроме татар тут было небольшое число «бухарцев» — выходцев из Средней Азии[170].

В дни южного похода казаки столкнулись в районе Бегишева городища с большим скоплением татарских воинов. Помимо отступивших сюда карачинцев в урочище собралось множество кучумлян — «сборных татар», прибывших на помощь к князю Бегишу. В урочище доставлены были две железные пушки, еще остававшиеся у хана Кучума. По преданию, пушки попали к хану из Казани. В районе Бегишева городища произошел «великой бой». Бегиш пытался пустить в ход артиллерию, но безуспешно. Тогда он велел сбросить пушки под гору, на голову казаков, карабкавшихся по откосу вверх. Казаки овладели городищем после яростного штурма. Немногим воинам Бегиша удалось бежать.

После «малого боя» в Салехе отряд Ермака вступил в пределы Саргачской волости, которой будто бы владели потомки местного ханского рода Саргачиков. Урочище «старосты» казаки взяли «з боем». В городище Тебенди князек Елыгай, не успевший собрать людей, выразил покорность и принес дары и ясак[171]. По преданию, Елыгай предложил Ермаку «в честь и в дар» свою дочь. Но предводитель казаков отклонил «дар» и запретил своим соратникам прикасаться к прекрасной девице из ханского рода.

Потомки некогда господствовавшего в Саргачике рода давно утратили былое влияние. Основную территорию Саргачской волости называли Ишим-томак. Она лежала выше урочища Тебенди, у впадения в Иртыш Ишима. В Ишим-томаке произошла новая стычка. Дрались врукопашную: «яко не оружием, по руками, кто кого может». В этом «великом бою» ермаковцы потеряли 5 чел. убитыми, что можно объяснить одним из двух: либо казаки подверглись внезапному нападению, либо у них кончился порох. Последнее вполне вероятно. Ермак выступил на Вагай (100 км от Кашлыка), имея ограниченные цели, и у него не было необходимости брать с собой большие запасы пороха и свинца. Пробиваясь к верховьям Иртыша, его отряд, однако, оказался втянутым в затяжные бои.

В своем стремительном движении отряд достиг юго-восточных пределов Сибирского ханства. Надежно прикрытое с северо-запада Уральским хребтом татарское «царство» не имело сильных крепостей на Тагиле, Таре и Оби. Юго-восточные степные границы были открыты для нападения степных кочевников, и тут сибирским ханам пришлось вести постоянные войны с соседними ордами. На степном рубеже располагалась крепость Кулары, «опасной крайной кучумовской (городок.— *Р. С.*) от (со стороны.— *Р. С.*) калмык». И на всем верхнем Иртыше, замечает автор «сказа», «крепче его нет»[172]. Казаки вскоре сами убедились в этом.

Урочище Кулары, по-видимому, служило центром Тав-Отузской волости. Если в Саргачской волости к началу XVII в. числилось примерно 290 татар, то в Тав-Отузской — около 350 [173].

Пять дней отряд Ермака безуспешно штурмовал урочище Кулары, располагавшее превосходными естественными укреплениями. Не добившись цели, Ермак отдал приказ двигаться дальше. «Назад, де, воротяся, приберем!» — сказал он при этом, чтобы ободрить свое поредевшее войско [174]. Ожидая подкреплений из России, Ермак, очевидно, не ставил целью закрепиться в южных пределах Сибирского ханства. Миновав Ташаткан, он ушел на Шиш-реку в Туралинскую волость. Тут проходили последние рубежи Сибирского «царства». После поражения Карачи его воины в большом числе отступили сюда. Найдя беженцев в бедственном положении, Ермак приказал не обижать их: «...видеша всех, яко зело скудные, и ничем не вредиша им» [175].

С Шиш-реки казаки повернули назад и, пройдя мимо Кулар, стали возвращаться к Кашлыку, «прогребаючи все городки и волости». Однако им не суждено было благополучно закончить поход.

Неудачи под Куларами имели роковые последствия. Противники Ермака воспрянули духом и предприняли попытку уничтожить его отряд. Карача с оставшимися у него воинами задумал устроить казакам западню. К нему присоединился Кучум, до того кочевавший на степных просторах и державшийся подальше от Иртыша. Чтобы задержать казаков, татары расставили на пути следования Ермака своих людей, которые в один голос говорили, будто видели бухарцев в верховьях Вагая. Хитрость вполне удалась. Отряд Ермака повернул с Иртыша на Вагай.

Подробности о переходе Ермака по Иртышу до Шиш-реки сообщают лишь кунгурские «сказы». Отсутствие аналогичных сведений в других источниках затрудняет

их проверку. Однако в некоторых главных пунктах сибирские источники единогласны. Можно считать установленным, что Ермак отправился вверх по Иртышу на выручку каравану бухарских купцов и погиб в районе Вагая в дни последнего похода.

Ранняя Тобольская летопись свидетельствует, что в поисках бухарцев казаки в стругах поднялись по Вагаю до Атбаша[176]. Это татарское урочище лежало на торговых путях, которые вели с юга, из-за Ишима, через Вагай к Кашлыку. Как писал сибирский воевода в начале XVII в., к Атбашу прилегали с одной стороны дремучие леса, с другой — непроходимые болота, простирающиеся по Вагаю верст на 90[177].

Кунгурские «сказы» сохранили некоторые подробности плавания флотилии по Вагаю. Казаки «в трудности» поднялись вверх по течению, никого не нашли там и к вечеру вернулись к устью.

Источники содержат противоречивые сведения насчет местоположения последнего лагеря казаков. В своей «Истории» С. Ремезов сообщал, будто Ермак, следуя вверх по Иртышу, «в Агитской луке чрез волок перекопь учинил и до усть Вагая реки» дошел, а на обратном пути вернулись до перекопи «на усть Вагаю»[178]. При картографировании Иртыша С. Ремезов несколько иначе обозначил излучину реки близ устья Вагая, назвав ее «Вагайская лука». У основания луки он показал тонкую цепочку протоков, против которой пометил: «Перекопь Ермакова»[179]. Это название известно было уже в источниках начала XVII в.[180] В нем запечатлелась память о последней стоянке казаков. С. Ремезов слишком буквально истолковал это название, записав, будто «перекопь» через волок учинил сам Ермак.

Сравнительно недавно Д. Н. Фиалков провел аэрофотосъемку устья Вагая и обнаружил пересохшую излучину на самом Вагае. Некогда она служила главным руслом реки. По предположению Д. Н. Фиалкова, имен-

но на этой исчезнувшей излучине, в основании ее, и находилась «перекопь», где располагалась стоянка Ермака[181].

Предположение Д. Н. Фиалкова плохо согласуется с картографическими и иными данными XVII в., помещавшими «перекопь Ермака» в излучину Иртыша. Тобольские казаки в начале XVII в. вспоминали, как Ермак по Иртышу «доидоша близ Вагайского устья и обночевашее на перекопи»[182]. Тобольская записная книга кратко сообщала, что казаки «на Вагайской перекопи стали начевать на острову»[183]. Судя по ремезовским картам конца XVII в., «вагайская перекопь» (и соответственно «остров») находились в основании «Вагайской луки» Иртыша.

Кучум следил за каждым шагом Ермака. Казаки и не подозревали, что им устроена засада менее чем в трех верстах от их «острова». Страшась казацких сабель, хан расположил свои отряды в укрытии за рекою, «в темном диком суземье (глухом дремучем лесу.— *Р. С.*) при речке крутой и топкой велми»[184].

Ночь с 5 на 6 августа выдалась темной и дождливой. Ранний летописец отметил, что казаки находились в состоянии крайней усталости. С. Есипов стал утверждать, будто Ермак, проявив беспечность, не позаботился окружить лагерь крепкой стражей[185]. В «Кратком описании о земле Сибирской» и в Новом летописце та же подробность послужила основой вполне легендарного рассказа.

При Кучуме будто бы находился татарин, приговоренный к смерти. Хан послал его на разведку, пообещав прощение. «Смертник» будто бы дважды побывал в казачьем лагере и убедился в том, что казаки спят. Только тогда Кучум решился напасть на воинов Ермака[186].

В действительности татары сумели внезапно напасть на русский лагерь благодаря темноте и ночной непогоде.

Те же самые обстоятельства помешали им истребить казачий отряд.

Тобольские ветераны отчетливо помнили подробности ночного боя. Но текст Синодика с записью их речей подвергся редакторской правке, полностью исказившей смысл их показаний:

Начальная редакция	Поздняя редакция
И подсмотриша нечестивыя, и нападоша на станы их нощию... ужаснушася от нечестивых и в бегство преложишас, а инем на станех побитым и кровь свою пролиша: Якову, Роману, Петру 2, Михаилу, Ивану, Ивану и Ермаку [187].	Погани же подсмотриша их и нападоша на станы их нощию, ...и там вси избиены быша. И на том деле убиенным Ермаку...[188]

Автор ранней Тобольской летописи использовал исправленный вариант Синодика. Свой рассказ он закончил словами: «...и тако ту вои избиени быша, един токмо утече»[189]. Синодик дает основания утверждать, что отряду Ермака удалось избежать поголовного истребления и лишь некоторые из казаков («иные») были побиты на станах. Этот вывод полностью согласуется с наиболее достоверными сведениями о численности казачьего отряда. Из 108 чел., бывших при Ермаке на Вагае, остались в живых 90.

Ко времени составления Синодика в Тобольске находились не только ермаковцы, но и татары, сражавшиеся на стороне Кучума. Летописец дает прямую ссылку на их показания при описании последнего боя на Вагае. Эти показания точнее всего переданы Строгановской летописью: «Последи же нецы (некоторые.— *Р. С.*) глаголют от язык (туземцев.— *Р. С.*) о том, яко воспряну ту храбрый ваш воин Ермак от сна своего в виде дружину свою от нас побиваемых» и пр.[190] В летописи С. Есипова текст подвергся правке. Ее автор исключил ссылку на рассказ иноязычных и благочестиво заменил слова «от

нас (татар.— *Р. С.*) побиваемых» словами «от поганых побиеных»[191]. Объясняя причины гибели Ермака, С. Есипов вставил указание на его железную кольчугу, начисто отсутствовавшее в татарском предании. В позднем сочинении С. Ремезова фигурировали уже не кольчуга, а два царских панциря, якобы помешавшие Ермаку добраться до своего струга.

Строгановская летопись	Есиповская летопись	История Сибирская
...побеже в струг и не може доити своих дсп, поиеже. бо в дали растояние, и тут ввержеся в реку и утопе[192].	...побеже в струг свой и не може доити, понеже одеян железом, стругу же отплывшу от брега, и не дошед утопе[193].	...бежа в струг и не може скочити, бо одеяи двема царскими панцыри, струг же отплы от брега, и не дошед утопе...[194]

Подробности насчет панцирей (кольчуги), по-видимому, носят легендарный характер: даже во время походов воины надевали тяжелые панцири лишь перед боем, никогда никто не спал в доспехах. Казаки подверглись внезапному ночному нападению, и у Ермака едва ли было время облачиться даже в один панцирь.

Сибирские летописцы записали татарское предание о последних минутах жизни Ермака. По легенде, победителем Ермака был будто бы могучий и храбрый Кучугай, воин Кучума. В окружении сибирского хана, по-видимому, был человек, носивший имя Кучугая или Кутугая. Он служил дворецким мурзой при хане, собирал ясак от его имени, побывал в плену у Ермака, но был отпущен[195]. При ночном нападении на казацкий лагерь Кучугай «устремился за Ермаком в струг; стругу же отплывшу от брега и плывушу по рекы; они же показаша между собою брань велию, сразишеся друг с другом». Вооруженный саблей Ермак «нача одолевати» татарина, размахивавшего коротким копьем. Но у казака развязался ремень шле-

ма и обнажилось горло. Тут «Кучугай прободе (Ермака.— *Р. С.*) в гортань»[106].

Никто не мог знать в точности, как протекал скоротечный ночной бой. Уцелевшие казаки кратко и неохотно говорили о нем. Картину происшедшего можно восстановить лишь приблизительно.

Татары, напавшие на спящий лагерь, понимали, что русские окажутся в их руках, как только будут захвачены их струги. Для казаков единственная возможность избежать гибели была в том, чтобы погрузиться на суда и как можно скорее отчалить от берега. Ермак бился с врагами до последней минуты, прикрывая отступление отряда. Благодаря этому казаки избежали поголовного истребления.

Атаман Ермак Тимофеевич приобрел после смерти огромную популярность. Народ прославил его в своих песнях и сказаниях, отдав должное его мужеству, преданности товарищам, воинской доблести. Располагая небольшими силами, Ермак сумел добиться выдающегося успеха, разгромив Сибирское «царство». Три года казачья дружина не знала поражений перед лицом многочисленных неприятелей. Наседавшие со всех сторон враги, суровые морозы, голод, невыносимые лишения — ничто не могло сломить волю казаков.

В последнем ночном бою поредевший отряд понес небольшие потери, но лишился испытанного вождя. Смерть Ермака означала конец экспедиции. Добравшись до Кашлыка, казаки приняли решение о возвращении на Русь. Более 500 чел. перевалили Урал с Ермаком. Только 90 вернулись на Русь с атаманом Матвеем Мещеряком и головой Иваном Глуховым. Казаки ушли из Сибири Печорским путем, по которому проследовала в Москву станица Черкаса Александрова, а затем — отряд И. Киреева с Маметкулом. М. Мещеряк спустился вниз по Иртышу и Оби и прошел через Урал на Печору[107].

Покидая Сибирь, казаки не знали, что подкрепления

из Москвы уже перевалили Уральский хребет. Воевода И. Мансуров преодолел горы и стремительно приближался к покинутому Кашлыку.

Погодинская летопись сообщает, что в новой экспедиции участвовали крупные силы — «семьсот человек служилых людей разных городов, казаков и стрельцов»[198]. Прибыв в окрестности сибирской столицы, И. Мансуров узнал, что город оставлен. По преданию, воевода не осмелился высадиться под Кашлыком на виду у многочисленного татарского войска. Памятуя о судьбе С. Болховского, он не стал задерживаться на Иртыше и предпринял попытку догнать казаков. Пока судовая рать плыла по Иртышу, наступили холода. Опасаясь, что близкие морозы могут в любой момент сковать реки льдом, И. Мансуров принял решение зазимовать на Оби. Московские власти учли опыт С. Болховского и снабдили новый отряд всем необходимым — зимней одеждой, продовольствием. Воевода использовал оставшиеся осенние недели, чтобы подготовиться к зимовке. Близ устья Иртыша ратные люди срубили Обский городок, на время ставший опорным пунктом русских в Зауралье.

Весть о гибели Ермака мгновенно распространилась по всей Сибири. Князьки в Приобье поспешили сложить присягу царю и, собрав множество воинов, осадили И. Мансурова. В течение дня они приступали к урочищу со всех сторон, а на другой день привезли в окрестности острожка идола и устроили жертвоприношения. Метким выстрелом из пушки ратные люди разбили вдребезги дерево, под которым ханты устроили это мольбище. Напуганные князьки разбежались[199].

Одной из самых крупных волостей на западных притоках Оби была волость Ляпин. Ее князек Лугуй оказал поддержку воеводе. В 1586 г. он ездил в Москву и получил жалованную грамоту. Лугуй обязался платить царю дань по 280 соболей ежегодно[200].

Отправив за Урал крупные силы во главе с И. Ман-

суровым, правительство поспешило заверить иностранных дипломатов, будто покорение Сибири завершено. «А поделал государь,— заявляли царские дипломаты,— городы в Сибирской земле в Старой Сибири и в Новой Сибири на Тюменском городище, и на Оби на усть Иртыше тут город те государевы люди (И. Мансуров.— *Р. С.*) поставили и сидят по тем городам и дань со всех тех земель емлют на государя»[201]. Правдой в официальных заявлениях было лишь то, что И. Мансуров основал Обский городок, с тем чтобы обеспечить себе безопасный путь к отступлению на Русь.

Вернувшимся в Москву М. Мещеряку и казакам не была оказана торжественная встреча. Тем не менее, как повествуют официальные источники, царь Федор «на них не опалился»[202]. Сведения из Сибири поступали неутешительные, и в 1586 г. Разрядный приказ снарядил против Кучума новое войско. Возглавили его воеводы В. Сукин и И. Мясной[203]. Ч. Александров и М. Мещеряк двинулись за Урал вместе с ними[204]. Воевода В. Сукин получил приказ закрепиться на Тагиле и Туре. Он выполнил задачу и основал над Турою, на месте древней татарской столицы Чинги-Туры, Тюменский острог[205]. Прошло около года, прежде чем воеводы проникли в сердце Сибирского «царства».

Предвосхищая события, Посольский приказ уведомил соседние государства, что Сибирь и сопредельные земли платят в царскую казну несметную дань. По заявлениям русских дипломатов, «ясаку положил (царь.— *Р. С.*) на Сибирское царство и на Конду большую и на Конду на меньшую, и на Пелымское государство, и на Туру реку, и на Иртыш и на Иргизское государство, и на Пегие Колмаки и на Обь Великую и на все городки на обские, на девяносто на четыре городы — с году на год имать по пяти тысячь сорок соболей, по десяти тысячь черных лисиц, да по пяти сот тысяч белки большие сибирские и летцкие»[206]. Донесения Ермака из Сибири, подкрепленные привезенным Ч. Александровым ясаком, создали у пра-

вительства представление о неисчерпаемых пушных богатствах Сибири. Поскольку казаки, а после них И. Мансуров успели обложить государевой данью лишь земли по нижнему течению Иртыша и Оби, Посольский приказ особо упомянул о 94 обских городках.

Двести тысяч соболей — столько «мягкой рухляди» царское правительство надеялось получать из-за Урала ежегодно. И в самом деле, в ближайшие годы государева казна пополнилась неслыханным количеством мехов. Европа была поражена, когда московский двор направил в качестве субсидий («вспоможенья») австрийским Габсбургам через 10 лет после гибели Ермака 40 тыс. собольих шкурок, 20 тыс. куниц, более 300 тыс. белок[207]. Пражские купцы оценили московские меха в восемь бочек золота. На русских рынках пушнина ценилась много дешевле[208].

События в Сибири развивались своим чередом. Остановившись на Туре, воевода В. Сукин затребовал из Москвы подкреплений. В 1587 г. Разрядный приказ послал за Урал голову Данилу Чулкова со стрельцами[209]. В. Сукин решил не задерживать его в Тюмени и послал в глубь Сибири. Отряд Д. Чулкова спустился по Туре и Тоболу на Иртыш и там выстроил деревянный острог, названный Тобольском. Тобольск располагался на высоком мысу в 15 верстах от Кашлыка[210].

Кучум поспешил занять свою старую столицу, едва лишь М. Мещеряк с товарищами покинули городище. Но престарелому хану не удалось поладить со знатью. Карача вновь отказал Кучуму в поддержке и стал на сторону Сеид-хана. Опираясь на поддержку Карачи и других мурз, Сеид-хан окружил Кашлык и после приступа овладел урочищем. Несколько сыновей Кучума погибли, прочим удалось бежать[211]. Кучум заблаговременно покинул Кашлык. Междуусобная борьба подготовила почву для окончательного падения Сибирского ханства.

Занятый войной с Кучумом, Сеид-хан старался избе-

гать столкновений с русскими. Когда в 1587 г. воеводы появились у самых стен Кашлыка, он попытался завязать переговоры. Д. Чулков пригласил хана и его приближенных в Тобольск на пир. Приняв приглашение, татары позаботились о мерах предосторожности. Сеид-хана сопровождали 500 отборных воинов. Голова Д. Чулков располагал куда меньшими силами. Когда гости явились к воротам Тобольска, Д. Чулков согласился впустить в крепость не более 100 чел. и предложил им снять оружие перед тем, как сесть за пиршеский стол. Карача был человеком крайне осторожным, но, видя малочисленность русских, согласился на их условия.

За столом татары столкнулись лицом к лицу с М. Мещеряком и другими ермаковскими казаками. Едва ли можно предположить, будто Д. Чулков сознательно заманил хана в западню. Скорее всего, события развивались стихийно. Казаки не простили Караче вероломного убийства Ивана Кольца и других своих соратников. Они бросились на Карачу и связали его вместе с ханом. Ханская свита была перебита. Однако самое трудное было впереди. Гвардия хана — 400 воинов — стояла во всеоружии подле ворот острожка[212]. В кровопролитном бою казаки разгромили противника, но заплатили дорогой ценой за победу: в бою погиб «великий атаман» М. Мещеряк, возглавивший экспедицию после гибели Ермака[213]. Сеид-хан был увезен в Москву и там определен на царскую службу.

Пленение Сеид-хана было последним крупным событием, в котором ермаковы казаки участвовали как организованная военная сила. В дальнейшем судьба разбросала их по разным концам Сибири. Ни одна закладка новой крепости, ни одна военная кампания не обходилась без их участия. Показательна судьба одного из самых молодых участников экспедиции Гаврилы Иванова. Вернувшись в Сибирь с отрядом воеводы В. Сукина, он «ставил» крепость Тюмень, «рубил» деревянный Тобольский городок с головой Д. Чулковым, а следовательно, участвовал

в бою с гвардией Сеид-хана, ставил Пелымский и Тарский городки, громил Кучума на Оби, участвовал в пленении царевича Али и пр.[214] Заслуги ветерана первой сибирской экспедиции получили признание лишь когда он достиг старости. В 20-х гг. XVII в. его назначили атаманом конных казаков в Тюмени. К тому времени лишь немногие из соратников Ермака остались в живых.

Казак Ч. Александров вернулся в Сибирь с воеводой В. Сукиным в чине головы. Он командовал сотней служилых татар в Тобольске[215]. Сподвижник Ермака прослужил в Сибири более 50 лет. Приказные грамоты 1638 г. упоминали о его поездке в Москву и даче показаний в приказе Казанского дворца. Документы называли его «тобольского города атаман Иван Олександров»[216].

Участник экспедиции Ермака казак Гриша Ясырь отличился при походе на татар-«малогородцев» в 1595 г. Он продолжал служить в 1601 г.[217] Гаврила Ильин стал атаманом у тобольских «старых казаков», Алексей Галкин — атаманом в Березове[218].

Накануне похода Ермака Строгановы владели землями в нижнем течении Чусовой, на Сылве, Обви, Косве и Яйве[219]. Как только ермаковцы заняли Сибирское ханство, С. Строганов и двое его племянников вновь почувствовали себя хозяевами в Приуралье. Они разослали своих людей ко всем «инородцам» на Каме, Чусовой, Усве, Сылве, Яйве, Обви, Инве, Косве и других реках, приводя их к шерти. Строгановы, как повествует их летописец, «ясашнаго ради збору по рекам в татарские и в вогульские улусы людей своих (начали.— *Р. С.*) посылати и ясак с них бусормен собирати и к Москве с людми своими в Ноугородскую четь посылати»[220]. Как видно, предприимчивые промышленники пытались собирать ясак не только с приуральских манси, но и с сибирских татар. Они не прочь были повторить камский опыт в Сибири. В самом деле, на руках у них была царская грамота, предоставлявшая им право основывать городки и поселения по Тоболу

«и кои в Тобол-реку озера падут и до вершин»[221]. Солепромышленники получили от Ивана IV льготу на будущие сибирские владения, причем срок их льготы истекал лишь в 1594 г. Права Строгановых подкреплял также и тот факт, что они понесли расходы в связи со снаряжением экспедиции Ермака.

Однако со смертью Ивана IV положение в Москве переменилось. С политического горизонта исчезли Богдан Бельский и другие опричники, покровительствовавшие Строгановым. Притязания солепромышленников на сибирские земли вызывали раздражение в Москве. Новые власти воспретили Строгановым собирать ясак в казну и распорядились проводить «ясашные зборы» по городам «от воевод, где те языцы живяху в разных местах»[222].

Исследователей давно ставило в тупик известие Строгановской летописи о том, что царь после «сибирского взятия» оказал милость Строгановым — «за их службу и раденье пожаловал городы Солью Большею, еже есть на Волге, и Солью Малою»[223]. Поскольку никаких следов передачи названных городков в руки пермских солепромышленников не удалось разыскать, возникло предположение, что грамот, упомянутых в летописи, просто не существовало[224]. Авторы подобного предположения не объяснили мотивов подлога, что в определенной мере лишило их гипотезу доказательной силы. Можно полагать, что налицо более тонкая фальсификация. Строгановский летописец описал выдачу грамоты в следующих выражениях: «Государь царь... грамоту свою царскую па те места Семену Строганову пожаловал за красною печатью за приписью дьяка Андрея Шелкалова, по чему ему теми городами владети»[225]. Вполне допустимо, что придворный историограф в самом деле держал в руках царскую грамоту и точно описал подпись и красную печать, висевшую на ней. Но есть основания предполагать, что «пожалование» Строгановым было связано не с награждением, а с опалой.

Неслыханное земельное обогащение Строгановых давно вызывало недовольство столичной знати. Не только дворянские, но и боярские вотчины далеко уступали тем землям, которыми фактически владели солепромышленники. Своими богатствами Строгановы могли поспорить с главой Думы удельным князем Ф. Мстиславским. Им принадлежало несколько городков и острогов на Каме и Чусовой и десятки деревень.

Пока жив был Грозный, бояре ничего не могли поделать. Когда он умер, земское правительство упразднило прежние порядки и лишило всех бывших опричников чинов, выслуженных в опричнине, высоких окладов и т. д. Власти припомнили Строгановым и их опричную службу и земельные пожалования, полученные из опричнины.

Английский посол Д. Флетчер, будучи в Москве в 1588—1589 гг., собрал довольно точную информацию насчет строгановских имуществ. «Зависть и негодование на богатство, несогласное с тамошней политикой, в чьих бы то ни было руках, и в особенности в руках мужика,— писал Д. Флетчер,— побудили царя отбирать у них сначала по частям, иногда 20 000 рублей вдруг, иногда более, пока наконец, в настоящее время сыновья их остались почти без капитала, удержав только весьма малую часть отцовского имущества, между тем как все прочее перешло в царскую казну»[226].

Отбирая имущество и капиталы у Строгановых, власти, возможно, пытались отчасти компенсировать им потери. Не по этой ли причине Семен Строганов получил жалованную грамоту на Соль Большую и Соль Малую? Эти городки издавна составляли владения царской семьи. По завещанию, составленному в годы опричнины, Иван IV распорядился передать их в удел сыну Федору[227]. В этих небольших заволжских городках, располагавшихся подле Нерехты, издавна добывали соль. Со временем соляные залежи тут истощились, и городки утратили былую хозяйственную ценность.

Семен Строганов не успел использовать пожалованные ему земли. В Соли Вычегодской он распоряжался и самоуправствовал не меньше, чем в Перми, занимался ростовщичеством, скупал и брал в заклад варницы, амбары, кузницы, землю, кабалил городскую бедноту. Насилия вызвали протест среди жителей Соли Вычегодской. Они восстали и в ночь на 22 октября 1586 г. убили Семена Аникиевича Строганова [228].

Власти решили использовать смерть главы торгового дома, чтобы окончательно наложить руку на имущество семьи [229]. Д. Флетчер упомянул об опале на Строгановых в связи с сибирскими делами: «...царь Федор был доволен их (строгановской.— *Р. С.*) податью до тех пор, пока они не приобрели землю в Сибири... тут он насильно отнял у них все» [230]. Факт конфискации у Строгановых их «столицы» городка Орла со всей камской вотчиной имеет документальное подтверждение.

До сих пор в литературе не было обращено внимания на любопытное совпадение. В 1588—1589 гг. Д. Флетчер записал сведения о лишении Строгановых их имущества. В те же самые годы Разрядный приказ составил «боярский список», содержавший важные сведения о сибирских воеводах. С осени 1588 г. и до осени 1589 г. дьяки регулярно вносили в текст списка пометы о служебных перемещениях воевод [231]. В итоге против имени В. Сукина появилась помета: «У пристава. В опале». Помощник тюменского воеводы В. Сукина И. Мясной попал под стражу (помета «У пристава»), основатель Тобольска Д. Чулков тоже попал под арест (помета «В тюрьме») [232]. Сибирские воеводы В. Сукин и его товарищи добились крупных военных успехов в Сибири: основали крепости, заняли Кашлык, пленили Сеид-хана. Почему же их заключили в тюрьму, невзирая на заслуги? Не следует ли связать гонения на сибирских воевод с опалой на Строгановых?

Дело, возбужденное против воевод, не имело серьез-

ных последствий. Младшие воеводы вскоре заслужили прощение и были назначены в шведский поход. Дьяки включили в списки участников похода и В. Сукина, но более высокие инстанции распорядились вычеркнуть его имя из списков [233]. Как видно, тюменский воевода провинился больше, чем его помощники.

Опала покончила с попытками Строгановых утвердить свое влияние на новых землях. Их люди прекратили собирать ясак по всему Приуралью. Однако казна не могла длительное время обходиться без строгановских услуг. Потому после непродолжительного времени Годунов и бояре объявили об их прощении. В 1590—1591 гг. царь Федор «пожаловал» «Никиту Григорьева сына Строганова, велел ему вотчиною его, городком Орлом, слободою и с варницами и с деревнями и с починками и со всеми к ним угодьи владеть по прежнему...»[234].

В последующие годы Строгановы предприняли энергичные попытки вернуть себе расположение царя Федора и правителя Бориса Годунова. По словам голландского купца И. Массы, они поднесли Годунову подарки и изложили проект полного подчинения самоедских племен к востоку от Оби. Снаряженные ими люди проникли на 200 миль за Обь и будто бы добились успеха: «многих людей с восточной стороны Оби склонили они к своему намерению, так что они добровольно подчинились русскому царю, позволили обложить себя данью»[235]. Борис Годунов оценил старания Строгановых. Как отметил И. Масса, «после того, как дела эти приняли такой оборот..., Аниковичи еще больше возвысились, и получили большие привилегии и власть над многими местностями, которые были присоединены к их земле»[236]. Известие И. Массы подтверждается фактами. Благодаря покровительству Годунова Никита Строганов 7 апреля 1597 г. получил новое пожалование — более полумиллиона десятин земли на Каме [237].

С присоединением Сибири власти приступили к поис-

кам надежных путей в Зауралье. Дорога с Чусовой на Тагил была труднопроходимой. Более удобным оказался Лозьвинский путь с Вишеры за Камень. В 1590 г. воеводы выстроили острожек на р. Лозьве. Спустя три года воеводы Н. Траханиотов и П. Горчаков возглавили поход против Пелымского княжества. Им наказано было «приманить» местного князька Аблегирима и пять-шесть «лучших» людей, повинных в учинении «смуты», и повесить их, а «черных людей всех обласкать и обнадежить, чтобы жили по своим юртам, платили ясак и приходили в город, ничего не опасаясь»[238]. Неизвестно, удалось ли царским воеводам захватить пелымского князька в плен. Его имя не упоминалось более в документах.

Московские власти предписали воеводам основать городок в волости Табары на Тавде, где у манси была небольшая пашня. Однако П. Горчаков и Н. Траханиотов основали крепость близ устья Пелыма. Во втором пелымском походе участвовали и ветераны из отряда Ермака[238].

Из Каргополя, Перми и Вятки в окрестности Пелыма прибыли первые русские крестьяне-переселенцы. Их поселили отдельной слободой и выделили землю под пашню. Гарнизонные стрельцы также получили разрешение заводить пашню.

Из Пелыма Н. Траханиотов с ратными людьми ушел на стругах в Тобольск, а оттуда — на Обь. Он выстроил городок Березов на р. Сосьве близ ее впадения в Обь, там где пролегал древний путь из Югры в Печорский край.

В 1594 г. русские отряды прошли вверх по Оби до р. Сургутки, где располагалось хантское княжество. Местный князек Бирдан, с трудом оборонявшийся против соседей — так называемой Пегой Орды, добровольно принял русское подданство и помог воеводам выстроить на Оби городок Сургут. Старый Обский городок, основанный И. Мансуровым, был сломан и сожжен, а его гарнизон переведен в Сургут[248].

Выстроив сеть укреплений на севере, русские двинулись на южные окраины Сибирского ханства, куда Кучум перенес свои кочевья после изгнания из Кашлыка. В 1594 г. А. Елецкий с полуторатысячным экспедиционным корпусом выступил вверх по Иртышу. В дни своего последнего похода Ермак достиг крайних пределов Сибирского ханства на Шиш-реке[241]. А. Елецкий прошел дальше и приступил к сооружению крепости на Иртыше близ впадения в него Тары. В походе на Тару участвовал атаман Ч. Александров, возглавлявший сотню служилых татар из Тобольска[242]. Оставленный в Тарском городке гарнизон насчитывал более 300 ратников и казаков.

Московские власти принимали энергичные меры к тому, чтобы восстановить традиционные торговые связи Западной Сибири со Средней Азией. В 1595 и 1596 гг. правительство неоднократно посылало воеводам наказы с предписанием без задержки пропускать бухарских и ногайских купцов в Тобольск и Тюмень, «бережение к ним и ласку держати великую» и предоставить им беспошлинный торг[243].

В 1593—1594 гг. Кучум обратился в Москву с грамотой. Он просил царя пожаловать его, отдать сибирский юрт «под царскую высокою рукою», а также ходатайствовал об отпуске к нему из плена Маметкула[244]. В Москве не придали значения миролюбивым заявлениям Кучума. Его вероломство было хорошо известно. Маметкул справедливо считался лучшим военачальником Сибирского «царства», и если Кучум пытался его вызволить, то не потому ли, что замышлял новую войну? В самом деле, в 1595—1596 гг. Кучум не раз обращался к правителю Бухары Абдуллах-хану с настойчивой просьбой о военной помощи. Бухарский правитель был поглощен борьбой за Хорезм и отказал ему. Будучи вытеснен со своих кочевий, Кучум силой завладел ногайским улусом Авлия Мирзина. Это вызвало раздражение в Бухаре. Абдуллах потребовал, чтобы Кучум немедленно вернул землю Авлию,

учинил его «меньшим братом» для совместной войны с русскими[245].

В 1596 г. тарский воевода князь Ф. Елецкий с отрядом в 467 чел. настиг Кучума в городке Тупус и разбил его. Кучум спасся бегством[246].

По мере того, как владения Кучума сокращались, росли раздоры среди его знати. В Москву поступали вести о том, что Кучума покинула могущественная знать, принадлежавшая к роду Тайбуги. Московские дьяки упомянули об этом в одной из грамот на имя Кучума: «Которые ногайские улусы, тайбугин юрт, которые кочевали вместе с тобою, от тебя отстали, на которых людей была тебе большая надежда»[247].

Некоторые знатные мурзы, не желая лишиться своих улусов, поступали на царскую службу. В числе их были Чин-мурза Исупов, а также мать царевича Маметкула.

Зная о трудном положении Кучума, Борис Годунов предпринял попытку привлечь его самого на русскую службу и таким путем закончить войну. По царскому приказу находившийся в Москве в плену сын Кучума Абдул-Хаир написал грамоту отцу, предлагая ему «покрыть свои вины» и отдаться под покровительство царя. Абдул-Хаир советовал Кучуму доказать свою добрую волю, прислав в Москву одного из своих сыновей[248].

Не получив ответа, московские власти в 1597 г. предприняли новый демарш. Абдул-Хаир, на этот раз вместе с Маметкулом, направил новое письмо Кучуму, где сообщалось, что они несут в Москве службу и получили в удел города и волости. От имени царя Федора Маметкул и Абдул-Хаир предлагали Кучуму две возможности: либо он приедет в Москву и получит щедрые земельные владения — города и волости, либо царь вновь «учинит» его на Сибирском «царстве» под своей высокой рукой. В Москве была составлена от имени царя Федора «опасная» грамота Кучуму, гарантировавшая ему безопасный проезд и

царскую милость. Путь в Сибирь был далек, и московские грамоты, как видно, не попали в руки Кучума.

Кучум избегал мирных переговоров с Москвой, но по различным частным поводам сносился с ближайшим к нему тарским воеводой. Свое последнее письмо к нему он адресовал так: «От вольного человека от царя боярам поклон!» Хан желал узнать у воевод, нет ли указа насчет него от царя из Москвы. Он явно ничего не знал о царской «опасной» грамоте и добивался некоторых практических уступок. «Прошу у великого князя у белого царя,— писал он,— Иртишского берегу, да и у вас у воевод, бью челом, того ж прошу». Помимо пастбищ хана беспокоил вопрос о вещах, которые попали к воеводам вместе с имуществом перехваченного ими каравана из Бухары. Кучум просил вернуть ему три вещи, включая снадобья для лечения глаз [249]. В заключение Кучум выражал в самых общих и неопределенных выражениях надежду на возможность примирения с русскими. «А от Ермакова приходу и по ся места пытался есмя встречно стояти,— сокрушенно признавал Кучум,— а Сибирь не яз отдал, сами естя взяли; и ныне попытаем миритца, либо будет на конце лутче» [250].

Кучум отклонил предложение царя о присылке сына в Москву и проведении мирных переговоров. Еще в 1597 г. хан восстановил свою власть в татарских волостях (Тереня, Любар и др.), плативших до того ясак в царскую казну. Русские власти в Таре получили сведения о том, что Кучум готовит нападение на этот город [251]. В такой обстановке помощник тарского воеводы А. Воейков в августе 1598 г. отправился в Барабинские степи, чтобы отыскать и разгромить Кучума. При А. Воейкове находились голова Ч. Александров, ратные люди, казаки, служилые татары, всего 400 чел. Ч. Александров возглавил поиск в двух «волостях», только что «отведенных» от царя Кучумом. Захваченные им «языки» показали, что хан кочует на Черных водах и при нем находятся «в собранье»

500 татар да еще 50 бухарских торговых людей[252]. Захваченные кучумовы люди подтвердили, что Кучум откочевал на Обь и собирает отовсюду людей, чтобы идти войной под Тарский городок. Вести встревожили воеводу. В двух днях пути от кочевий Кучума было замечено сосредоточение воинов-калмыков — 5 тыс. чел. Намерения их оставались неизвестными.

А. Воейков решил не терять времени. Ратные люди шли днем и ночью. Наконец, на рассвете 20 августа они приблизились к ставке Кучума. Побоище началось на заре и закончилось в полдень. Несмотря на то, что при Кучуме было более 500 воинов, тогда как у А. Воейкова лишь 400, татары потерпели сокрушительное поражение. В бою погибли брат и двое внуков Кучума, шесть князей, 15 мурз и «аталыков», 150 чел. ханской гвардии. Еще около 150 татар погибли при отступлении. В плен к русским попали пять младших сыновей Кучума, восемь цариц из его гарема, пять высших сановников и 50 отборных воинов[253].

Кучума не было ни среди убитых, ни среди пленных. Одни говорили, что хан «в Оби реке утоп», другие — будто «Кучум в судне утек за Обь реку»[254]. Действительно, хан в разгар боя бежал в небольшой лодке «сам третий». А. Воейков пытался настигнуть беглецов, для чего наскоро соорудил плоты. «Плавал я,— писал воевода в Москву,— на плотах по Оби и за Обью рекою, по лесам искал Кучума и нигде не нашел».

Кучум ускользнул от погони. Вслед за тем к нему «прибежали» трое старших сыновей и около 30 воинов. С ними он вернулся на место битвы и в течение двух дней хоронил убитых, а потом послал гонца к своему вассалу мурзе Кожбахтыю в соседнюю волость, прося лошадей и платье «на чем бы ему мочно поднятца». Мурза прислал ему коня и шубу, а затем сам прибыл к Оби и предложил Кучуму свидеться. Хан не стал дожидаться мурзу и ночью бежал прочь.

С наступлением осени 1598 г. тарские воеводы вновь предложили Кучуму поступить на государеву службу, обещая, вернуть жен и детей и пожаловать «царским жалованьем». При Кучумо не осталось ни одного писца, и он передал ответ воеводам на словах: «...не поехал, ден, я к государю по государеве грамоте, своею волею, в кою ден пору я был совсем цел, а за саблею ден мне к государю ехать не по что, а нынеча ден я стал глух, и слеп, и безо всякого живота».

Старшие сыновья давно отделились от отца, и он более всего горевал о пленении своего «промышленника» (кормильца) — 30-летнего царевича Асманака: «Хотя бы ден у меня всех сыновей поимали, а один бы ден у меня остался Асманак, и яз бы ден об нем ещо прожил, а нынеча ден я иду в Нагаи, а сына ден своего посылаю в Бухары»[255]. Кучум предполагал послать в Бухару сына Каная, мать которого доживала век в одном из бухарских городов. Но царевич так и не уехал в Бухару. В 1601 г. он жаловался на интриги бухарцев: «...отца де их Кучюма, заманив в колмаки (бухарцы.— *Р. С.*) оманом убили», а кроме того, «у них в Бухарех многих нагайских мурз, заманив омапом, побили»[256].

С гибелью Кучума Сибирское ханство окончательно прекратило существование.

* * *

Вольные русские колонисты явились пионерами в освоении новых земель. Опережая правительство, они обжили «дикое поле» в Нижнем Поволжье, на Тереке, Яике и Дону. Поход Ермака в Сибирь был прямым продолжением этого народного движения. То, что первыми русскими поселенцами здесь стали вольные люди, оказало большое влияние на исторические судьбы Сибири. Преобладание народной колонизации привело к тому, что феодально-

дворянское землевладение и крепостное право никогда не утвердились на сибирской окраине.

Казаки Ермака сделали первый шаг. Следом за ними на Восток двинулись крестьяне, промышленники-звероловы, служилые люди. В борьбе с суровой природой они отвоевывали у тайги землю, основывали поселения и закладывали очаги земледельческой культуры.

Царизм нес угнетение коренному населению Сибири. Его гнет испытывали на себе в равной мере и русские переселенцы. Сближение трудового русского народа и местных племен благоприятствовало развитию производства, преодолению вековой разобщенности сибирских народностей, воплощая в себе будущее Сибири.

Новый XVII век стал поистине веком великих географических открытий русских на Востоке. С основанием Мангазеи в Обской губе возникло «мангазейское мореплавание» по Ледовитому океану между Архангельском и Обью. Казаки-землепроходцы освоили пути с Енисея в устье Лены и далее — на Индигирку и Колыму. Следуя из Якутска на восток, они вышли к Охотскому морю. Отряд Семена Дежнева открыл в 1648 г. пролив, отделявший Азию от Америки. Началось освоение русскими побережья Тихого океана.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
БАН — Библиотека Академии наук СССР
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГПБ — государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
МОИДР — Московское общество истории и древностей российских
ОР — Отдел рукописей
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИБ — Русская историческая библиотека
РИО — Русское историческое общество
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

[1] **Ремезов С.** История Сибирская.— Сибирские летописи. Спб., 1907, с. 312—366.

[2] **Андреев А. И.** Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири.— Сов. этнография, 1936, № 6, с. 93—103; **Он же.** Труды В. Н. Татищева по географии России.— В кн.: **Татищев В. Н.** Избранные труды по географии России. М., 1950, с. 3—35; **Мирзоев В. Г.** Историографии Сибири. М., 1970, с. 59—66.

[3] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1. М.— Л., 1937.

[4] Подробнее об исторических приемах Г. Ф. Миллера см.: **Огородников В. И.** Очерк истории Сибири до начала XIX в., ч. 1. Иркутск, 1920, с. 48—58; **Бахрушин С. В.** Г. Ф. Миллер как историк Сибири.— В кн.: **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, с. 3—57; **Мирзоев В. Г.** Историография Сибири, с. 84—87.

[5] **Бахрушин С. В.** Г. Ф. Миллер как историк Сибири, с. 43.

[6] **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 1. М., 1955, с. 61.

[7] **Ломоносов М. В.** Полное собрание сочинений, т. 6. М., 1952, с. 448.

[8] **Мирзоев В. Г.** Историография Сибири, с. 111.

[9] **Радищев А. Н.** Полное собрание сочинений, т. 2. М.— Л., 1941, с. 151.

[10] **Карамзин Н. М.** История государства Российского, т. 9. Спб., 1821, с. 371.

[11] **Словцов П. А.** Историческое обозрение Сибири. Книга первая с 1585 по 1742 г. Спб., 1886; **Щеглов И. В.** Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032—1832 гг. Иркутск, 1884; **Андриевич В. К.** Исторический очерк Сибири, ч. 1. Спб., 1889.

[12] **Соловьев С. М.** История России, кн. 3. М., 1960, с. 693; кн. 4. М., 1960, с. 390, 391.

[13] Там же, кн. 3, с. 690, 691.

[14] Герцен А. И. Полное собрание сочинений, т. 9. Пг., 1919, с. 458.

[15] Ключевский В. О. Неопубликованный курс лекций (см.: Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974, с. 361).

[16] Окладников А. П., Копылов А. Н. С. В. Бахрушин как историк Сибири.— В кн.: Бахрушинские чтения, 1966. Вып. 1. Новосибирск, 1968, с. 7.

[17] Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 1. М., 1955, с. 145.

[18] Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов XVII—XVIII вв. Л., 1937.

[19] Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974, с. 225, 231.

[20] Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. М.—Л., 1946; Он же. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.)). М., 1955.

[21] Введенский А. А. Торговый дом в XVI—XVII вв. Л., 1924; Он же. Дом Строгановых в XV—XVII вв. М., 1962.

[22] Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII вв., с. 4.

[23] Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1. М.— Л., 1960, с. 216.

[24] Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972, с. 53, 54.

[25] Там же, с. 55.

[26] Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.

[27] Бояршинова З. Я. К вопросу о присоединении Западной Сибири к Русскому государству.— Тр. Томск. гос. ун-та, 1957, т. 136, с. 147—156.

[28] Дулов В. И. Когда началось присоединение Сибири к России?— Изв. Сиб. отд-ния АН СССР, 1964, № 5. Сер. обществ. наук, вып. 2, с. 112—116.

[29] Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России, с. 225.

[30] Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М., 1960, с. 68.

[31] Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России, с. 212, 213.

[32] Окладников А. П. Открытие Сибири. М., 1979, с. 163—165.

[33] См. с. 81.

[34] Шляков П. В. Ермак Тимофеевич летом 1581 г.— ЖМНП, 1901, июль, с. 41.

[35] Красинский Г. Покорение Сибири и Иван Грозный.— Вопр. истории, 1947, № 3, с. 95, 96.

[36] Там же, с. 94, 95, 97.

[37] Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь..., с. 32, 33, 36, 37.

[38] Сергеев В. И. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ерма-

ка.— Вопр. истории, 1959, № 1, с. 23—127; **Он же.** Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков.— В кн.: Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976, с. 38.

[39] **Сергеев В. И.** Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов.— В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 179.

[40] Там же, с. 174—179.

[41] **Преображенский А. А.** Урал и Западная Сибирь..., с. 40; **Скрынников Р. Г.** Подготовка и начало сибирской экспедиции Ермака.— Вопр. истории, 1979, № 8.

ГЛАВА I

[1] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1. М.— Л., 1937, прил., с. 341—342.

[2] **Преображенский А. А.** Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVII в. М., 1972, с. 36; **Сергеев В. И.** Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков.— В кн.: Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976, с. 28—32.

[3] **Бахрушин С. В.** Вопрос о присоединении Сибири в исторической литературе.— Научные труды, т. 3, ч. 1. М., 1955; **Лихачев Д. С.** Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947; **Андреев А. И.** Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1. М.— Л., 1960.

[4] **Дворецкая Н. А.** Археографический обзор списков повестей о походе Ермака.— ТОДРЛ; М.— Л., 1957, т. 13, с. 467—482; **Дергачева-Скоп Е. И.** Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965; **Сергеев В. И.** У истоков сибирского летописания.— Вопр. истории, 1970, № 12, с. 45—60; **Ромодановская Е. К.** Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973.

[5] **Андреев А. И.** Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1, с. 211; **Дворецкая Н. А.** Археографический обзор..., с. 478, 479.

[6] БАН, ОР, 32.8.8.

[7] Сибирские летописи. Спб., 1907, с. 307, 308.

[8] БАН, ОР, 32.8.8, л. 170.

[9] ПСРЛ, т. 14. М., 1965, с. 33.

[10] БАН, ОР, 32.8.8, л. 171.

[11] ПСРЛ, т. 14, с. 34.

[12] БАН, ОР, 32.8.8, л. 170, 171.

[13] ПСРЛ, т. 14, с. 33.

[14] Время пребывания Киприана в Сибири наиболее точно оп-

ределяется Тобольской записной книгой (Книга записная. Томск, 1973, с. 18).

[15] Книга записная, с. 18—21.

[16] Буцинский П. Н. Открытие Тобольской епархии и первый архиепископ Киприан.— Вера и разум, 1890, вып. 21, с. 639—641.

[17] ЦГАДА, Сибирский приказ, ф. 214, ст. 3, стб. 6112/68, л. 74. 88.

[18] Преображенский А. А. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России.— В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976, с. 379.

[19] Там же.

[20] Запись о составлении Синодика помимо летописи С. Есипова приведена также в «Описании о поставлении града Тобольска». См.: БАН, ОР, 32.8.8, л. 174 об.

[21] Там же.

[22] ГИМ, ОР. Собр. Уварова, № 931 (370/540).

[23] Ромодановская Е. Н. Синодик ермаковым казакам. (Предварительное сообщение.) — Изв. Сиб. отд-ния АН СССР, 1970, № 11. Сер. обществ. наук, вып. 3, с. 14—16 (далее при ссылке на публикацию Е. К. Ромодановской Синодика дается Синодик ермаковым казакам). Текст Синодика пополнялся до времени царя Алексея Михайловича. Имя Федора Алексеевича приписано другим почерком.— ГИМ, ОР, Собр. Уварова, № 931 (370/540), л. 87.

[24] Синодик ермаковым казакам, с. 20.

[25] Там же, с. 20.

[26] Сибирские летописи, с. 166.

[27] БАН, ОР, 32.8.8, л. 170.

[28] Сибирские летописи, с. 168.

[29] Там же, с. 38, 148.

[30] БАН, ОР, 32.8.8, л. 171.

[31] ГПБ, ОР, Эрмитажное собр. F IV. № 327, л. 83.

[32] Синодик ермаковым казакам, с. 20, 21.

[33] ГПБ, ОР, Эрмитажное собр., F IV, № 327, л. 83.

[34] Там же; см. также: Синодик ермаковым казакам, с. 19.

[35] На похоронах Нектария его гроб «провожал за город сам государь царь и со всеми властьми» (см.: Книга записная, с. 28).

[36] Сибирские летописи, с. 353, 354.

[37] Там же, с. 169, 170.

[38] Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 22—30.

[39] Сибирские летописи, с. 23, 24.

[40] Там же, с. 129, 130.

[41] Там же.

[42] ПСРЛ, т. 22, ч. 1. Спб., 1911, с. 365, 366. Отмеченные текстуальные заимствования были впервые выявлены в исследовании

Е. К. Ромодановской. См.: **Ромодановская Е. К.** Русская литература в Сибири первой половины XVII в., с. 114, 115.

[43] **Сибирские** летописи, с. 24.

[44] **РИБ**, т. 13, с. 678, 645, 667.

[45] **Синодик** ермаковым казакам, с. 20.

[46] БАН, ОР, 32.8.8, с. 171.

[47] **Сибирские** летописи, с. 37, 38.

[48] Там же, с. 147.

[49] **Платонов С. Ф.** Старые сомнения.— В кн.: Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917, с. 175—178; **Ставрович А. М.** Сергей Кубасов и Строгановская летопись.— В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922, с. 285—293.

[50] **Сибирские** летописи, с. 20, 27, 37.

[51] **РИБ**, т. 13, с. 670, 677, 678, 701, 702.

[52] **Сибирские** летописи, с. 32.

[53] **РИБ**, т. 13, с. 666, 673.

[54] **Платонов С. Ф.** Старые сомнения, с. 174.

[55] Повесть 1626 г. состоит из двух частей, тесно связанных между собой единым сюжетом. В первой части автор излагает события, происшедшие со времени «воцарения» Ивана IV до вступления на престол Михаила Романова. Во второй части набросаны литературные портреты всех царей, деяния которых описаны в первой. И первая, и вторая части завершаются сходными по слогу виршами.

[56] **Сибирские** летописи, с. 46.

[57] **РИБ**, т. XIII, с. 707, 711.

[58] **Платонов С. Ф.** Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник. Спб., 1888, с. 257—262.

[59] Там же, с. 205, 217. А. С. Орлов доказал, что большое влияние на Повесть оказал риторический и лексический материал, который дает Троянская история Гвидо де Колумно. (**Орлов А. С.** Повесть кн. Катырева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумно.— В кн.: Сборник статей в честь М. К. Лобавского. Пг., 1917, с. 75.) Наблюдения А. С. Орлова не поколебали общих текстологических выводов С. Ф. Платонова.

[60] **Платонов С. Ф.** Старые сомнения, с. 180.

[61] **Попов А. Н.** Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, с. 231.

[62] **Ставрович А. М.** Сергей Кубасов и Строгановская летопись, с. 285—289.

[63] **Кукушкина М. В.** Семен Шаховской — автор Повести о Смуте.— В кн.: **Памятники** культуры. Новые открытия. М., 1975, с. 76.

[64] В самое последнее время В. К. Зиборов нашел новый список Повести (ГПБ, Собр. Спб. Духовной академии, № 305), анализ

которого позволил ему предположить, что «основная часть повести была создана до того, когда и Катырев-Ростовский и С. Шаховской обратили на нее внимание и создали свои редакции этого памятника» (**Зиборов В. К.** Об авторе так называемой повести Катырева-Ростовского.— В кн.: Источниковедение Древней Руси. Л., 1980, с. 250).

[65] **Буслаев Ф. И.** Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, с. 1048—1050.

[66] **Шаховской С. И.** Домашние записки.— Московский вестник, 1830, ч. 5, с. 69, 70.

[67] **Книга** записная, с. 25.

[68] В 1646 г. С. Шаховской служил в Устюге, но на масленицу 1647 г. его отставили от службы и направили в Соль Вычегодскую. Царь Алексей Михайлович намеревался заслать С. Шаховского на Лену, однако прибывший гонец в феврале 1648 г. объявил, что государь велел его «от ленские службы отставить». Лишь к концу 1648 г. С. Шаховского отпустили из Соли Вычегодской в его вотчину в Галиче (**Древняя** Российская вивлиофика. Изд. 2-е, т. 9. М., 1789, с. 280, 281, **Шаховской С. И.** Домашние записки, с. 69, 70).

[69] **Введенский А. А.** Дом Строгановых..., с. 8, 9.

[70] Сохранилась переписка, которую С. Шаховской вел, будучи в Соли Вычегодской в 1647—1648 гг., с известным тобольским дьяком и литератором Т. Васильевым. В этой переписке нет, однако, и намека на то, что писатель в то время интересовался историей Сибири либо хлопотал о получении летописей из Тобольска и т. д. (**Переписка** Шаховского и Васильева.— Временник МОИДР, М., 1851, кн. 9, отд. 3). Т. Васильев обладал хорошим образованием и склонностью к литературному труду. Его перу принадлежали многочисленные послания (**Веселовский С. Б.** Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 86).

[71] **Андреев А. И.** Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1. М.— Л., 1960, с. 216.

[72] **Введенский А. А.** Дом Строгановых, с. 67, 68.

[73] Там же, с. 68.

[74] **Сергеев В. И.** У истоков сибирского летописания, с. 53.

[75] **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 30.

[76] Согласно городским летописям Сибири, Киприан приказал составить Синодик «на второе лето престольства своего», т. е. в 1622 г. (**Тыжнов И. И.** Заметки о городских летописях Сибири, Спб., 1898, с. 36).

[77] **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 23.

[78] **Ромодановская Е. К.** Русская литература в Сибири..., с. 45.

[79] **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 26, 27.

[80] **Сибирские** летописи, с. 1.

[81] Получив из Москвы разрешение на поминание Ермака,

С. Есипов изменил заголовок летописи следующим образом: «О Сибирской стране, како изволением божиим взята бысть от русскаго полка, собранаго и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевым...» (см.: **Сибирские** летописи, с. 105).

82 **Мирзоев В. Г.** Присоединение и освоение Сибири..., с. 116.

83 **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 29.

84 **Андреев А. И.** Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1, с. 216.

85 **Сибирские** летописи, с. 29.

86 См. с. 45.

87 **Сибирские** летописи, с. 170.

88 Там же.

89 Там же, с. 136, 138, 144.

90 Сб. РИО, ч. 2. Спб., 1875, с. 967.

91 **Сибирские** летописи, с. 158.

92 Там же, с. 42.

93 Там же, с. 155.

94 Там же, с. 155—157.

95 **Сергеев В. И.** У истоков сибирского летописания, с. 52.

96 Там же.

97 Там же.

98 **Дворецкая Н. А.** Археографический обзор..., с. 478.

99 **Дергачева-Скоп Е. И.** Из истории литературы Урала и Сибири, с. 128.

100 **Ромодановская Е. К.** Русская литература..., с. 49, 50.

101 **Ромодановская Е. К.** Погодинский летописец (К вопросу о начале сибирского летописания).— В кн.: **Сибирское** источниковедение и археография. Новосибирск, 1980, с. 58.

102 **Сергеев В. И.** Источники и пути исследования..., с. 43, 44.

103 **Сибирские** летописи, с. 272.

104 Там же, с. 274.

105 Там же, с. 283. Воевода князь Семен назван в Погодинской летописи не Болховским, а Волконским. Эта ошибка объясняется тем, что в распоряжении ее составителя оказался поздний, неисправный список Есиповской летописи.

106 Там же, с. 339.

107 **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, прил., с. 343.

108 **Сибирские** летописи, с. 295.

109 Там же, с. 281.

110 Там же, с. 138, 283.

111 Там же, с. 291.

112 Там же, с. 283.

113 Там же, с. 284.

114 Там же, с. 283, 284, 288.

115 ЦГАДА, ф. 196, собр. Мазурина, № 272, л. 23.

[116] **Сибирские** летописи, с. 271, 272, 276.
[117] Там же, с. 275.
[118] Там же, с. 288. С. Есипов включил в свою повесть фразу: «Ермак... одеян бе железом», которая в Строгановской летописи, а следовательно, и в протографе двух названных летописей, отсутствовала (там же, с. 38, 148).
[119] **Ромодановская Е. К.** Погодинский летописец..., с. 57.
[120] **Сергеев В. И.** Источники и пути исследования..., с. 43. В виде отдельного документа Шертная грамота сохранилась в списке XVIII в. (ЦГАДА, ф. 197. Портфели А. Ф. Малиновского, портфель 3, № 95, л. 1). Текст Шертной грамоты был опубликован в сборнике «Наш край». Тюмень, 1966. Вторично публикация грамоты была осуществлена В. И. Сергеевым, впервые отметившим такой важный факт, как сходство названного документа с летописным текстом. (В сб.: **Актуальные** проблемы истории СССР. М., 1976).
[121] **Ромодановская Е. К.** Погодинский летописец..., с. 42.
[122] Сб. РИО, т. 129. Спб., 1912. с. 414, 415.
[123] **Сибирские** летописи, с. 282.
[124] **Актуальные** проблемы истории СССР, с. 52.
[125] **Сибирские** летописи, с. 136.
[126] Там же, с. 138, 139.
[127] Там же, с. 29, 30.
[128] **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 1; **Андреев А. И.** Очерки по источниковедению Сибири; **Дергачева-Скоп Е. И.** Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965; **Гольденберг Л. А.** Семен Ульянович Ремезов. М., 1965.
[129] **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 34..
[130] Там же, с. 34, 35.
[131] **Сибирские** летописи, с. 325.
[132] Там же, с. 339.
[133] Там же, с. 313, 314.
[134] Там же, с. 317.
[135] Там же, с. 313, 314.
[136] Там же, с. 317.
[137] **Сибирские** летописи, с. 335, 336, 339; ср. с. 141, 142.
[138] **Ромодановская Е. К.** Погодинский летописец..., с. 50.
[139] **Сибирские** летописи, с. 356—359.
[140] Там же, с. 313.
[141] Там же.
[142] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, с. 216.
[143] **Сибирские** летописи, с. 314.
[144] Там же, с. 315.
[145] Относительно брошенных Ермаком судов в кунгурских «сказах» говорится: «и те старые, где они лежат, сквозь их дна

дерева поросли» (**Сибирские** летописи, с. 314). Деревья поросли струги, очевидно, после того, как колоды стругов полностью сгнили. Это наблюдение подтверждает вывод о позднем происхождении или поздней записи известий Кунгурского летописца.

[146] **Сибирские** летописи, с. 334.

[147] **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 42.

[148] **Дергачева-Скоп Е. И.** Из истории литературы..., с. 95.

[149] **Гольденберг Л. А.** С. У. Ремезов, с. 7—30.

[150] **Сибирские** летописи, с. 348.

[151] **Гольденберг А. Л.** С. У. Ремезов, с. 146, 155, 166.

[152] **Сибирские** летописи, с. 342.

[153] Там же, с. 326, 327.

[154] Там же, с. 342.

[155] **ЦГАДА,** Сибирский приказ, ф. 214, кн. 367, л. 378 об.—374.

[156] **Синодик** ермаковым казакам, с. 20.

[157] **The Atlas** of Siberia by S. Remezov. Grevenhagen, 1958; ср.: **Сибирские** летописи, с. 325—327, 333—336, 341—343. Описания Сибири Г. Ф. Миллера уступают в полноте картографическим материалам С. Ремезова, составленным на исходе XVII в. Г. Ф. Миллер не нашел на Вагае места под названием «Агитский городок», а потому предложил «следовать здесь рассказу других летописей». Точно так же он не нашел сведений о поселении Туралинцы и сослался на то, что это название «дается еще и теперь некоторым татарам, живущим около Тары» (**Миллер Г. Ф.** История Сибири, с. 261). Более ранние и подробные карты С. Ремезова содержат указание и на волость Туралинцы и на Агитку. Г. Ф. Миллер нашел в «Истории» С. Ремезова указание на Калымскую волость и отметил, что таковая ему неизвестна (там же, с. 251). За 40 лет до Г. Ф. Миллера С. Ремезов нанес на свою карту «волость Калымску» и «зимовья Калымские». Следует заметить, что названия, которые фигурируют у С. Ремезова в качестве «волостных», нередко относились к группам родственных семей, часть названий восходила к родоплеменной номенклатуре. Например, у барабинских татар известны такие родоплеменные названия, как саргач, туралы, нурдак, тебендю, таушкан и др. (**Томилов Н. А.** Новые материалы к этногенезу и этнокультурной истории сибирских татар.— В кн.: Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978 с. 90).

[158] **Сибирские** летописи, с. 282.

[159] Там же, с. 335.

[160] Там же, с. 325, 339.

[161] **Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 59.

[162] **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 2, с. 115—117, 140, 164.

[163] **Сибирские** летописи, с. 339.
[164] Там же, с. 353.
[165] Там же, с. 333, 336.
[166] Там же, с. 325, 327.
[167] Там же, с. 326, 327.
[168] **Дергачева-Скоп Е. И.** Из истории литературы..., с. 27.
[169] Мнение о занятиях Ульяна Ремезова картографией либо литературой не подтверждается фактами. Еще Л. С. Багров высказал предположение об Ульяне как авторе так называемого годуновского чертежа 1667 г. и «Ведомости о Китайском государстве 1668 г.» Однако Л. А. Гольденберг отметил полную бездоказательность этого предположения (см.: **Гольденберг Л. А.** С. У. Ремезов, с. 16, 17). Л. А. Гольденберг выяснил, что к моменту смерти Ульяна (1 марта 1689 г.) его старшему внуку Леонтию едва исполнилось 12 лет. Так что возможность их сотрудничества практически можно исключить. Надо отметить также, что в тексте «Истории» об Ульяне Ремезове говорилось как об умершем: «Улиян же списателеи бе» (см.: **Сибирские** летописи, с. 348).
[170] **Гольденберг Л. А.** С. У. Ремезов, с. 119, 120.
[171] В целом палеографический анализ дает лишь самый скудный материал для датировки исследуемого памятника. Среди нескольких филиграней «Истории» одна (картуш со щитом в центре и двойными литерами по кругу) сходна со знаком 1659—1662 гг., другая (герб Амстердама и литеры CS) не имеет точной даты. С. А. Клепиков датировал ее по печатной «Артиллерии» 1709 г. Е. И. Дергачева-Скоп отметила ту же филигрань в рукописях С. Ремезова 1695—1696 и 1698 гг. (см.: **Дергачева-Скоп Е. И.** Из истории литературы..., с. 22—24). На листах Кунгурской летописи имеются филиграни головы шута, полонизованный герб и, наконец, герб Амстердама без литеров. Последний сходен со знаками, которые отмечены у Н. П. Лихачева под № 3547 (1689 г.), у Лаучявичюса под № 73 (1686—1687 гг.), у Е. Хивуда под № 377—383 (1676—1686 гг.) (см.: **Лихачев Н. П.** Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. 3. Спб., 1899; **Лаучявичюс.** Бумага в Литве в XV—XVIII вв. Вильнюс, 1967; **Heawood E.** Watermarks. Hilversum, 1957). Анализ филиграней позволяет лишь констатировать, что С. Ремезов, будучи в Тобольске, использовал залежалую бумагу разнородного происхождения. В условиях Сибири, отрезанной от Центра, ничего необычного в этом не было.
[172] **Андреев А. И.** Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1, с. 253—254; **Гольденберг Л. А.** С. У. Ремезов, с. 113.
[173] **Дергачева-Скоп Е. И.** Из истории литературы..., с. 33.
[174] **Гольденберг Л. А.** С. У. Ремезов, с. 166.
[175] **Сибирские летописи**, с. 324 и сл.
[176] Там же, с. 312.

[177] Там же, с. 317. Двум зачинам соответствовали ст. 1—3 на первом листе и ст. 9—11 на втором. Между ними располагался первый из кунгурских листов со ст. 5—8. При составлении сплошной нумерации кунгурские статьи были учтены не сразу. В ст. 78 автор сослался на статьи о звере с номерами 23, 24. Однако в окончательном варианте эти статьи читаются под номерами 27—28. Расхождения в четыре номера как раз и объяснялись вставкой кунгурского листа со ст. 5—8.

[178] См. выше, с. 57.

[179] Проанализировав художественные особенности иллюстраций «Истории», В. Н. Алексеев пришел к выводу, что в их создании участвовали три рисовальщика: Семен Ремезов, обладавший самым высоким мастерством, его отец Ульян, старавшийся копировать композиции сына, и сын Леонтий (см.: **Алексеев В. Н.** Рисунки «Истории Сибирской» С. У. Ремезова (Проблемы атрибуции).— В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга, сб. 2. М., 1974, с. 194). Выше отмечено, что участие Ульяна Ремезова в работе над «Историей» не подтверждается фактами. Исходя из этого, следует интерпретировать и наблюдения В. Н. Алексеева. Очевидно, эскизы к кунгурским листам были выполнены одним из двух рисовальщиков — Семеном либо Леонтием. Изменение манеры рисования было вызвано отказом от старых, «житийных» установок в пользу новых, светских. Сугубо светские сюжеты кунгурских статей невозможно было бы иллюстрировать старомодными «житийными» миниатюрами.

[180] **Гольденберг Л. А.** С. У. Ремезов, с. 120.

ГЛАВА II

[1] **Преображенский А. А.** У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России.— В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976, с. 377.

[2] **Карамзин Н. М.** История государства Российского, т. 9. Спб., 1821, с. 224; **Броневский В. В.** История Донского Войска. Спб., 1834.

[3] **Соловьев С. М.** История России, кн. 4. М., 1960, с. 390.

[4] Там же, с. 391.

[5] **Ключевский В. О.** Курс русской истории, ч. 3, Пг., 1918, с. 130, 131, 136.

[6] **Багалей Д. И.** Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887; **Перетяткевич Г. И.** Поволжье в XV—XVI вв., ч. 1. М., 1877.

[7] **Любавский М. К.** Историческая география России. М., 1908, с. 8, 9.

[8] **Платонов С. Ф.** Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. Спб., 1910, с. 108—113.

[9] **Греков Б. Д.** Крестьяне на Руси, т. 2. М., 1954; **Тихомиров М. Н.** Россия в XVI столетии. М., 1962; **Шунков В. И.** Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. М.— Л., 1946; **Преображенский А. А.** Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972; **Голобуцкий В. А.** Черноморское казачество. Киев, 1956; **Он же.** Запорожское казачество. Киев, 1957; **Пронштейн А. П.** Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961; **Новосельский А. А.** Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.— Л., 1948; **Смирнов Н. А.** Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. 1. М., 1946; **Кобянов С. Г.** Заселение Дона в XVI—XVII вв.— Уч. зап. ЛГПИ, 1955, т. 10. Геогр. ф-т, вып. 3.

[10] **ЦГАДА**, ф. 127, Ногайские дела, кн. 2, л. 230.

[11] **Сухоруков В. Д.** Историческое описание земли Войска Донского. Изд. 2-е. Новочеркасск, 1903, с. 3.

[12] **Памятники** дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией, т. 1.— Сб. РИО. Спб., 1884, т. 41, с. 413.

[13] **Памятники** дипломатических сношений..., т. 2.— Там же. Спб., 1895, т. 95, с. 690.

[14] **Пронштейн А. П.** К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону.— В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 167.

[15] **СГГД**, ч. 2. М., 1819, с. 86.

[16] **Пронштейн А. П.** К истории возникновения..., с. 170.

[17] **Сухоруков В. Д.** Историческое описание..., с. 62.

[18] Примечательно, что вольные казаки почти всегда сражались в пешем строю, когда им приходилось надолго покидать свои станицы и отправляться в походы с царскими воеводами.

[19] Акты Московского государства, т. 1, М., 1890, № 23, 42; РИБ, т. 2, стб. 51, 52, 79; **Анпилогов Г. Н.** Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967, с. 363.

[20] Среди казаков преобладали беглые крестьяне, посадские люди, холопы. Но в «десятнях» конца 70 — начала 90-х гг. XVI в. можно встретить имена разорившихся детей боярских и беспоместных дворян, которые «сошли на Дон в вольные казаки», «сошли на поле», «на поле казакуют» (**Описание** документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, кн. 8. М., 1861, с. 248, 316, 317, 356, 428, 429).

[21] **ЦГАДА**, ф. 127, Ногайские дела, оп. 1, кн. 3, л. 86.

[22] Там же, кн. 4, л. 39 об.— 40.

[23] **ПСРЛ**, т. 13. М., 1965, с. 164.

[24] **Епифанов П. П.** Войско и военная организация.— В кн.:

Очерки русской культуры XVI в., ч. 1. М., 1977, с. 350.

[25] ПСРЛ, т. 13, с. 265, 266.

[26] Там же, с. 273.

[27] Там же, с. 274.

[28] ЦГАДА, ф. 127, Ногайские дела, оп. 1, кн. 4, л. 325 об.

[29] Там же, кн. 5, л. 7—7 об.

[30] Там же, ф. 210, Столбцы Белгородского стола, с. 139, л. 473, 474.

[31] ПСРЛ, т. 13, с. 283.

[32] Там же, с. 271, 272.

[33] Там же, с. 275.

[34] Там же, с. 286.

[35] Там же.

[36] Там же, с. 315, 319.

[37] Там же, с. 339.

[38] Там же, с. 343.

[39] Витебская старина, 1885, т. 4, с. 34—39.

[40] Исторический архив, 1959, № 4, с. 175—177.

[41] ПСРЛ, т. 13, с. 318.

[42] Акты, относящиеся к истории Войска Донского, т. 1. Новочеркасск, 1891, с. 1.

[43] Сухоруков В. Д. Историческое описание..., с. 58, 59.

[44] Там же, с. 26.

[45] Флоря Б. Н. Россия и походы запорожцев в Молдавию в 70-х гг. XVI в.— В кн.: Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975, с. 217, 218.

[46] Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Л., 1975, с. 160—166.

[47] Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937, с. 253, 254.

[48] ЦГАДА, ф. 123, кн. 15, л. 418 об.— 419.

[49] АИ, т. 1. Спб., 1841, с. 445.

[50] Английские путешественники..., с. 265.

[51] На Днепре казачьи городки возникли раньше, чем на Нижней Волге. Уже в 40-х гг. XVI в. выходцы из Киева, Черкас и других мест основали укрепленные поселения на днепровском острове Томаковке. Их «коши», насчитывавшие несколько сот человек, стали ядром Запорожской сечи. (Тушин Ю. П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII в.). М., 1978, с. 31).

[52] Перетяткевич Г. Поволжье в XVI—XVII вв., с. 317—318, примеч. 2.

[53] Пронштейн А. П. К истории возникновения..., с. 172.

[54] ЦГАДА, ф. 127, Ногайские дела, св. I, 1585, тетрадь 8.

[55] Сухоруков В. Д. Историческое описание..., с. 86.

[56] Подробнее см.: **Скрынников Р. Г.** Россия после опричнины, с. 45—48.

[57] **Разрядная книга** 1475—1605 гг. ГПБ, Эрмитажное собр., д. 390, л. 549—549 об.; **Разрядная книга** 1475—1598 гг., М., 1966, с. 301.

[58] ЦГАДА, ф. 127, кн. 10, л. 58 об.— 59.

[59] Там же, л. 65 об. Посольские материалы о действиях казаков в Поволжье были выявлены А. А. Преображенским, а затем подробно проанализированы В. И. Сергеевым. См.: **Преображенский А. А.** Урал и Западная Сибирь..., с. 36, примеч. 64; **Сергеев В. И.** Источники и пути исследования..., с. 27—33.

[60] ЦГАДА, ф. 127, кн. 10, л. 140.

[61] Там же, с. 264—264 об.

[62] Там же, л. 147 об.— 149, 257 об., 269, 270.

[63] Под натиском казаков хан Урус, по словам ногайцев, откочевал в устье Яика «блиско моря», а Бек-Мурза ушел поближе к Юргенчу: оба откочевали «далеко, блюдяся войны от волских казаков» (ЦГАДА, ф. 127, кн. 10, л. 265 об.— 266).

[64] Там же, л. 257.

[65] **Карамзин Н. М.** История государства Российского, т. 9. Спб., 1821, с. 382.

[66] **Соловьев С. М.** История России, кн. 3. М., 1960, с. 696—698.

[67] **Преображенский А. А.** Урал и Западная Сибирь.., с. 39, 40.

[68] **Книга** записная, с. 18.

[69] **Сибирские** летописи, с. 125.

[70] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, прил., с. 455.

[71] ЦГАДА, Сибирский приказ, ф. 214, оп. 3, стб. 6112/68, л. 74.

[72] **Козлович М.** Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Спб., 1883, с. 253.

[73] Там же. Донесение Стравинского является самым ранним историческим документом, упоминающим имя Ермака.

[74] **Разрядная** книга 1559—1605 гг. М., 1974, с. 272.

[75] **Шляков Н. В.** Ермак Тимофеевич летом 1581 г.— ЖМНП, 1901, июль, с. 41.

[76] Аналогичную дату отстаивал лишь Г. Красинский. По его мнению, казаки из будущей дружины Ермака действовали на Волге еще летом 1581 г., когда Иван IV послал против волжских казаков крупные военные силы. Между началом сентября и серединой октября 1581 г. «волжские казаки должны были уже появиться на Урале», «а ранним летом 1582 г. они двинулись в поход» (**Красинский Г.** Покорение Сибири и Иван Грозный, с. 95, 96). Г. Красинский не подкрепил приведенные им даты никакими фактическими данными.

[77] **Введенский А. А.** Дом Строгановых в XVI—XVII вв., с. 62—63; **Катанаев Г. Е.** Западносибирское служилое казачество и его

роль в обследовании и занятии русскими Сибири, вып. 1. Спб., 1909, с. 33. Прозвище «Ермак» изредка встречалось в бумагах XVI в., но считать его распространенным не приходится, а в сочетании с определенным отчеством оно становится уникальным. Предположение, будто два Ермака Тимофеевича подвизались одновременно в одной и той же роли, маловероятно и само по себе.

[78] **ЦГАДА**, ф. 127, кн. 10, л. 141 об.— 142, 147 об.— 149.

[79] В. И. Сергеев высказал предположение, что атаманы Кольцо и Пан прибыли на Урал через несколько лет после Ермака (**Сергеев В. И.** Источники и пути исследования похода волжских казаков, с. 31—33, 38, 39). Однако даже в поздних документах нет и намека на факт раздельного движения казаков на Урал. Что касается наиболее ранних документов, то они начисто опровергают такую возможность.

[80] О происхождении ошибок, допущенных строгановским летописцем при определении хронологии экспедиции, см. с. 130—133.

[81] **Сибирские** летописи, с. 263; **ПСРЛ**, т. 14, с. 33.

[82] **Разрядная** книга 1475—1605 гг., л. 635, 637, 644, 645, 650 об.

[83] **ЦГАДА**, ф. 127, кн. 10, л. 110 об.

[84] **Краткое** описание о земле Сибирской. **БАН**, ОР, 32.8.8, л. 170.

[85] **Памятники** дипломатических и торговых сношений России с Персией, т. 1. Спб., 1890, с. 36.

[86] **Сибирские** летописи, с. 313.

[87] См.: **Зиннер Э. П.** Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. [Иркутск], 1968, с. 14.

[88] Там же, с. 45, 46.

[89] **Сибирские** летописи, с. 276.

[90] **Тушин Ю. П.** Русское мореплавание. М., 1978, с. 36, 37.

[91] Там же, с. 37.

[92] **Грамота** Ивана IV от 7 января 1584 г.— В кн.: **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, прил., с. 343—344.

[93] **Боплан Г.** Описание Украины, вып. 2. Киев, 1896, с. 345.

[94] Пермская старина, 1894, вып. 5, с. 220; **Воронихин А.** К биографии Ермака.— Вопр. истории, 1946, № 10, с. 98—100; **Попов В. Т.** Предания в Тотемском уезде (Вологод. губ.) о Ермаке, завоевателе Сибири.— Вологод. епарх. ведомости, 1899, № 6, Прибавления, с. 154—156; **Ромодановская Е. К.** Строгановы и Ермак.— История СССР, 1976, № 3, с. 142—144.

[95] **Ромодановская Е. К.** Строгановы и Ермак, с. 131.

[96] **Сибирские** летописи, с. 305—306.

[97] **Буцинский П. Н.** Заселение Сибири и быт ее первых засельников. Харьков, 1889, с. 109; **Головачев П. М.** Покорение Сибири и личность Ермака.— Сибирский сб., т. 1. М., 1891, с. 175; **Преображенский А. А.** У истоков народной историографической традиции, с. 380.

[98] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, с. 455, 456; **РИБ**, т. 2, Спб., 1875, с. 401.

[99] **Сибирские** летописи, с. 281.

[100] **Дергачева-Скоп Е. А.** Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965, с. 113.

[101] **Даль В.** Толковый словарь, т. 4, М., 1955, с. 410.

[102] Два таких портрета Ермака воспроизведены в книге: **Копылов Д. И.** Ермак. Свердловск, 1974.

[103] **Сибирские** летописи, с. 344.

[104] Там же, с. 316.

[105] Там же, с. 375.

[106] Там же, с. 337.

[107] **ЦГАДА**, ф. 196. Собр. Мазурина, д. 273, л. 23.

[108] **Сибирские** летописи, с. 333.

[109] Там же, с. 281.

[110] **Синодик** ермаковым казакам, с. 20.

[111] **Сибирские** летописи, с. 29.

[112] Там же, с. 55.

[113] **ЦГАДА**, ф. 196, собр. Мазурина, № 272, л. 18 об., 23 об., 25, 26 об., 30, 33.

[114] **ЦГАДА**, Сибирский приказ, ф. 214, оп. 6, д. 86, л. 88.

[115] **Преображенский А. А.** У истоков народной историографической традиции..., с. 380, 381. Семен Шемелин погиб при осаде Тулы, будучи в армии Шуйского в 1607 г.

[116] **Сухоруков В.** Историческое описание..., с. 57.

[117] **ЦГАДА**, ф. 214, Сибирский приказ, кн. 363, л. 110; Н. Н. Оглоблин называет в числе «сотрудников Ермака» также Матьяша Угреинна (см.: **Оглоблин Н. Н.** Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. 1. М., 1895, с. 285). Это мнение не совсем точно. Венгр Матьяш попал в Сибирь «в Тобольск в первых сведенцах» (ЦГАДА, ф. 214, Сибирский приказ, кн. 363, л. 132).

[118] **Синодик** ермаковым казакам, с. 20, 21.

[119] Там же.

[120] **Ромодановская Е. К.** Русская литература в Сибири первой половины XVII века. Новосибирск, 1973, с. 99.

[121] **Оксенов А. В.** Слухи и вести о Сибири до Ермака.— Сибирский сб., 1887, № 4; **Анучин Д. Н.** К истории ознакомления с Сибирью до Ермака.— Тр. Моск. археол. о-ва, 1890, т. 4; **Зубов Н. Н.** Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954; **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 1. М., 1955, с. 72—136; **Бояршинова З. Я.** К вопросу о присоединении Западной Сибири к Русскому государству.— Тр. Томск. гос. ун-та, 1957, т. 136, с. 147, 148.

[122] **Грамоты** Великого Новгорода и Пскова. М.— Л., 1949, с. 9. Коми-зыряне, с которыми русские познакомились раньше, чем с их восточными соседями, называли уральских хантов «егра».

Отсюда и произошло летописное наименование «югра».

[123] **Окладников А. П.** Открытие Сибири, с. 162, 163.

[124] **Боярщинова З. Я.** Население Западной Сибири до начала русской колонизации, Томск, 1960, с. 111, 112; **Аполлова Н. Г.** Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XVII в. М., 1976, с. 22. Некоторые авторы не разграничивают историю Тюменского и Сибирского ханств. (**Потапов Л. П.** Алтайцы.— В кн.: Народы Сибири. М.—Л., 1956, с. 333; **Храмова В. В.** Западносибирские татары.— Там же, с. 474).

[125] **Лимонов Ю. А.** Первое упоминание о Сибири в русских источниках.— Изв. Сиб. отд-ния АН СССР, 1967, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 1, с. 115, 116.

[126] **Боярщинова З. Я., Степанов Н. Н.** Западная Сибирь в XIV—XVI вв.— В кн.: Материалы по истории Сибири. Улан-Удэ, 1964, с. 475—503.

[127] **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 74, 75.

[128] **Устюжский** летописный свод. М.—Л., 1954, с. 94.

[129] **Боярщинова З. Я.** Население Западной Сибири..., с. 107—109.

[130] **Устюжский** летописный свод. М.—Л., 1950, с. 94.

[131] **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 2. М., 1955, с. 113, 152.

[132] **Устюжский** летописный свод, с. 94.

[133] **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 2, с. 152.

[134] Там же, с. 113, 114.

[135] **Памятники** дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордами и с Турцией, т. 1.— Сб. РИО, Спб., 1884, т. 41, с. 81—83.

[136] Там же, с. 146, 168.

[137] Там же, с. 199.

[138] См.: **Боярщинова З. Я.** Население Западной Сибири..., с. 109.

[139] Слово «тайбуга» обозначало, по-видимому, не имя собственное, а звание, которое в Ногайской Орде носили очень влиятельные беки (см. там же, с. 106).

[140] **Оксенов А.** Сибирское ханство до эпохи Ермака. Томск, 1888, с. 13.

[141] **Разрядная** книга 1475—1598 гг., с. 29.

[142] **Устюжский** летописный свод, с. 100.

[143] **Соколова З. П.** О сложении этнографических и территориальных групп у обских угров.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973, с. 123—125.

[144] **Хрестоматия** по истории СССР с древнейших времен до XV в. М., 1960, с. 599.

[145] **Разрядная** книга 1475—1605 гг., т. 1, ч. 1, с. 58.

[146] **Преображенский А. А.** Русские дипломатические документы второй половины XVI в. о присоединении Сибири.— В кн.: Ис-

следования по отечественному источниковедению. М.— Л., 1964, с. 384.

[147] **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 77.

[148] **Бояршинова З. Я.** Население Западной Сибири..., с. 109—111.

[149] **Храмова В. В.** Западносибирские татары.— В кн.: Народы Сибири. М.— Л., 1956; **Валеев Ф. Т.** К этнической истории тарских татар.— В кн.: Из истории Сибири, вып. 16. Томск, 1975; **Титова З. Д.** Барабинские татары (историко-этнографический очерк).— В кн.: Из истории Сибири, вып. 19. Томск, 1976; **Томилов Н. А.** Изучение этногенеза сибирских татар в советской литературе (к вопросу об угорском и самодийском компонентах).— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973; **Томилов Н. А.** Новые материалы к этногенезу и этнокультурной истории сибирских татар.— В кн.: Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978.

[150] **Бояршинова З. Я.** Население Западной Сибири..., с. 100, 101.

[151] **История Сибири.** т. 1. Л., 1968, с. 356—358; **Аполлова Н. Г.** Хозяйственное освоение Прииртышья, с. 26, 27.

[152] **Сибирские** летописи, с. 319.

[153] **Новосельский А. А.** Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.— Л., 1948, с. 13.

[154] ПСРЛ, т. 13, с. 248.

[155] **Преображенский А. А.** Русские дипломатические документы..., с. 384.

[156] Сб. РИО, т. 59, с. 479, 480.

[157] ПСРЛ, т. 13, с. 248.

[158] Опираясь на данные начала XVII в., Б. О. Долгих рассчитал, что в то время коренное население на территории бывшего Сибирского ханства исчислялось цифрой в 21 870 чел. Все эти люди принадлежали к «черному» ясачному населению (**Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 28—77).

[159] По сообщению Д. Флетчера, сразу после присоединения Сибири Москва получила оттуда в виде дани 18 640 шкурок соболей, 200 куниц и 140 черно-бурых лисиц (**Флетчер Д.** О государстве Русском. Спб., 1906, с. 60). В XVII в. обычной нормой ясака служила одна соболья шкурка с человека. Однако «лучшие» люди давали до трех-четырех, а сотники — по семь соболей (**Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 2, с. 58, 59).

[160] ПСРЛ, т. 13, с. 248.

[161] Там же, с. 276.

[162] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, прил., с. 331.

[163] Там же.

[164] ПСРЛ, т. 13, с. 285.

165 Там же.

166 **Радищев А. Н.** Полное собрание сочинений, т. 2. М.—Л., 1941, с. 151.

167 **Бояршинова З. Я.** Население Западной Сибири..., с. 117.

168 Там же.

169 Дополнение к актам историческим, т. 1. Спб., 1846, № 117.

170 Там же, № 179.

171 СГГД, т. 2. М., 1819, с. 52.

172 Там же, с. 63.

173 Там же, с. 64.

174 **Скрынников Р. Г.** Опричный террор. Л., 1969, с. 11—13.

175 Там же, с. 166—169.

176 **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, прил., с. 339.

177 Там же.

178 **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, с. 476, 477.

179 Там же, прил., с. 332, 333.

180 **Скрынников Р. Г.** Начало опричнины. Л., 1966, с. 225, 353, 354.

181 Жалованная грамота Ивана IV Строгановым от 30 мая 1574 г.— В кн.: **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, прил., с. 339.

182 **Полосин И. И.** [Вводная статья].— В кн.: **Штаден Г.** Записки немца-опричника. Л., 1925, с. 176.

183 **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 142, примеч., 20.

184 **Epstein F.** Heinrich von Staden. Hamburg, 1930, S. 89.

185 **Штаден Г.** Записки немца-опричника, с. 118.

186 **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, прил., с. 339.

187 **Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 42. Строгановы называли население Тахчеи общераспространенным именем «остяки» («которые остяки живут круг Тахчеи»). Однако надо иметь в виду, что русские причисляли к остякам самые различные этнические группы. Например, в русских писцовых книгах 1623—1624 гг. камские башкиры фигурировали как «остяки» (Народы Сибири. М.—Л., 1956, с. 570).

188 Сибирские летописи, с. 4.

189 **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, прил., с. 341.

190 Сибирские летописи, с. 5.

191 Там же, с. 339.

192 Предание было записано И. Массой в начале XVII в. См.: **Алексеев М. П.** Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. 1. Иркутск, 1932, с. 249.

193 О ранних походах и плаваниях русских в Сибирь подробнее см.: **Окладников А. П.** Русские полярные мореходы XVII в. у берегов Таймыра. М.—Л., 1948; **Исторические памятники** русского арктического мореплавания XVII в. М.—Л., 1951; **Вилков О. Н.**

О некоторых причинах присоединения Сибири к России в конце XVI — начале XVII в.— Изв. Сиб. отд-ния АН СССР, 1967, № 11. Сер. обществ. наук, вып. 3; **История Сибири**, т. 1. Л., 1968; **Шинкарев Л.** Сибирь. Откуда она пошла и куда она идет. Иркутск, 1974; **Белов М. И. и др.** Мангазея. Мангазейский морской ход, ч. 1. Л., 1980.

194 **Любименко И.** История торговых сношений России с Англией, вып. 1. Юрьев, 1912, с. 83.

195 Там же.

196 **Алексеев М. П.** Сибирь в известиях..., с. 166.

197 **Введенский А. А.** Дом Строгановых..., с. 32.

198 **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 198.

199 **Английские** путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937, с. 107—111.

200 **Любименко И.** Истории торговых сношений.., с. 105, 121.

201 Там же, с. 44, 45.

202 **Английские** путешественники..., с. 126—128.

203 Сб. РИО, т. 38. Спб., 1853, с. 94, 95.

204 **Английские** путешественники..., с. 133.

205 **Алексеев М. П.** Сибирь в известиях..., с. 170, 171.

206 А. Дженкинсон в конце 50-х гг. XVI в. записал сведения о приобском населении и Мангазее со слов русского морехода из Холмогор Федора Топтыгина, ездившего на Обь по крайней мере дважды. «Товары у них («самоедов».— *Р. С.*) — соболя, белые и черные лисицы...» — такими словами заканчивал А. Дженкинсон свой рассказ (см.: **Английские** путешественники..., с. 192).

207 **Английские** путешественники..., с. 164.

208 **Алексеев М. П.** Сибирь в известиях..., с. 166.

209 О. Брюнель прибыл по торговым делам в Холмогоры, где был арестован по наветам англичан. Заподозренный в шпионаже бельгиец провел в тюрьме в Ярославле несколько лет. В дальнейшем Яков Строганов поручился за него перед властями и из тюрьмы взял к себе на вотчинную службу (**Введенский А. А.** Дом Строгановых..., с. 55). Подробнее об О. Брюнеле см.: **Кордт В. А.** Очерк сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов по 1631 г.— Сб. РИО, т. 116. Спб., 1902, с. XXX—XXXIX; **Литке Ф.** Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан, ч. 1. Спб., 1828, с. 26—30.

210 **Красинский Г.** О «путешествиях» Оливера Брюнеля на реку Обь. (Об одном историческом мифе).— Вопр. истории, 1950, № 2, с. 95.

211 **Алексеев М. П.** Сибирь в известиях..., с. 179.

212 Как пример совершенной «галиматьи» Г. Красинский приводил ссылку О. Брюнеля на рассказы туземцев, слышавших от прадедов «о замечательно нежном звоне колоколов на дне китай-

ского озера и о виденных ими там больших и красивых зданиях». Эти сведения О. Брюиель получил от жителей местечка Якс Олгуш, названного так по имени «мощной реки». По словам бельгийца, река эта впадала в Обь, местечко же находилось на расстоянии 12-дневного пути от устья Оби. Судя по всему, О. Брюиель имел в виду одно из татарских поселений на Иртыше. В среде татар сохранились предания о красоте монгольской столицы в Китае.

[213] **Алексеев М. П.** Сибирь в известиях..., с. 179.

[214] **Устюгов Н. В.** Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957, с. 123. В своем родовом гнезде в Соли Вычегодской Строгановы разделили в 1577 г. девять соляных варниц (**Введенский А. А.** Дом Строгановых..., с. 47).

[215] **Сибирские** летописи, с. 9, 10.

[216] **Введенский А. А.** Торговый дом..., с. 62.

[217] Там же, с. 63, 64.

[218] **Красниский Г.** Покорение Сибири и Иван Грозный, с. 97.

[219] Там же, с. 94.

[220] Там же, с. 95.

[221] Там же, с. 96.

[222] **Введенский А. А.** Дом Строгановых..., с. 88.

[223] Легенда о рождении Ермака в строгановских вотчинах неизвестна была даже строгановским историографам XVII—XVIII вв. А. А. Введенский принял на веру поздние предания о том, что Строгановы основали соляные варницы на Самарской Луке вблизи станиц волжских казаков. Отсюда А. А. Введенский заключил, что «давние связи Строгановых с Ермаком Тимофеевичем, атаманом волжских казаков, получают новое подтверждение. Возможность личных контактов Ермака Тимофеевича со строгановской администрацией Волжского Усолья делается вполне вероятной» (**Катаев И. М.** На берегах Волги. История Усольской вотчины графов Орловых. Челябинск, 1948, с. 10, 11; **Введенский А. А.** Дом Строгановых..., с. 93, примеч. 1).

[224] **БАН.** ОР, 32.8.8, л. 170.

[225] **ПСРЛ**, т. 14, с. 33.

[226] **Сибирские** летописи, с. 314. О пушке Ермака, отлитой по приказу Максима Строганова, см. с. 135—136.

[227] **Ставрович А. М.** Сергей Кубасов и Строгановская летопись, с. 285, 291.

[228] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, прил., с. 342; **Сибирские** летописи, с. 14.

[229] **Сибирские** летописи, с. 125.

[230] Там же, с. 8, 9.

[231] Там же, с. 10.

[232] Там же, с. 10, 11, 12.

[233] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, прил., с. 341, 342.

234 Введенский А. А. Торговый дом..., прил., с. 62.
235 Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 342.
236 Сибирские летописи, с. 274, 275.
237 Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 347, 348.
238 Дмитриев А. А. Роль Строгановых в покорении Сибири.— ЖМНП, 1894, январь, с. 32, 33. В. В. Голубцов осматривал пушку в петербургском дворце Строгановых в 80-х гг. XIX в. Спустя 40 лет пищаль пытались разыскать, но к тому времени она оказалась затерянной. Скопировавший надпись В. В. Голубцов владел палеографией и как ученый осторожный и добросовестный едва ли дал бы ввести себя в заблуждение. Предположение насчет сознательного подлога с его стороны сомнительно.
239 Икосов П. С. История о родословии гг. Строгановых (1791 г.). Пермь, 1881, с. 45.
240 Сибирские летописи, с. 315.
241 ГПБ, собр. Спб. духовной академии, № 313, л. 61.
242 Сибирские летописи, с. 10, 11.
243 БАН, ОР, 32.8.8., л. 170.
244 Там же, с. 316.
245 Там же, с. 316.
246 Сибирские летописи, с. 275.
247 Сб. РИО, т. 129. Спб., 1910, с. 414, 415.
248 ПСРЛ, т. 13, с. 248; Сб. РИО., т. 59. Спб., 1887, с. 479, 480.
249 Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 342.
250 Там же.

ГЛАВА III

1 Сергеев В. И. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака.— Вопр. истории, 1959, № 1, с. 123—127; Он же. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков.— В кн.: Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976, с. 38.
2 Сибирские летописи, с. 318.
3 Выписка из писцовых книг 1579 (7067) г.— В кн.: Устрялов Н. Именитые люди Строгановы. Спб., 1842, прил., с. 38, 39.
4 Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1. М.— Л., 1937, с. 220, 221.
5 См.: Бадер О. Н. Археологические памятники Тагильского края.— Уч. зап. Молотовск. ун-та, 1953, т. 8, вып. 2, с. 315—318.
6 К аналогичным выводам пришла Н. П. Кипарисова (см.: Кипарисова Н. П. Новые данные об археологических памятниках Тагильского края.— Уч. зап. Пермск. ун-та, 1956, т. 11, вып. 3, с. 115).
7 Рассадович А. Н. Кокуй-городок.— Уч. зап. Пермск. ун-та, 1968, № 191, вып. 4, с. 292—296.

[8] Можно заметить, что легенда о Кокуе была широко распространена в Приуралье. На рубеже XIX и XX вв. местные жители рассказывали о сылвенской деревне Кокуй, что ее основали казаки Ермака, как и соседнюю деревню под названием «Ермаки» (**Блажес В. В.** Ермаковые предания XVII в. в составе Кунгурской летописи.— В кн.: Вопросы русской и советской литературы Сибири. Новосибирск, 1971, с. 43). Очевидно, поздние топонимические указания требуют осторожного к себе подхода.

[9] Осенью 1583 г. Иван IV велел Строгановым послать «на нашу службу в сибирской в зимней поход 50 человек на конех». 7 января 1584 г. Иван IV известил Строгановых об отмене своего первого указа потому, что «ныне нас (царя.— *Р. С.*) слух дошол, что в Сибирь зимним путем на конех пройтить не мочно» (**Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, прил., с. 343, 344).

[10] **Сибирские** летописи, с. 276.

[11] **Чертежная** книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским С. Ремезовым. Фототипическое издание. Спб., 1882, л. 2.

[12] **Сибирские** летописи, с. 314.

[13] Служебная чертежная книга.— ГПБ, ОР, Эрмитажное собр., № 237. Память о брошенных Ермаком судах жила в Приуралье и в конце XVIII в. Придворный историограф Строгановых писал в то время: «...струги Ермаковы... и поныне есть многим лесникам известны, ибо где оные на берегах оставлены, вырос на них кустарник немалой» (**Икосов И. И.** История о родословии гг.Строгановых. Пермь, 1881, с. 52). Конечно, брошенные на Серебрянке суда могли принадлежать не Ермаку, а царским судовым ратям, следовавшим по его пути. Как бы то ни было, они служили ориентиром для тех, кто позже искал маршрут Ермака.

[14] **Сборник** Кирши Данилова. Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. М., 1977, с. 69.

[15] **Сибирские** летописи, с. 11.

[16] Там же, с. 276.

[17] Там же, с. 314.

[18] **Эвлия Челеби.** Книга путешествия. Вып. 1. Земли Молдавии и Украины. Извлечения из сочинений турецкого путешественника XVII века. М., 1961, с. 116.

[19] **Боплан Г.** Описание Украины. Спб., 1832, с. 344.

[20] **Сибирские** летописи, с. 317.

[21] Там же, с. 323.

[22] Там же, с. 276.

[23] Там же.

[24] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, прил., с. 342.

[25] **Сибирские** летописи, с. 12.

[26] Там же, с. 274, 275.

[27] Там же, с. 16, 126.
[28] Там же, с. 20, 127.
[29] БАН, ОР, 32.8.8, л. 170.
[30] **Сибирские** летописи, с. 19, 20, 127.
[31] Там же, с. 21, 127, 128.
[32] Там же, с. 21, 129.
[33] Там же, с. 133.
[34] Там же, с. 332.
[35] **Назаров В. Д.** Зауральская эпопея XVI века.— Вопр. истории, 1969, № 12, с. 109.
[36] **Книга** записная. Томск, 1973, с. 1; **Сибирские** летописи, с. 330.
[37] **Боплан Г.** Описание Украины, с. 68.
[38] **Сибирские** летописи, с. 24.
[39] Там же, с. 24, 131, 331.
[40] Там же, с. 337.
[41] Там же, с. 25, 26, 134, 135.
[42] Там же.
[43] **Синодик** ермаковым казакам, с. 20.
[44] **Сибирские** летописи, с. 26, 27, 135.
[45] Там же, с. 281.
[46] Там же, с. 282.
[47] Там же, с. 135.
[48] Там же, с. 27.
[49] **Синодик** ермаковым казакам, с. 20.
[50] **Наказ** Посольского приказа 1585 г.— В кн.: Сб. РИО. Спб., 1907, т. 129, с. 414, 415.
[51] **Синодик** ермаковым казакам, с. 20.
[52] **Сибирские** летописи, с. 141, 142.
[53] Там же, с. 336.
[54] **Синодик** ермаковым казакам, с. 20.
[55] **Сибирские** летописи, с. 29.
[56] Там же, с. 28.
[57] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, с. 241.
[58] **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 2, с. 141.
[59] **Спафарий Н.** Путешествие через Сибирь. Спб., 1882, с. 34, 180.
[60] **Сибирские** летописи, с. 286.
[61] **ЦГАДА**, ф. 214; кн. 16, л. 373, 376, 377, 380 об.— 381.
[62] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, с. 243.
[63] **Сибирские** летописи, с. 333.
[64] **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 2, с. 89, 146.
[65] **Сибирские** летописи, с. 334.
[66] **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 2, с. 246.
[67] **Сибирские** летописи, с. 334.

[68] Там же, с. 339.
[69] Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 2, с. 54.
[70] Хорографическая чертежная книга 1697 г., л. 68; Сибирские летописи, с. 335.
[71] ЦГАДА, ф. 214, кн. 16, л. 715.
[72] Миллер Г. Ф. История Сибири, ч. 1, с. 246.
[73] Сибирские летописи, с. 335.
[74] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав..., с. 67, 68.
[75] СГГД, ч. 2. М., 1819, с. 127.
[76] Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 2, с. 142.
[77] Арсеньев Ю. В. Примечания к «Описанию путешествия Н. Спафария».— Зап. Имп. Русского географ. об-ва, Спб., 1882, т. 10, вып. 1, с. 180.
[78] Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. 3, первая половина. Спб., 1788, с. 53, 54; ч. 2, кн. 1. Спб., 1770, с. 327.
[79] Сибирские летописи, с. 336.
[80] Поморы издавна ловили рыбу в Обской губе и в Мангазее, основывали там зимовья. По некоторым данным, их постройки появились тут до похода Ермака в Сибирь (Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазейский морской ход, ч. 1. М., 1980, с. 30).
[81] Сибирские летописи, с. 289.
[82] Там же, с. 281, 282.
[83] Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 343.
[84] Сибирские летописи, с. 346.
[85] Там же, с. 346, 347.
[86] Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 494, 495.
[87] Сибирские летописи, с. 347.
[88] Бахрушин С. В. Кольчуга князя П. И. Шуйского.— В кн.: Сборник Оружейной палаты. М., 1925, с. 121—123.
[89] Сибирские летописи, с. 283.
[90] БАН, 32.8.8, л. 174; ПСРЛ, т. 14, с. 33; Сибирские летописи, с. 338.
[91] Сибирские летописи, с. 283.
[92] Там же.
[93] Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 343, 344.
[94] РИО, т. 38. Спб., 1883, с. 48. Изучив английскую грамоту, московские дьяки составили справку о морских пристанях на берегах Студеного моря. «Обь река — блиско Сибири,— значилось в справке,— ...Ислеидь река за Обью» (там же, с. 94).
[95] Донесение о Московии второй половины XVI века.— ЧОИДР, 1913, кн. 2, отд. 3, с. 21.
[96] Сб. РИО, т. 38, с. 95.
[97] Там же, с. 127, 128.
[98] Алексеев М. П. Сибирь в известиях..., с. 186, 187.

[99] Там же, с. 188.

[100] Там же, с. 187. Приведенные сведения стали известны в том же году в Лондоне (см.: **Armstrong T. E.** Arctic.— The Hakluyt Handbook, v. 1. Hakluyt Society, 1974, p. 257).

[101] **Russia** at the Close of the XVI century. London, 1856, p. 225.

[102] **Hamel J.** Sir John Franklin's Nordwestexpeditionen und Charls Jackmann's Nordostfahrten von 1580—1581.— Melanges Russes, 1860, I.IV, S. 110—112.

[103] **Боднарский М. С.** Великий северный морской путь. М., 1926, с. 20.

[104] **Английские** путешественники..., с. 164.

[105] Там же, с. 109.

[105] Слова Д. Горсея насчет поисков пути в Китай были, по-видимому, не более чем вольной интерпретацией рассказа Маметкула.

[107] **Алексеев М. П.** Сибирь в известиях..., с. 179.

[108] Там же.

[109] Там же, с. 181.

[110] Сб. РИО, т. 116. Спб., 1902, с. XILIII.

[111] **Сибирские** летописи, с. 27, 139, 338.

[112] Там же, с. 28, 140.

[113] Там же, с. 285.

[114] **Вельяминов-Зернов В. В.** Исследования о касимовских царях и царевичах, ч. 2. Спб., 1864, с. 411—437; **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, с. 487.

[115] **Сибирские** летописи, с. 339.

[116] Там же, с. 337.

[117] **Материалы** по фольклору хантов. Томск, 1978.

[118] Там же.

[119] **Сибирские** летописи, с. 339.

[120] Там же, с. 325.

[121] Там же, с. 325, 326.

[122] **Хорографическая** чертежная книга 1697 г., л. 11.

[123] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, с. 226.

[124] **Сибирские** летописи, с. 325.

[125] Там же, с. 325, 326, 339.

[126] **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 2, с. 142—145.

[127] **Вереш П.** Этнокультурное развитие угорских народов.— В кн.: Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978, с. 112.

[128] **Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав..., с. 28—31.

[129] **Сибирские** летописи, с. 326.

[130] Там же.

[131] Там же, с. 326, 327.

[132] **Синодик** ермаковым казакам, с. 20.

133 **Сибирские летописи**, с. 333.
134 **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 2, с. 152.
135 **Сибирские летописи**, с. 342.
136 **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, прил., 493; **Народы** Сибири. М.— Л., 1956, с. 484; **Томилов Н. А.** Новые материалы к этногенезу и этнокультурной истории сибирских татар.— В кн.: Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978, с. 91.
137 **Сибирские летописи**, с. 326.
138 Там же.
139 **Зуев В. Ф.** Материалы по этнографии Сибири XVIII века. М.— Л., 1947, с. 47.
140 Там же, с. 45, 46.
141 **ПСРЛ**, т. 5, с. 250.
142 **Трапезников В.** Чудские идолы и пермские боги.— Атеист, 1930, № 52, с. 69, 70.
143 **Алексеев М. П.** Сибирь в известиях..., с. 115—118.
144 Там же, с. 105.
145 **Сибирские летописи**, с. 334.
146 **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, прил., с. 490.
147 **Сибирские летописи**, с. 336.
148 **Новицкий Г.** Краткое описание о народе остяцком (1715 г.). Новосибирск, 1941, с. 59. О хантских кумирах см.: **Кулемзин В. М., Лукина Н. В.** Васюганско-Ваховские ханты. Томск, 1977, с. 131—134.
149 **Новицкий Г.** Краткое описание о народе остяцком, с. 61.
150 **Сибирские летописи**, с. 39, 40, 151; **Синодик** ермаковым казакам, с. 20, 21.
151 **ЦГАДА**, дела Польского двора, ф. 79, кн. 16, л. 27—27 об.
152 **Сибирские летописи**, с. 31, 32.
153 **Икосов П. С.** История о родословии гг. Строгановых, с. 42.
154 **Пигнетти В.** Искер (Кучумово городище).— Ежегодник Тобольского губ. музея, 1915, вып. 26, с. 16.
155 **Сибирские летописи**, с. 284.
156 **Синодик** ермаковым казакам, с. 20.
157 **Сибирские летописи**, с. 34, 144, 145.
158 Там же, с. 32, 33, 144, 145.
159 **Синодик** ермаковым казакам, с. 21.
160 **Потанин Г. Н.** О караванной торговле в Джунгарской Бухарии.— ЧОИДР, 1866, ч. 2, с. 67; **Панков А. В.** К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—XVII вв.— В кн.: В. В. Бартольду. Ташкент, 1927, с. 33—35. **Зияев Х.** Узбеки в Сибири. Ташкент, 1968, с. 6—8.
161 **Синодик** ермаковым казакам, с. 21.
162 **Сибирские летописи**, с. 37, 147.
163 Там же, с. 341.

164 Там же.
165 Книга записная, с. 2.
166 Синодик ермаковым казакам, с. 21.
167 Сибирские летописи, с. 285.
168 ПСРЛ, т. 14, с. 33.
169 Сибирские летописи, с. 341.
170 Долгих Б. О. Родовой и племенной состав..., с. 49, 50, 56—59.
171 Сибирские летописи, с. 341, 342.
172 Там же.
173 Долгих Б. О. Родовой и племенной состав..., с. 54, 55.
174 Сибирские летописи, с. 342.
175 Там же, с. 343.
176 Там же, с. 37, 147.
177 Буцинский П. Н. Заселение Сибири..., с. 118.
178 Сибирские летописи, с. 341.
179 Atlas of Siberia, p. 81.
180 Буцинский П. Н. Заселение Сибири..., с. 120.
181 Фиалков Д. Н. О месте гибели и захоронения Ермака.— В кн.: Экономика, управление и культура Сибири XVI—XVII вв. Новосибирск, 1969, с. 280, 281.
182 Синодик ермаковым казакам, с. 21.
183 Книга записная, с. 2.
184 Сибирские летописи, с. 343.
185 Там же, с. 37, 148.
186 Там же, с. 310; ПСРЛ, т. 14, с. 34.
187 Синодик ермаковым казакам, с. 21.
188 Сибирские летописи, с. 168.
189 Там же, с. 33. Ср.: «И нападоша на нь и побиша, токмо един казак утек» (там же, с. 148).
190 Там же, с. 38.
191 Там же, с. 148.
192 Там же, с. 38.
193 Там же, с. 148.
194 Там же, с. 344.
195 Там же, с. 321.
196 БАН, ОР, 32.8.8, гл. 24; Дворецкая Н. А. Археографический обзор...
197 Сибирские летописи, с. 299.
198 Там же, с. 299. Ранние сибирские летописи подтверждают, что с И. Мансуровым были «многие воинские люди» (там же, с. 39, 40). Сведения С. Ремезова о том, что И. Мансуров привел в Сибирь 100 ратников, недостоверны (там же, с. 348). Мансуровы принадлежали к знатному дворянскому роду и по служебному положению далеко превосходили князя С. Болховского — руководителя предыдущей экспедиции.

[199] Там же, с. 290.
[200] Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 344, 345.
[201] Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь..., с. 49.
[202] ПСРЛ, т. 14, с. 34.
[203] Решение об экспедиции было принято, по-видимому, не позднее октября 1585 г., но воеводы выступили в поход лишь в 1586 г. (ГПБ, ОР, Разрядная книга 1475—1605 гг. Эрмитажное собр., д. 390, л. 692).
[204] Сибирские летописи, с. 291.
[205] ПСРЛ, т. 14, с. 34; Книга записная, с. 2.
[206] Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 10, Спб., 1822, примеч. 44.
[207] Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными, т. 2. Спб., 1883, с. 236—240.
[208] Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 10, с. 106.
[209] До августа 1586 г. Д. Чулков служил головой в Ряжске, затем был вызван в Москву и назначен в полки на Оку (Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 366).
[210] Книга записная, с. 3.
[211] Сибирские летописи, с. 289.
[212] Там же, с. 293, 294. Строгановский придворный летописец утверждал, будто Сеид-хан прибыл в Тобольск как бы для торга и в течение дня «торговаша с русскими людьми», поставив воинских людей в укрытие. На следующее утро все воинство «прииде под город тайно приступом» (там же, с. 43). Этот рассказ, по-видимому, менее достоверен.
[213] Там же, с. 90.
[214] РИБ, т. 2, стб. 401, 402.
[215] Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 357—359.
[216] РИБ, т. 2, стб. 967.
[217] Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 294, 367; т. 2, с. 104.
[218] Преображенский А. А. У истоков народной историографической традиции..., с. 380, 381.
[219] См.: Карты Пермского края, составленные С. А. Адриановым.— В кн.: Отчет о 37-м присуждении наград гр. Уварова. Спб., 1837, с. 332, 333.
[220] Сибирские летописи, с. 45.
[221] Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 339.
[222] Сибирские летописи, с. 45.
[223] Там же, с. 29.
[224] Адрианов С. А. К вопросу о покорении Сибири.— ЖМНП, 1893, апрель, с. 547; Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1, с. 215.
[225] Сибирские летописи, с. 29, 30.

[226] **Флетчер Д.** О государстве Русском. Спб., 1906, с. 70.

[227] **Духовные** и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.— Л., 1950, с. 442.

[228] **Введенский А. А.** Дом Строгановых..., с. 50, 51.

[229] С. Строганов однажды испытал царскую опалу. При разделе отцовских владений в 1573 г. он так крупно «своровал», что царь велел выдать «Семенку» головой со всем имуществом его старшим братьям. Семен был отстранен от управления делами на несколько лет (**Введенский А. А.** Дом Строгановых..., с. 45—46).

[230] **Флетчер Д.** О государстве Русском, с. 70.

[231] **Боярские** списки последней четверти XVI — начала XVII в. вып. 2. Сост. А. Л. Станиславский. М., 1979, с. 30.

[232] Там же, с. 157.

[233] Там же, с. 278.

[234] **Жалованная** грамота 1692 года.— В кн.: **Устрялов Н. Г.** Именитые люди Строгановы. Спб., 1842, прил., с. 42, 43.

[235] **Алексеев М. П.** Сибирь в известиях..., с. 251—253. Аналогичные сведения привел в своем трактате о Московии англичанин Д. Мильтон (там же, с. 295).

[236] Там же, с. 254.

[237] **Введенский А. А.** Дом Строгановых..., с. 113, 114.

[238] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, прил., с. 348—354.

[239] **РИБ**, т. 2, с. 402.

[240] **История** Сибири, т. 2, с. 34.

[241] **Сибирские** летописи, с. 343.

[242] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, прил., с. 357—359.

[243] **Зияев Х.** Узбеки в Сибири, с. 11.

[244] **СГГД**, ч. 2. М., 1819, с. 133.

[245] **Зияев Х.** Узбеки в Сибири, с. 9, 10.

[246] **Буцинский П. Н.** Заселение Сибири..., с. 145.

[247] **СГГД**, ч. 2, с. 134.

[248] Там же, с. 131.

[249] **СГГД**, ч. 2, с. 230. Достигнув преклонного возраста, Кучум почти ослеп. Он просил прислать ему конский вьюк из бухарской «рухляди», в котором были снадобья. «Очи у меня были больны,—

писал хан,— и с теми послы были зелия, да и роспись тем зельям с ними же была» (там же).

[250] Там же.

[251] **Буцинский П. Н.** Заселение Сибири..., с. 146.

[252] **Синяев В. С.** Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 г.— В кн.: Вопросы географии Сибири, сб. 2. Томск, 1951, с. 144—148.

[253] **АИ**, т. 2. Спб., 1841, с. 3, 4.

[254] Там же.

[255] Там же, с. 6, 7.

[256] **РИБ**, т. 2, стб. 283. По другим сведениям, Кучум после поражения на Оби собрал уцелевших улусных людей и попытался угнать стада у калмыков, но был настигнут ими и разбит. Потеряв воинство, хан пытался найти прибежище в ногайских кочевьях. Ногайцы, боясь, что следом за Кучумом в их улусы придут русские, убили его. (См.: **Сибирские летописи**, с. 161).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Руслан Григорьевич Скрынников

СИБИРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЕРМАКА

Ответственный редактор
Алексей Павлович Окладников

Утверждено к печати
Институтом истории, филологии
и философии СО АН СССР

Редактор издательства *С. В. Бобрищева*
Художественный редактор *Н. А. Пискун*
Технический редактор *Г. Я. Герасимчук*
Корректоры *К. И. Сергеева, Е. Н. Зимина*

ИБ № 23607

Сдано в набор 15.10.81. Подписано к печати 26.02.82. МН-05510. Формат 70×108[1]/32. Бумага типографская № 2. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 11,2. Усл. кр.-отт. 11,4. Уч.-изд. л. 13. Тираж 30 000 экз. Заказ № 761. Цена 85 коп.

Издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука». 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091 **Алма-Ата**, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 **Баку**, ул. Джапаридзе, 13;
320005 **Днепропетровск**, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 **Ереван**, ул. Туманяна, 31;
664033 **Иркутск**, ул. Лермонтова, 289;
252030 **Киев**, ул. Ленина, 42;
252030 **Киен**, ул. Пирогова, 2;
252142 **Киев**, проспект Вернадского, 79;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 **Кишинев**, проспект Ленина, («Книга — почтой»);
343900 **Краматорск** Донецкой обл., ул. Марата, 1;
660049 **Красиоярск**, проспект Мира, 84;
443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 **Ленинград**, Литейный проспект, 57;
199164 **Ленинград**, Таможенный пер., 2;
196034 **Ленинград**, В/О, 9 линия, 16;
220012 **Минск**, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
103009 **Москва**, ул. Горького, 19;
117312 **Москва**, ул. Вавилова, 55/7;
630076 **Новосибирск**, Красный проспект, 51;
630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
142292 **Пущино** Московской обл., МР «В», 1;
620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 **Ташкент**, ул. Ленина, 73;
700100 **Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43;
700187 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 **Томск**, наб. реки Ушайки, 18;
450059 **Уфа**, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 **Уфа**, ул. Коммунистическая, 49;
720001 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

85 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ